

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 12(120)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 От главного редактора

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 11 **ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Глобальная политика и глобальная экономика: некоторые тенденции 2018 года
- 18 **ОРЛОВА И. А., МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., ПАЦЕК М.**
Неопределенность регулирования в борьбе с экстремизмом в международном и национальном праве
- 25 **ДЕСЯТНИЧЕНКО Д. Ю., ДЕСЯТНИЧЕНКО О. Ю.**
Опыт, проблемы и перспективы практической реализации концепции «Открытого Правительства» в Российской Федерации

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 33 **ГЛИТТОВА Я., ТОРОПЫГИН А. В.**
Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 48 **БАРАНЕЦ С. Н.**
Местная власть в политической системе российского региона: проблемы управленческих взаимодействий и современные теоретические модели
- 59 **ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.**
Некоторые особенности формирования инновационной экономики в странах ЕС и в США: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации
- 73 **КРОЛИВЕЦКАЯ С. М.**
Перспективы развития экспортного потенциала высшего образования Российской Федерации
- 79 **ГАГАРИНА Г. Ю., МИРОШНИКОВ С. Н.**
Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования
- 91 **ПОПОВА Л. В., СУББОТИНА К. В.**
Особенности формирования стратегии прямых иностранных инвестиций Японии в XXI веке
- 100 **ПЕТРОВ А. Н., ХОРЕВА Л. В., КАРПОВА Е. Г., ШОКОЛА Я. В.**
Вклад конгрессно-выставочных услуг в экономику дестинации: развитие методики оценки
- 110 **ТУТЫГИН А. Г., КОРОБОВ В. Б., ГУБАЙДУЛЛИН М. Г., ЧИЖОВА Л. А.**
Экспертная оценка соотношения затрат при строительстве нефтяной транспортной инфраструктуры в Арктике

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 118 АНТОНЧЕВА О. А., АПАНАСЕНКО Т. Е.**
Результаты изменения социальной структуры общества при социализации земельной ренты как альтернативы налогообложению
- 128 БЛИНОВА Т. Н., ФЕДОТОВ А. В.**
Доступность услуг высшего образования: понятие и методики оценки

A LINEA

- 142 ПАЛИЙ К. Р.**
Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт
- 154 САБЛИНА Ю. В.**
Евразийский союз: инструменты управления и интеграции

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 161 ПОЗНЯКОВ В. П.**
Рецензия на книгу В. Л. Квинта «Вглядываясь в будущее: изыскания пророков, предсказателей, лидеров и стратегов».

ГODOVое СОДЕРЖАНИЕ

- 163 Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2018 г.**

EDITOR'S COLUMN

8 From the Chief Editor

POLICY AND LAWFUL STATE

- 11 VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Global Policy and Global Economy: Some Trends of 2018
- 18 INNA A. ORLOVA, YURY V. MISHALCHENKO, MAXIM PACEK**
Uncertainty of Regulation in the Fight against Extremism in International and National Law
- 25 DMITRY YU. DESYATNICHENKO, OLESYA YU. DESYATNICHENKO**
Experience, Problems and Prospects of Practical Implementation of the Concept "Open Government" of the Russian Federation

EURASIAN STUDIES

- 33 YANA GLITTOVA, ANDREY V. TOROPYGIN**
Political and Legal Basis of the Conjugation of the Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt: Formation Process and Perspectives of Co-operation

POWER AND ECONOMY

- 48 BARANETS S. N.**
Local Authority in the Political System of the Russian Region: Problems and Theoretical Models of Governance
- 59 NATALYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDER V. LABUDIN**
Some Peculiarities of the Formation of the Innovative Economy in the EU Countries & In the USA: Learning of Experience for the Russian Federation
- 73 SVETLANA M. KROLIVETSKAYA**
Prospects of Development of Export Potential of Higher Education of the Russian Federation
- 79 GALINA Yu. GAGARINA, SERGEY N. MIROSHNIKOV**
Some Issues of Management of Social and Economic Development of Territorial Subjects of the Russian Federation Based on the System of Strategic Planning
- 91 LIUDMILA V. POPOVA, KSENIA V. SUBBOTINA**
Japanese Diversification Strategy in the Early 21st Century
- 100 ALEXANDER N. PETROV, LYUBOV V. KHOREVA, ELENA G. KARPOVA, YANA V. SHOKOLA**
Input of Congress-Exhibition Services to the Economy of a Destination: Development of Assessment Methodology
- 110 ANDREY G. TUTYGIN, VLADIMIR B. KOROBV, MARCEL H. GUBAIDULLIN, LYUDMILA A. CHIZHOVA**
Expert Assessment of a Ratio of Expenses at Construction of Oil Transport Infrastructure in the Arctic

SOCIETY AND REFORMS

- 118 OLGA A. ANTONCHEVA, TATIANA E. APANASENKO**
A Socialized Land Rent as Alternative to Taxation and the Change of Social Structure
- 128 TATYANA N. BLINOVA , ALEXANDER V. FEDOTOV**
Availability of Higher Education Services: the Concept and Methods of Evaluation

A LINEA

- 142 KRISTINA R. PALIY**
Realization of the Policy in the Field of Conservation of Material Cultural Heritage Objects: European Experience
- 154 YULIA V. SABLINA**
Eurasian Union: Instruments of Management and Integration

SCIENTIFIC LIFE

- 161 VLADIMIR P. POZNYAKOV**
The Review of the Book by Vladimir L. Kvint “Gazing into the Future: a Study of Prophets, Visionaries, Leaders and Strategists” ountering Violent Extremism. Review of the monograph «Extremism in the Modern World»

ANNUAL CONTENT

- 163 Content of the Journal "Administrative Consultation" for 2018**

От главного редактора

Декабрь месяц — объективная необходимость подвести итоги года. В экономическом, как, впрочем, и политическом, отношении год был открыт посланием Президента России Федеральному собранию. Программные тезисы В.В. Путина касались повышения благосостояния общества, борьбы с бедностью, задачи демографического развития, роста зарплат бюджетников и реконструкции городов. Нетрудно было заметить, что предложения главы Центра стратегических разработок Алексея Кудрина, писавшего не одну экономическую программу, получили масштабное отражение в выступлении Президента. Вместе с тем и ряд более консервативных, государство-центричных элементов получили отражение в послании. Впрочем, такая позиция имеет все больше новых и необычных сторонников: «...активы государ-

ственного сектора могут служить буфером, позволяющим правительствам стран с большим государственным богатством лучше справляться с рецессиями, чем странам с низкими уровнями государственного богатства»¹.

С целью ускорения экономического роста в мае 2018 г. Президентом РФ был издан Указ, определивший характер и иерархию целей, которые должны быть реализованы к 2024 г. Правительство увеличило расходы на образование, здравоохранение, инфраструктуру, социальную политику, цифровую экономику. Президентом и правительством предусмотрена реализация 12 мощных национальных проектов. Дополнительные расходы по этим направлениям составят около 8 трлн руб.

Эти меры получили положительную оценку Всемирного банка². По мнению этой авторитетной организации, «Россия готовится к технологическому прорыву — ключевой стратегической цели, сформулированной в майском указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года». При этом «директивным органам следует опираться на традиционные сильные стороны России, разрабатывать механизмы для быстрого внедрения

¹ Богатство наций: государство может лучше распоряжаться тем, чем оно владеет, и тем, что оно кому-то должно [Электронный ресурс] // Главная страница блогов МВФ. URL: <https://blogs.imf.org/> (дата обращения: 02.12.2018).

² Доклад об экономике России № 40: Экономика России: как обеспечить сохранение стабильности, удвоение темпов роста и сокращение бедности вдвое? // Группа Всемирного банка. 2018. С. 10.

новых технологий во всех ключевых конкурентоспособных областях, проактивно отвечать на существующие вызовы»¹.

Экономические итоги 2018 г. для России можно оценить по-разному. С одной стороны, уходящий год характеризуется тем, что далеко не все потенциальные возможности развития были реализованы. Россия поднялась на 11-е место, обойдя Южную Корею, в рейтинге крупнейших экономик (по объему ВВП), составляемом Всемирным банком. За год ВВП страны увеличился с 1,28 трлн до 1,58 трлн долл. Россия стала лидером в рейтинге десяти глобальных развивающихся рынков GEM-10 (Global Emerging Markets), обойдя Китай, Южную Корею, Индонезию. Это рейтинг Bank of America Merrill Lynch. У России лучшие показатели внешней ликвидности, текущего счета и сбалансированности бюджета среди стран БРИКС, а также один из самых низких показателей внешнего долга и низкая инфляция. Но положение дел в экономике далеко от идеала. Рецессия достаточно очевидна, надежды на 2019 г. зависят от целого комплекса условий. Рост свыше 2% вероятен в 2020-м г. «Мы ожидаем, что экономический рост составит 2% в этом году и 1,5% в следующем году», — отметил ведущий суверенный аналитик Международного рейтингового агентства Fitch по России Эрик Ариспе; интересно и то, что Банк России прогнозирует рост ВВП страны в 2018 г. на уровне 1,5–2%, в 2019 г. — 1,2–1,7%, в 2020 г. — 1,8–2,3%².

Разговоры о том, что «Путин обещал» существенно более высокий рост, следует признать не связанными с объективным контекстом внутренней и внешней политики. Тем более странными они представляются в тех случаях, когда это озвучивается далеко не последними представителями экономического блока правительства. Надеяться на то, что кто-то разберется с инвестициями Михаила Гуцериева в канадский Cirque du Soleil или какими-то другими странными инвестициями не следует. Разумный протекционизм — старый/новый тренд глобальной экономики. Стоит ли нам от него отказываться, если адепты свободного рынка идут по этой дороге? Отток капитала из России в 2018 г. составит 54 млрд долл., сообщила на пресс-конференции в декабре глава ЦБ Эльвира Набиуллина. Очевидно то, что если бы эти деньги остались в России, рост мог бы быть и 3, и 4%. Впрочем, это сфера ответственности не только Центробанка.

Говоря о безусловных достижениях Центробанка и экономического блока Правительства, следует указать на то, что от инфляции не удалось избавиться, но удалось ее укротить. Тем, кто считает это нормой, следует вспомнить инфляцию в 3% в месяц, а не в год — это было не так давно. Безусловно, положительной тенденцией можно назвать снижение зависимости российской валюты от цен на нефть.

Государственные финансы России — сбалансированы. Пять лет российская экономика училась жить в новых внешних условиях. Работает так называемое «бюджетное правило». Следует признать оправданным условно свободный курс рубля.

Грубой ошибкой стало бы предположение о том, что экономические процессы, набирающие силу в Европе, не затрагивают Россию. 2018 г. стал очередным подтверждением того, что рыночная экономика и демократическая модель общественной организации характеризуют Россию в такой же степени, как любую европейскую страну. Соответственно, все проблемы демократии и рыночной трансформации — это и наши проблемы.

¹ Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации // Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 2018. С. 23.

² Fitch повысило прогноз роста ВВП России по итогам 2018 года до 2% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/107431> 25.09.2018.

Кризис среднего класса, неустойчивость занятости и формирование прекариата — это не научный, а экономический и политический вызовы. Не создав «подушки безопасности», характерной для среднего класса Европы, мы уже попадаем под действие негативных тенденций трансформации среднего класса в прекариат. Парижский опыт зимы 2018 г. показывает, что невнимание к проблематике социального баланса ведет к кризису всей национальной государственности.

Эти процессы в перспективе станут глобальной проблемой. Опыт ряда европейских стран свидетельствует о том, что неустойчивая занятость способна дать неожиданные эффекты. Так, например, непопадание социальной группы или индивидуума «в цифру» в условиях неустойчивой занятости может привести к системному краху жизненной стратегии. В этом случае цифровая экономика может рассматриваться как причина «ослабления слабых и усиления сильных». В какой степени это способствует общественному развитию в целом? Ответ очевиден.

В России эта проблема оказалась в центре внимания руководства государства. «Все больше и больше людей начинают работать неполную рабочую неделю и в удаленном доступе, просто в интернете работают. Нужно же обеспечить их права. Это до сих пор практически никак не отрегулировано в трудовом законодательстве. С внедрением цифровых технологий совершенно точно будет высвобождаться большое количество работников. А куда их деть? И это могут быть не сотни тысяч, это могут быть миллионы людей, которые прекращают работу на традиционных рабочих местах. Значит, нужно заранее подумать, как обеспечить их права, нужно заранее подумать, а куда государство направит этих людей, где они будут работать». Так сказал Президент России на Всероссийском форуме профессиональной навигации «ПроеКТОрия» в декабре 2018 г.¹

Это означает, что государство рассчитывает на повышение активности населения, без этого не сформировать новые подходы к социальным основам государства. Проводить социальную политику в модели начала этого века государство больше не может. Однако и пустить процесс социальной стратификации по либеральной модели самоорганизации в России нельзя. Ослабление защиты труда и перенос ответственности с работодателя (капитала) на персонал (труд) — гарантия социальных конфликтов при отсутствии превентивной реакции государства.

Еще один тренд, который был обозначен в 2018 г., — новая молодежная политика в сочетании с общей кадровой политикой государства. Президент повысил значимость молодежной политики. Строго говоря, и работа высшей школы — это тоже часть государственной молодежной политики. В новом году это важнейшая задача, стоящая перед нами — коллективом Северо-Западного института Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59397>

Глобальная политика и глобальная экономика: некоторые тенденции 2018 года

Шамахов В. А.^{1, *}, Межевич Н. М.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamahov-va@sziu.ranepa.ru

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

2018 год стал важным рубежом в эволюции глобальной экономики и мировой политики. Далеко не все тенденции, упомянутые в статье, появились именно в этом году. Позиционирование США в мире, проблемы Европы, кризис среднего класса и рост прекариата стали значимыми факторами развития.

Кризис идеологий и рост популизма также отнесен авторами к тенденциям 2018 года. Авторы суммировали наиболее значимые тенденции глобального развития в понимании международных организаций и дали им оценку.

Ключевые слова: мировая экономика, либерализм, популизм, интеграция, международные отношения, приоритеты, прекариат, социальная политика

Global Policy and Global Economy: Some Trends of 2018

Vladimir A. Shamakhov^{a, *}, Nikolay M. Mezhevich^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Shamahov-VA@sziu.ranepa.ru

^bSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

2018 became an important boundary of evolutions of global economy and world politics. Not all trends mentioned in the article appeared this year. Positioning of the USA in the world, problems of Europe, crisis of the middle class and growth of the precariat became significant factors of development.

Crisis of ideologies and growth of populism is also referred by authors to trends of 2018. Authors summarized the most significant trends of global development in understanding of the international organizations and gave them an assessment.

Keywords: world economy, liberalism, populism, integration, international relations, priorities, precariat, social policy

Оценка итогов года со стороны международных организаций представляется важной, особенно в тех случаях, когда речь идет об авторитетных институтах ООН или структурах, прошедших проверку временем. Годовой отчет МВФ за 2017, подготовленный в 2018 году, открывается показательной фразой: «глубокая неопределенность относительно перспектив послевоенного мирового экономического и финансового устройства»¹. Об этом же говорят специалисты Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Позиция авторитетной международной организации прямо указывает на то, что в мире все меньше торговли и развития и все больше финансовых спекуляций: «За последние четыре десятилетия в условиях финансовых махинаций, неограниченной власти корпораций и политики жесткой экономии система обще-

¹ Годовой отчет МВФ 2017. Содействие всеобъемлющему росту. Вашингтон, 2018. С. 2.

ственного договора, сформировавшаяся после Второй мировой войны, сменилась другим набором правил появились возможности, позволявшие капиталу, будь то материальному или нематериальному, долгосрочному или краткосрочному, промышленному или финансовому, ускользать из-под надзора регулирующих инстанций, осваивать новые доходные области и ограничивать влияние директивных органов на методы ведения коммерческой деятельности»¹.

Безусловно, эффективное политическое управление на национальном уровне и сбалансированное межгосударственное регулирование позволило бы решить проблемы регулирования финансового капитала. Однако и региональное, и глобальное регулирование в этой сфере плохо развито. Признание этого обстоятельства состоялось на самом высоком уровне из всех возможных. В Докладе о целях в области устойчивого развития 2018 г., Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, отмечает: «Мы нуждаемся в политическом руководстве, ресурсах и готовности использовать имеющийся уже сегодня инструментарий». Возникает вопрос: если Генеральный секретарь ООН нуждается в политическом руководстве, то глобальные проблемы управления действительно угрожают цивилизации. Эти проблемы имеют политическое, экономическое и социальное измерения.

Коммунистическая идеология и практика как пример и образец сделали возможным эффективную эволюцию социальной и экономической политики именно в тех странах, где сами коммунистические идеи остались уделом абсолютного меньшинства. Пролетариат получил экономические и социальные права в обмен на лояльность капиталистическим правилам игры. В последнее время наступление на права трудящихся стало массовым и глобальным.

Это не прошло незамеченным экспертным сообществом. В последнее время критике подвергаются не только новая социальная структура общества в развитых странах, но и способы ее измерения. К примеру, у авторов последнего и юбилейного доклада Римского клуба — «Come On!»² вызывает критику такой традиционный показатель, как ВВП.

В апреле 1968 г. (обратим внимание на дату) в Риме собралась группа ученых, «для обсуждения сложного положения человечества в настоящем и будущем». Эта встреча положила начало существованию Римского клуба, деятельность которого сыграла огромную роль в развитии глобалистики в целом и в формировании современных взглядов на устойчивое развитие в частности. Создание Римского клуба, как и других подобных организаций, было обусловлено появлением и обострением глобальных проблем, о чем пишут со-президенты Римского клуба Эрнст Вайцзеккер (Ernst Von Weizsäcker, Германия) и Андерс Вийкман (Anders Wijkman, Швеция) в юбилейном докладе «Come on! Capitalism, Short-termism, Population and Destruction of the Planet» (Come on! Капитализм, Близорукость, Население и Разрушение Планеты). По мнению авторов доклада, он отражает траты, а не благополучие или субъективное счастье, и не видит блага, существующие вне рынка. Единственное, что измеряет ВВП, — скорость, с которой деньги движутся в экономике. По аналогии с понятийно-терминологическим аппаратом политологии предлагается термин «экономическая деятельность с нулевой суммой», к которой относится часть деятельности юристов, дизайнеров,

¹ Власть, платформы и иллюзия свободной торговли. Доклад о торговле и развитии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) — 2018 год. Нью-Йорк, 2018. С. 5.

² Ernst Ulrich von Weizsäcker, Anders Wijkman Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018 Springer Science+Business Media LLC 2018.

финансовых аналитиков и так далее. Авторы приводят такой пример: при бракоразводном процессе муж и жена используют труд дорогих юристов, и чем дороже обойдется распад их брака, и чем дольше будет длиться процесс, тем больше вырастут ВВП и производительность труда, и формально будет расти ВВП.

В этом интереснейшем докладе отмечено, что термин «рынки» (как и говорили политэкономы еще в СССР) применяется к двум совершенно разным вещам. Существуют классические рынки товаров и услуг, к которым нет и не может быть вопросов. Однако авторы выделяют и второй тип рынков — финансов и финансовых инструментов, т. е. рынки финансовых спекуляций.

Традиционно большое внимание авторы уделяют и экологии. В этих вопросах оценки западных и ведущих российских экспертов не расходятся: «Для обеспечения по западным стандартам 9–10 миллиардов людей уже в недалеком будущем понадобятся уже не три, а четыре планеты, а затем — пять и так далее»¹.

Классический капитализм, как и «западные стандарты», сформировался уже после Второй мировой войны. Этот опыт дал модель общества всеобщего благосостояния. «Фольксваген» у всех предполагает возможность «Мерседеса» у избранных и «Майбаха» в эксклюзиве. Выпадение первого символа неизбежно создаст проблемы у держателей более высоких статусов.

Возможно ли повторение этого опыта? До 2008 г. этот вопрос обсуждался, но дискуссия казалась скорее теоретической, чем имеющей отношение к практике [6, с. 123]. Ситуация изменилась. Формируется прекариат — новый класс. Ключевой признак прекариата (для Европы) связан со статусным диссонансом. Люди с высоким уровнем образования вынуждены соглашаться на работу по статусу или доходу ниже, чем они могли рассчитывать, исходя из своей квалификации. Разрегулированный рынок труда при доступном образовании приводит к тому, что «наемных работников систематически ставят во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест» [7].

Показателем сложившейся ситуации в сфере социальной стратификации является ключевое требование «желтых жилетов» Франции: «выборные представители должны получать медианную (среднюю) зарплату». Мы предполагаем, что это важнейший итог 2018 г. не только для Франции, но и для Европы в целом. Промежуточный итог их борьбы очевиден. Борьба «синих воротничков — желтых жилетов» с владельцами капитала, которые перекладывают социальные платежи на плечи трудящихся и переносят производства в регионы с дешевой рабочей силой, не всегда заканчивается поражением.

Долгое время правительства развитых стран признавали быстрый рост социального неравенства, сжатие среднего класса и прочие проблемы, означавшие отход от достижений «государства благосостояния» второй половины прошлого века. Признавали, но ничего не делали. Или делали то, что не давало никаких результатов. Формируется протест против системы современного капитализма, который при всех своих фантастических достижениях в области новейших технологий с социальной точки зрения отбросил развитые общества назад. Попыткой превентивной реакции следует считать концепцию «базового» или «гарантированного» дохода. 31 декабря 2018 г. завершится финский эксперимент по введению базового дохода и теории, как и практики, готовы изучить мотивацию участников и оценку ими последствий эксперимента.

¹ Население мира: перспективы и тренды [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-dvadtsatka-perekhod/> 12.12.2018.

Экономические отношения Китая и США представляют собой удивительный пример попыток великой державы — родины глобализации, ввести протекционистские режимы в отношении другой великой державы, исторически тяготевшей к изоляционизму и протекционизму. Новое соглашение США, Канады и Мексики идет дальше и представляет собой пример политического принуждения к корректировке экономического курса третьих стран. Впрочем и это не является критичным случаем по сравнению с политикой США в отношении «Северного потока-2».

В этом контексте представляет интерес оценка Ивана Крастева — председателя Центра либеральных стратегий в Софии, научного сотрудника Института гуманитарных наук в Вене. Он пишет: «Если Европа не поймет, что ее связи с Соединенными Штатами отныне будут определяться позицией в отношении Китая, в том числе и после того, как Трамп покинет президентский пост, это будет трагичной ошибкой с их стороны»¹. С точки зрения экономики или, точнее, экономической теории любой чужой неконтролируемый рынок — поле конкурентной борьбы. С одной стороны, экономическое интеграционное объединение ограничивает возможности роста конкурирующего интеграционного проекта.

Однако в современной Европе не учитывается тот факт, что на Востоке тоже существует интеграционное объединение. Закономерно то, что как конкурента оно может и должно воспринимать Европейский союз. С экономической точки зрения Европе нужна контролируемая и деградирующая периферия как устойчивый рынок сбыта. При этом в 2018 г. парадоксальным образом Европа сама стала тяготеть к статусу управляемой периферии. В этом контексте вспоминается классический тезис Чарльза Тили, относящийся к эпохе протекционизма и консерватизма: «Правители обычно старались создать безопасную зону, внутри которой они могли получать доходы от принуждения, и укрепленную буферную зону для защиты зоны безопасности» [8, с. 264]. Именно так выглядит американская политика сегодня.

Связи с США для любого европейского государства будут определяться не только линией в отношении Китая, но и позицией в отношении России. Следует также отметить, что в настоящее время политическое руководство США ориентировано на модель безусловного и демонстративного подчинения любого европейского государства Вашингтону. Возможно возражение, связанное с тем, что это было и раньше. Однако раньше существовала другая форма, при том же содержании. Союзники Вашингтона имели возможность «сохранить лицо», сегодня такой возможности больше нет. Можно ли общаться с Берлином, как с Ригой или с Парижем, как с Вильнюсом? Ответа на этот вопрос 2018 год не дал. Подведем промежуточный итог. События 2018 года, связанные с США, промежуточные выборы в Конгресс показали, что при любых изменениях в Белом доме в 2020 году изменится не столько суть внешней и внутренней политики США, сколько демонстративно коварский стиль ее реализации, а значит и риски для глобальной стабильности остаются. При этом новой американской идеологией становится отсутствие идеологии.

Политическая и экономическая неопределенность в США разворачивается на фоне новых идеологических споров между сторонниками «левого» и «правого» транзита в Европе. В середине 2017 года вышел доклад Клуба «Валдай», посвященный идеологии трэмпизма и анализу глобального «правого бунта» [1]. В декабре 2018 года ведущие эксперты Клуба «Валдай» представляют доклад о «левом бунте» [2]. Что объединяет эти идеологические подходы? Конечно же, популизм.

¹ Крастев И. Европейец в Вашингтоне Трампа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Europeetc-v-Vashingtone-Trampa-19859>

Кризисы ударили по жизненному уровню и планам, что усилило как право-популистские, так и лево-популистские партии.

Директор Института Европы РАН Алексей Анатольевич Громыко ставит вопрос о «концепции „нового популизма“» и ее роли в становлении постбиполярного мирового порядка [4]. Поднимая вопрос о популизме, следует обратиться не к французскому, а, как ни странно, британскому опыту. Еще в 2011 году палата общин Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии приняла билль, согласно которому передача любых новых полномочий в пользу Брюсселя возможна лишь по итогам референдума. Таким образом британские политики подстраховались от использования имеющихся в Лиссабонском договоре механизмов расширения полномочий ЕС. Билль имел пропагандистское значение, став частью избирательной кампании консерваторов, призванной завоевать лояльность евроскептиков. Попытка использовать идею референдума по стратегическому вопросу для решения задач удержания власти привела к наиболее масштабному скандалу со времен участия Н. Чемберлена в мюнхенском сговоре в 1938 году. Иницилируя референдум о членстве в ЕС, Д. Кэмерон не планировал выход страны из Евросоюза. Демонстрация жесткости в отношении Брюсселя помогла Д. Кэмерону привлечь на свою сторону евроскептический электорат и выиграть выборы 2015 года. С другой стороны, он умело использовал угрозу будущего референдума как козырь, чтобы выторговать новые уступки от партнеров по ЕС [5, с. 11]. Кризис «старой» Европы практически совпадает с активным продвижением дискредитировавших себя проектов и моделей на восток от Берлина. «Брекзит — закономерный итог взаимодействия национальных экономик стран в рамках интеграционного объединения, где открытая конкуренция неизбежно делит государства на победителей и проигравших» [9].

При всех различиях в ситуациях в ведущих европейских странах можно говорить об одном общем результате неопределенности будущего Европы как единого целого. А оно под вопросом, как минимум в том виде, к которому все привыкли. Зададим риторический вопрос: какие еще политические потрясения должны произойти в Европе для того, чтобы признать факт системного кризиса европейской модели в целом?

Ключевой вопрос для России — модель использования зарубежного опыта. «Несистемное заимствование чужих правовых и институциональных решений не позволит преодолеть отставание. Системное заимствование приведет к утрате самобытности и всех прежних цивилизационных характеристик»¹. Это не только наша проблема, перед нами вызов для любой нелокальной цивилизации. Тезис об уникальной способности китайской цивилизации к адаптации заимствованного — общеизвестен. Очередная значимая, но качественно не новая работа [3] постулирует то, что все попадающее в Китай становится органичным, «исконно» китайским или отвергается и исчезает. Следует предположить, что это скорее «желаемое», чем действительное.

Стремление к исключительности китайской идеологии и практики базируется на масштабных достижениях. Прозелитизм не характерен для китайской цивилизации, хотя многое из китайского опыта заслуживает внимания. В этом контексте не ясно, на чем базируется оптимизм либералов в экономике и политике, желание распространить эти практики в мировом масштабе. Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен, руководитель фонда имени Ф. Науманна в России, писал в уходящем году: «У ли-

¹ Энтин М. Сбалансированный подход к обеспечению правового суверенитета. Предисловие главного редактора [Электронный ресурс] // Вся Европа. URL: <http://alleuropa.ru/?p=15962>

берализма есть очень сильное и при этом неизменное ядро ценностей и идей. И главные из них — индивидуальная свобода и индивидуальная ответственность человека, индивидуальная, а не коллективная идентичность, высокое человеческое достоинство»¹. Подход достаточно логичный, так как подчеркивает достоинства, но ничего не говорит о недостатках. Причем достоинства неоспоримо принадлежат теории, а недостатки — практике. Либерализм остается идеологией, а не только теорией, глобальной административной, экономической и политической элиты. Впрочем, ситуация меняется: в 2018 году многие европейские идеологи указывают на то, что «требуется переосмысление действий либералов в экономической сфере»².

В сфере обороны и безопасности прошедший год был самым тяжелым со времен Карибского кризиса. Весь год США, НАТО и их разнообразные союзники делали демонстративно провокационные заявления в адрес России. При этом в начале 2018 года Генеральный секретарь НАТО сделал заявление, в котором отметил, что НАТО не хочет повторения холодной войны и гонки вооружений и выступает за политический диалог с Москвой. Начальник Генерального штаба Министерства обороны РФ Г. Герасимов посетил штаб-квартиру НАТО и провел переговоры с официальными военными представителями Альянса. Это позволило сохранять определенный, минимальный уровень веры в победу позитивного сценария. Однако на прошедшем в декабре 2018 года саммите НАТО России предъявили очередные конкретные претензии без конкретизирующих аргументов. В этот раз по поводу соблюдения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД).

Система договоренностей эпохи холодной войны не идеальна, но она позволила человечеству дожить до текущего этапа. Во многом эта проблема связана не только с практикой, но и с теорией вопроса. Термин «международное право» используется существенно меньше, чем ранее, он перестал устраивать лидеров евроатлантической цивилизации. Наступает эпоха «порядка, основанного на правилах» (rules based order). Это модель максимально близкая англо-саксонскому, т. е. прецедентному праву. В этой правовой модели произвольные трактовки являются нормой. Правилom стало отсутствие правил. Мир без нормативного регулирования существовать не может, соответственно, он регулируется силой, превращается в мир силового противостояния. В таком мире положение России является сложным, проблемным, но возможным. У многих других игроков мировой политики и экономики такой возможности нет.

Литература

1. Барабанов О., Ефременко Д., Кагарлицкий Б., Колташов В., Телин К. Глобальный «правый бунт»: трампизм и его база [Электронный ресурс] // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь, 2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17226/>
2. Барабанов О.Н., Григорьев Д.И., Кагарлицкий Б.Ю., Колташов В.Г. Глобальный «левый бунт»: ожидания и реальность М. : Международный Дискуссионный клуб «Валдай», 2018.
3. Вэй Янь. От Великой стены до Уолл-стрит. М. : Олимп-Бизнес, 2018. 448 с.
4. Громыко Ал. А. О насущном: Европа и современный мир. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
5. Кавешников Н. Ю. Великобритания и Европейский Союз: долгая история развода. Статья первая // Современная Европа. 2018. № 5. С. 6–16.
6. Межевич Н.М. Социал-демократия на постсоветском пространстве: опыт государств Прибалтики // Современная социал-демократия: идеология и политическая практика: Сборник научных статей конференции / под ред. Р.С. Гринберга, С.Г. Арбузова. М. : ИЭ РАН, 2017.

¹ Кризис либеральной демократии. Что значит либерализм в XXI веке? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/11/12/krizis-liberalnoj-demokratii-chto-znachit-liberalizm-v-xxi-veke/> 12.11.2018

² Там же.

7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
8. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т.Б. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009.
9. Экономические аспекты Брекзита. М. : Ин-т Европы РАН, 2017.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук; mez13@mail.ru

References

1. Barabanov O., Efremenko D., Kagarlitsky B., Koltashov V., Telin K. Global "right revolt": Trumpism and its base [Electronic resource] // Report of the International Valdai Discussion Club. September, 2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17226/> (In rus)
2. Barabanov O.N., Grigoriev D.I., Kagarlitsky B.Yu., Koltashov V.G. Global "left revolt": expectations and reality M. : International Discussion Club Valdai, 2018. (In rus)
3. Wei Yen. From the Great wall to Wall Street. M. : Olympus business 2018. 448 p. (In rus)
4. Gromyko A. About essential: Europe and modern world. M. ; SPb. : Nestor-History, 2017. (In rus)
5. Kaveshnikov N.Yu. Great Britain and European Union: long story of a divorce. Article first // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2018. No. 5. P. 6–16. (In rus)
6. Mezhevich N.M. Social democracy in the former Soviet Union: experience of the states of the Baltics // Modern social democracy: ideology and political practice: The collection of scientific articles of a conference / under the editorship of R. S. Greenberg, S.G. Arbuzov. M. : IE RAS, 2017. (In rus)
7. Standing G. Precariat: new dangerous class. M. : Ad Marginem Press, 2014. (In rus)
8. Tillie Ch. Coercion, capital and European states. 990–1992 / Translation from English of Menskaya T.B. M. : Territory of the Future publishing house, 2009. (In rus)
9. Economic aspects of the Brexit. M. : Institute of Europe of RAS, 2017. (In rus)

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies (RABS), Doctor of Science (Economics); mez13@mail.ru

Неопределенность регулирования в борьбе с экстремизмом в международном и национальном праве

Орлова И. А.^{1, *}, Мишальченко Ю. В.¹, Пацек М.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *innaorlova@yandex.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ понятия «экстремизм» в национальном и международном праве, исследуется проблема криминализации экстремизма в законодательстве Российской Федерации, зарубежных государствах и международно-правовых актах, выявляются пробелы и противоречия в правовом регулировании отношений, направленных на противодействие экстремизму, обосновывается, что правовая определенность является одним из факторов эффективности международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистский акт, экстремистская деятельность, терроризм, правовой нигилизм, международное сотрудничество

Uncertainty of Regulation in the Fight against Extremism in International and National Law

Inna A. Orlova^{a, *}, Yury V. Mishalchenko^a, Maxim Pacek^b

^aSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *innaorlova@yandex.ru

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the concept of “extremism” in national and international law, examines the problem of criminalization of extremism in the legislation of the Russian Federation, foreign states and international legal acts, identifies lacunas and contradictions in the legal regulation of relations aimed at countering extremism, it is argued that legal certainty is one of the factors of the effectiveness of international cooperation in the fight against extremism and terrorism.

Keywords: extremism, extremist act, extremist activity, terrorism, legal nihilism, international cooperation

Суверенитет любого государства проявляется в том, что оно самостоятельно определяет свою внешнюю и внутреннюю политику, в том числе (и в первую очередь) в вопросах безопасности. Полагая, что то или иное деяние является угрозой безопасности (личности, общества, государства или международного сообщества), государство криминализирует данное деяние и вводит в свое уголовное законодательство ответственность за него. В случаях признания какого-либо деяния угрозой международному миру и безопасности, государства разрабатывают международно-правовые механизмы противодействия подобным деяниям.

В настоящее время экстремизм стал реальной угрозой безопасности не только отдельных государств, но и целых регионов; необходимость противодействия экстремистским проявлениям осознается всем международным сообществом. Экстремизм

мизм подрывает международный мир и безопасность, способствует эскалации вооруженных конфликтов, разжигает межнациональные, расовые, социальные противоречия. Особую опасность представляет тот факт, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сфер влияния¹.

Одним из факторов распространения экстремизма традиционно называют правовой нигилизм. В то же время, стоит отметить, что преодоление правового нигилизма связано с повышением уровня правовой культуры и легитимности права, что довольно проблематично в условиях неопределенности правового регулирования. Подобная правовая неопределенность возникла и в связи с правовым определением экстремизма.

Проблема общей дефиниции экстремизма как преступления заключается в его постоянном развитии, возникновении новых форм и видов, а также появлении новых методов его проявления. В то же время, государства по-разному понимают понятие экстремизма; они не пришли к единому мнению, какие виды деятельности относятся к экстремистским, не могут сформировать единый перечень экстремистских деяний, а также каталог экстремистских организаций.

В Уголовном кодексе Российской Федерации также отсутствует единое определение преступления экстремизма, и содержатся лишь положения об ответственности за определенные виды экстремистской деятельности: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3). Перечень деяний, относящихся к экстремистской деятельности, приводится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Причем, необходимо отметить, что данный список является исчерпывающим. Признание иных действий экстремистскими потребует внесения изменения в закон. Кроме того, в указанном законе отождествляются понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм». Аналогично поступил законодатель Республики Беларусь, объединив два указанных термина в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму».

Государство само определяет объем запрещенных деяний, понимаемых как экстремистские действия, за совершение которых наступает правовая ответственность. Если обратиться к национальному законодательству других государств, то можно выявить различное содержание, которым законодатели наполняют термин «экстремизм». Одни государства понимают категорию «экстремизм» достаточно широко, наполняя данную категорию идеологической составляющей. Так, в Законе Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм понимается как «позиция, доктрина некоторых политических течений, которые на основе крайних теорий, идей или взглядов стремятся посредством насильственных или радикальных мер навязать свою программу».

Другие государства рассматривают экстремизм достаточно узко, сводя его лишь к проявлениям экстремистских действий на религиозной почве (Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 17-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом»). Возможно даже издание специального закона, который действует лишь на определенной административной территории внутри государства (Закон Китайской Народной Республики о противодействии экстремизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе 2017 г.).

¹ Путин В.В. Речь на заседании Совета безопасности Российской Федерации 20 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47045> (дата обращения: 12.12.2018).

В уголовном законодательстве большинства государств — членов СНГ в той или иной форме закрепляется ответственность за экстремистские действия, перечень которых в разных государствах различен. Термин «экстремизм» не содержится в уголовном законодательстве Республики Молдова, Украины и ряде иных государств, однако ряд действий, признаваемых экстремистскими, в нормативных актах так или иначе криминализированы.

В то же время необходимо отметить, что терроризм и экстремизм могут рассматриваться государствами не только как криминальное явление, но и как политическое. Например, «США в большей мере считают терроризм явлением не криминальным, требующим правовой реакции, а политическим. Этим американская концепция отличается, например, от европейской, которая в большей мере считает борьбу с терроризмом сферой деятельности полиции» [2].

Необходимо отметить, что Российская Федерация является значимым актором международного общения, активно участвует в международной жизни. Сложность формулировки части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации позволяет многим представителям политической и правовой доктрины утверждать о примате международного права над национальным законодательством Российской Федерации. В то же время, стоит обратить внимание на то, что частью правовой системы Российской Федерации являются лишь те общепризнанные принципы и нормы, которые восприняты Россией, а также международные договоры, обязательства по которым Российская Федерация приняла на себя.

Поскольку экстремизм проявил себя как серьезная угроза безопасности всего международного сообщества, государства оказались перед необходимостью сотрудничества по вопросам борьбы с проявлениями экстремизма. Однако если даже на уровне национального регулирования государства не смогли выработать определение экстремизма, которое полностью раскрывало бы его характерные признаки, то на международном уровне решение данной проблемы оказалось еще более трудным.

Усилия международного сообщества направлены на противодействие такой крайней форме экстремизма, как воинствующий (насильственный) экстремизм. Насильственный экстремизм несет угрозу миру и безопасности, а значит, борьба с ним входит в сферу международно-правового сотрудничества. Согласно Уставу Организации Объединенных Наций государства обязаны сотрудничать по вопросам поддержания мира.

В то же время отмечается важность практических действий по борьбе с экстремизмом даже в случае отсутствия согласия государств в вопросах дефиниций¹. Отсутствие не только единого международно-правового определения экстремизма, но и различное наполнение данного термина разными государствами снижает эффективность борьбы с экстремистскими проявлениями, сдерживает выработку адекватных стратегий борьбы с проявлениями экстремизма.

Стоит отметить, что, хотя на универсальном уровне единого международно-правового договора по вопросам борьбы с экстремизмом государства пока не приняли, да и в настоящее время это не представляется возможным, члены Организации Объединенных Наций заключили большой массив международных соглашений, направленных на борьбу с различными проявлениями терроризма. Данный путь схож с регламентацией преступлений террористической и экстремистской направленности в национальном законодательстве, где государства не смогли дать единой дефиниции терроризму и экстремизму, а обозначили круг действий, которые подпадают под понятие экстремистской и террористической деятельности.

Поскольку международные договоры содержат обязательства государств, которые они должны выполнять, их заключение представляет собой довольно сложный и дли-

¹ План действий по предупреждению воинствующего экстремизма // А/70/674.

тельный процесс. Основные направления сотрудничества, определение целей и путей их достижения государства формулируют в политических документах. В сфере противодействия принят целый ряд программных документов, среди которых стоит указать Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 г.) и Декларацию, дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. (1996 г.), Декларацию о глобальных усилиях по борьбе с терроризмом (2001 г.), Декларацию по вопросу о борьбе с терроризмом (2003 г.). Венскую декларацию [о борьбе с терроризмом] (1994 г.), Стратегию партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму (1996 г.) и др.

Кроме определенных мер, предпринятых государствами на договорном уровне, государства-члены ООН совершенствуют институционный механизм (создание международных организаций и органов), направленный на противодействие экстремизму (Контртеррористический центр ООН, действовавший с 2011 г., Контртеррористическое управление Организации Объединенных Наций¹).

Учитывая, что сотрудничество государств в сфере борьбы с экстремизмом на универсальном уровне пока еще не достигло желаемого эффекта, государства активно развивают региональное сотрудничество. Региональное взаимодействие в данной области возрастает, поскольку позиции государств одного региона чаще совпадают в вопросах квалификации экстремизма и выработки эффективных механизмов борьбы с ним. Кроме того, перед государствами стоит единая цель — сохранение безопасности региона.

Практически все значимые региональные организации (ОДКБ, ОБСЕ, Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества, Лига арабских государств, Организация американских государств и др.) в настоящее время в повестку дня включают вопросы противодействия экстремизму. В рамках указанных организаций разработан и принят целый ряд международных договоров, предметом которых является сотрудничество в борьбе с экстремизмом и терроризмом: Арабская конвенция о борьбе с терроризмом от 22 апреля 1998 г., Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г., Конвенция Организации Африканского Единства по предотвращению и борьбе с терроризмом от 14 июля 1999 г., Конвенция о предупреждении и наказании актов терроризма, совершенных как преступления против индивидов и связанного с этим вымогательства, имеющих международное значение 1971 г. и Межамериканская Конвенция по борьбе с терроризмом 2002 г., Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (г. Шанхай)² и Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. (г. Астана)³.

К сожалению, даже в рамках одного региона могут быть приняты международные правовые акты, в которых государства дают разное определение одному и тому же понятию.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 71/291 от 15 июня 2017 г. «Укрепление потенциала системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» A/RES/71/291 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/172/61/PDF/N1717261.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.12.2018).

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (Шанхай) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

³ О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 24. Ст. 3541.

Так, в Конвенции 2001 г. экстремизм определен как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон», а в Конвенции 2017 г. проводится различие между «экстремизмом» и «экстремистским актом», причем «экстремизм» определяется как идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий.

В правовом поле Российской Федерации также нашло отражение понятие экстремизма как идеологии. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (утв. Президентом Российской Федерации 28. 11. 2014 № Пр-2753)¹, «идеология экстремизма (экстремистская идеология)» определяется как «система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов».

Стратегия является подзаконным актом, но актом нормативно-правовым, который, кроме того, определен как основополагающий документ для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Следовательно, в случае отсутствия квалификации понятия «идеология экстремизма» в нормативно-правовых актах более высокого уровня, органы государственной власти Российской Федерации, в том числе и судебные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления должны понимать данную категорию так, как она представлена в Стратегии.

Стоит отметить, что при разработке международных правовых актов государства будут ориентироваться на собственное понимание преступления экстремизма, поэтому в международных соглашениях отмечается необходимость принятия во внимание национального законодательства при осуществлении совместных мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму.

Термин «экстремистский акт» в российском законодательстве используется в несколько ином виде — как «террористический (экстремистский) акт». В законодательстве Российской Федерации формулировки «террористический акт» содержатся в ряде законов² и подзаконных актов³.

Конвенции, направленные на сотрудничество государств в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, требуют ратификации⁴. В случае если государство подписало конвенцию, но не ратифицировало ее, оно должно стремиться согласовывать свою деятельность с положениями конвенции, несмотря на то, что обязательства по

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160 (дата обращения: 12.12.2018).

² Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 «О гражданстве Российской Федерации».

³ Указ Президента Российской Федерации от 14.09.2012 № 1289 «О реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Российская газета. 2012. 17 сентября.

⁴ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. была ратифицирована Республикой Узбекистан 4 апреля 2018 г. Российская Федерация пока данную конвенцию не ратифицировала.

выполнению конвенции государством пока не приняты, и международно-правовая ответственность в случае невыполнения положений договора не возникает.

Кроме нормообразующих жестких международно-правовых актов, в рамках регионального сотрудничества могут приниматься акты, не имеющие обязательного характера, но обладающие важным политическим значением, которые являются программными документами и определяют основные цели, задачи и направления сотрудничества. Примером такого акта является Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 5 июля 2005 г.¹

Заключение международных договоров преследует целью унификацию правового регулирования, т.е. создание единых норм для всех государств-участников. Государства довольно осторожно заключают международные соглашения, особенно те, которые непосредственно влияют на изменение национального законодательства.

Кроме механизма унификации правовых норм государства также используют иной путь — гармонизацию национального законодательства путем принятия единообразных правил, предложенных в международных модельных документах (типовых законах, модельных кодексах и пр.). Не являясь международными договорами, данные документы предлагают государствам пути сближения правового регулирования [1]. В качестве примера можно привести Модельный закон СНГ «О противодействии экстремизму», принятый 14 мая 2009 г. К этому времени в Российской Федерации уже был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», положения которого были восприняты большинством государств-членов СНГ, и который стал образцом для национальных законодательных актов.

В Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» объединены, однако в Модельном законе СНГ «О противодействии экстремизму» проводится различие между данными категориями. «Экстремизм» определяется как «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения», а «экстремистская деятельность» раскрывается через перечень определенных деяний².

Различное понимание экстремистской деятельности, криминализация в национальном законодательстве разных деяний в качестве экстремистских, отсутствие единообразного закрепления экстремизма в универсальных, региональных, двусторонних соглашениях приводят к возможному расширительному толкованию данного термина правоприменительными и правоохранительными органами, непониманию гражданами принципов правового регулирования в борьбе с экстремизмом, способствуют усилению правового нигилизма, и, в конечном итоге, приводят к снижению эффективности деятельности государств в вопросах противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Литература

1. Орлова И. А. Согласованность законодательства государств как один из путей повышения эффективности в борьбе с экстремизмом // Пути гармонизации межнациональных отношений и профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде: учебно-методическое пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 170–175.

¹ Текст Концепции официально опубликован не был. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12140899> (дата обращения: 12.12.2018).

² Модельный закон «О противодействии экстремизму» от 14 мая 2009 года № 32-9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2009. № 44.

2. Чернядьева Н. А. Американская региональная (ОАГ) и национальная (США) модели борьбы с международным терроризмом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 1. С. 26–29.

Об авторах:

Орлова Инна Анатольевна, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; innaorlova@yandex.ru

Мишальченко Юрий Владимирович, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор; myv2008@mail.ru

Пацек Максим, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доктор юридических наук; m764074@gmail.com

References

1. Orlova I. A. Coherence of the legislation of the states as one of ways of increase in efficiency in fight against extremism // Ways of harmonization of the international relations and prevention of extremist manifestations among young people: Tutorial. SPb. : The Herzen State Pedagogical University of Russia publishing house, 2016. P. 170–175. (In rus)
2. Chernyadyeva N. A. American regional (OAS) and national (USA) models of fight against the international terrorism // International criminal law and international justice [Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya]. 2016. N 1. P. 26–29. (In rus)

About the authors:

Inna A. Orlova, Associate Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations of St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; innaorlova@yandex.ru

Yury V. Mishalchenko, Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations of St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics, Jurisprudence), Professor; myv2008@mail.ru

Maxim Pacek, Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences, Doctor of Science (Jurisprudence); m764074@gmail.com

Experience, Problems and Prospects of Practical Implementation of the Concept “Open Government” of the Russian Federation

Dmitry Yu. Desyatnichenko, Olesya Yu. Desyatnichenko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *rabotaemail@mail.ru

ABSTRACT

The author's hypothesis investigated in this article is connected with the statement about the imbalance in the practical implementation of the principles and priorities of the concept of open government in Russia and the need to study the institutional causes of this imbalance. The purpose of the study is to develop conceptual proposals, the implementation of which will help to smooth out and eliminate the imbalances noted above in development.

The article on the one hand, notes the clear achievements in solving many technical and technological problems that have recently hampered the formation of e — government, e-democracy, open government. These include only a partial solution at the state level of the problem of functioning of a convenient and legally significant system of identification of citizens in the electronic environment, the rating of the functioning of the elements of the electronic democracy and the lack of real interest of citizens to participate in decision-making by public authorities, often narrowing in practice the principles of the concept of “Open Government” to the task of ensuring the openness of data.

The identified successes and problems in the formation and development of open government elements allow the authors to offer and justify their vision of promising directions for the practical implementation of the concept of “Open Government” in the Russian Federation.

Among them: the need of developing and implementing mechanisms to ensure the mandatory participation of a significant number of the country's citizens in the public discussion of issues directly affecting their interests, their mandatory direct impact on the adoption of socially significant decisions; the expansion of the use of crowdsourcing as an effective, economic and socially effective tool for involving citizens in socially aware decision-making.

Keywords: e-government, e-democracy, crowdsourcing, innovation, public discussion of projects

Опыт, проблемы и перспективы практической реализации концепции «Открытого Правительства» в Российской Федерации

*Десятниченко Д. Ю. *, Десятниченко О. Ю.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *rabotaemail@mail.ru

РЕФЕРАТ

Авторская гипотеза, исследуемая в данной статье, связана с утверждением о наличии дисбаланса в практической реализации принципов и приоритетов концепции открытого правительства в России и необходимости исследования институциональных причин этого дисбаланса. Целью исследования является выработка концептуальных предложений, реализация которых будет способствовать сглаживанию и устранению отмеченных выше дисбалансов в развитии.

В статье, с одной стороны, отмечаются явные достигнутые успехи в решении многих технических и технологических проблем, еще недавно сдерживавших формирование системы электронного государственного управления, электронной демократии, открытого правительства.

С другой стороны, исследуются существующие системные проблемы, препятствующие дальнейшему развитию открытого правительства в стране. К таковым авторы относят лишь частичное решение на государственном уровне проблемы функционирования удобной и юридически значимой системы идентификации граждан в электронной среде, номинальность функционирования элементов системы электронной демократии и отсутствие реального интереса граждан к участию в принятии решений органами государственного управления, нередкое сужение на практике принципов концепции «Открытого Правительства» до задачи обеспечения открытости данных.

Выявленные успехи и проблемы в формировании и развитии элементов открытого правительства позволяют авторам предложить и обосновать свое видение перспективных направлений практической реализации концепции «Открытого Правительства» в РФ. Среди них: необходимость разработки и внедрение механизмов, обеспечивающих обязательное участие значительной части граждан страны в общественном обсуждении вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы, их обязательное прямое влияние на принятие общественно значимых решений; расширение практики использования краудсорсинга, как действенного, экономически и социально эффективного инструмента вовлечения граждан в принятие общественно значимых решений.

Ключевые слова: электронное правительство, электронная демократия, краудсорсинг, инновации, общественное обсуждение проектов

1. Introduction

Sinc J. Schumpeter, justified the leading role of innovations in provision of dynamic development of economic systems, the term “innovation”, has become the synonym of progress and moving forward, but by the end of the 20th century it becomes the must-have item of new existing everywhere compound terms that characterize progressive changes in all fields and branches of activity.

Innovative education, innovative entrepreneurship, and innovative economy — this is an incomplete list of idioms that have recently entered and entrenched the daily manner of speech. The sphere of public administration, being very conservative basically, today it has also been involved in the processes of innovative modernization. One of the bright external signs of such processes of renewal is the widespread transition to an innovative model of government, based on the active use of information and communication technologies of continuous interaction of the subject and objects of management — the model of Open Government.

In our opinion, the open government is a new stage in the implementation of the traditional principle of democracy, associated with the use of modern information and communication technologies that leads to a qualitatively new level of interaction of citizens, the state and local government. In the context of open government it becomes possible and necessary to develop the institutions of electronic democracy, which allow to receive both prompt feedback from citizens and, to express their proposals and wishes proactively and directly to the legislative and executive authorities at all levels in an initiative manner.

The author’s hypothesis in this article is: the implementation of the main priorities and principles of the concept of “Open government” in Russia has started successfully in general, but it is unbalanced in various areas due to the presence of a number of unresolved institutional problems. Searching for approaches to solve these institutional problems requires the identification of new areas of active practical work of the legislative and executive authorities in Russia. The search and identifying of these new priorities for Russia in the medium and long term is possible as a part of research projects and scientific discussions, which allow to identify both augmented and alternative approaches to solve institutional problems of consistent implementation of the concept of “Open government” in the Russian Federation.

2. Success in implementing the concept of “Open Government”

Despite the fact that more than 6 years has passed since the President's decree № 601 “On the main directions of improving the system of public administration” was promulgated, and it has become essentially a “road map” for building a new model of information interaction between the government and society, the study of the problems and prospects of the “Open government” remains quite an urgent task. This decree defined as a target that in 2018 the share of citizens using e-government services should reach 70%. The Ministry of digital technology development and communication has carried out significant work on the promotion and promotion of electronic interaction with the state. The official website of which states that in 2014, 2016, 2017, the planned figures for the share of citizens using electronic public services were exceeded by 0.2%, 1.3%, 4.3%, respectively¹.

We believe that the above mentioned facts should also be considered as an example of effective implementation of the principles enshrined in the concept of openness of Federal Executive bodies, approved by the order of the Government of the Russian Federation № 93 — p 30.01.2014.² We can talk about the successful implementation of this Concept, the creation of mechanisms and tools for certification, registration and publication of data, the development and implementation of methods of monitoring and evaluation of the demand for open data, monitoring of state websites.

The harbinger of the concept of Open Government was the Concept of formation in the Russian Federation of electronic government³, which defined in particular the electronic government as a new form of organization of public authorities, allowing to bring to a new level of efficiency and convenience of organizations and citizens of public services and information about the results of the detail of state bodies through the widespread use of information and communication technologies.

The implementation of the concept of “Open Government” certainly includes the active use of mechanisms of electronic information interaction of various state and municipal authorities, organizations and citizens, but is not limited to them. The category of “open government” is much broader than “e-government”, as it also involves the active use of traditional forms of interaction of all stakeholders, contributing to the increase of the degree of participation of citizens and public associations in political process and public decision making.

The development of e-government within the concept of e-government has already moved beyond the interaction with the Executive authorities. In fact, we are witnessing the actual expansion of the concept of “electronic government” and its transformation into the concept of “electronic system of state and municipal management”, based on “electronic participation” as a new mechanism of the interactive relationship between authorities and society [3], and the legal concept of e-democracy [1], which in our expert opinion should also be attributed to the success in the field of practical construction of the open government model in Russia. The various branches of government, including the legislative and judicial branches, has already started using e-government and governance tools, and this experience is contributing the overall of effectiveness of public administration.

¹ The indicator of the proportion of citizens using e-government services has been exceeded. The Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. Official website. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/37922/> (accessed: 14 June 2018).

² The Order of the Government of the Russian Federation from 30 January 2014 N 93-r “On Approving the Concept of Openness of Federal Executive Authorities”. ConsultantPlus, 1997–2018.

³ The Order of the Government of the Russian Federation of 6 May 2008 N 632-p (ed. 10 May 2009 // ConsultantPlus, 1997–2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76942 (accessed: 14 June 2018).

In this context, it should also be mentioned about the state automated information system “Management” (SAS “Management”) created according to the decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2009 N 1088»).

SAS “Management” is a unified state information system that provides collection, accounting, processing and analysis of data contained in the state and municipal information resources, analytical data, official state statistics data, as well as other information necessary to support management decisions in the field of public administration”¹.

3. Major problems to be addressed

The implementation of the Open Government concept is hampered by a number of problems related to the implementation of the e-government concept. First of all, it is the absence of the concept of identification of citizens in the electronic environment in a legally significant form at the state level. Elements and private solutions of this problem certainly exist, but there is still no single conceptual practical solution that can be mandatory use and available to all citizens of the Russian Federation anywhere in the country. Perhaps one of the ways to solve this problem will be the planned mass transition of Russian citizens to electronic passports and using them under a universal system of electronic authentication.

The next systemic problem can be considered the problem of digital inequality, the solution of which under conditions of significant economic, social inequality of citizens, inequality in the levels of infrastructure and economic development of the regions is also extremely difficult, and is simply impossible without the support of the state. This problem is so serious and significant that its solution requires the intervention of the Russian President Vladimir Putin, who instructed the government in June 2018² to consider amending the law “on communications”, in accordance with which, it is proposed to create mandatory points of collective Internet access without the use of equipment of subscribers in all settlements of Russia with a population of 100 people, thus lowering the threshold from the current 250. The Prime Minister Dmitry Medvedev was appointed to be responsible for the implementing of this order, which also emphasizes the urgency of the problem and the importance of its solution for the country.

The problem of the implementation of the concept of “Open Government” is also a certain optional feedback from the population in relation to certain legislative or management initiatives of the government, public control. In this case, according to our expert opinion, in practice there is a risk of the discouraging involvement of citizens and their communities in these procedures. The absence of any uniform procedural rules or regulations governing quantitatively the minimum thresholds of feedback or the degree of citizen involvement in decision-making and public control procedures can lead in practice to the fact that the created mechanisms of electronic democracy become only nominal elements of the Open government model, which can, but do not lead to genuine involvement society in solving problems of local, regional and national importance. Such a bold thesis, of course, requires serious confirmation and justification, and we are unlikely to be able to complete this task in full under this article. We should only note that according to the data presented on the official website of the SAS “Management”, in the section devoted to the survey of citizens on each of the six priority areas of the “Strategy of Russia 2035”³ from 3449 to 4932 people took part as at 23 June

¹ SACS “Mamagement. Official website. URL: <http://gasu.gov.ru>.

² Putin ordered Wi-Fi to be carried out in villages with a population of 100 people. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-06-08_putin_poruchil_provesti_internet_v_sela_s_chislom (accessed: 14 June 2018).

³ SACS “Mamagement. Official website. URL: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035/interviews/active>.

2018, which in our opinion eloquently illustrates the real low involvement of citizens in the procedure of public discussion and low actual demand of the tools of electronic democracy in Russia, even if we are talking about the most important documents, which really affect the interests of all citizens of the country in the long term.

The fact that the development of elements of the electronic state often "...narrows to the improvement of public administration in order to provide access to information through the use of new information and computer technologies..." [2] is also the problem of goal-setting in the implementation of the principles of "Open Government". In our opinion, the formation of the technical and technological basis is a necessary, but insufficient condition for the practical implementation of the goals and priorities of the development of e-government, e-democracy, open government.

4. Prospects and priorities for the development of open government in Russia

In our opinion, it is necessary to pay special attention to analyze the possibility of fixing procedural aspects and quantitative parameters of the minimum mandatory degree of citizens involvement in the management and decision-making processes, the failure to comply with which will prevent from making these decisions. Quantitative proportions of involvement require separate research and analysis, but in our expert opinion, on the one hand, they should be proportional to the degree of importance of the accepted values, on the other hand they should be proportional to the degree of direct influence on social and personal interests and living conditions, work, leisure time activities of citizens.

Also in this context, the need of developing and implementing a system of additional motivation of citizens to monitor and respond productively to the government's initiatives such as the bills submitted for public discussion, etc., needs additional studies. And the possibility of introducing an individual personalized account of such social and civil activity, expressed in the assignment of individual indices, allowing to count the results of the reporting period for certain individual preferences of financial and non-financial nature on a competitive basis should also be studied. However, let us remind that under this study, we only believe that it is necessary to focus on solving this problem, and we identify some possible ways to its solution.

The experience of China is interesting, worth attention, separate analysis and productive borrowing. In 2014, China's State Council issued a document "Notice concerning Issuance of the Outline Planning for the Construction of a Social Credit System (2014–2020)"¹, which defines the plans of China concerning the construction of the system of social credit. This system is regarded as a basis for the construction and development of a modern harmonious society, a tool for overcoming social contradictions, stimulating mutual trust of all subjects, an essential condition for the strengthening and developing of innovative social management.

The idea of social credit rating in China is based on the successful experience of western countries, where an effective system of private credit ratings is being developed successfully². It is aimed at estimating large business entities and even economies of different countries. China is also planning to make the objects of rating assessments of absolutely all subjects of social relations in the state on a compulsory basis, normalizing the levels of quantitative indicators of the rating, introducing complex mechanisms of remuneration and punishment for achieving certain levels of the rating values.

¹ Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) URL: <https://china-copyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020>.

² LARRY CATÁ BACKER China's Social Credit Initiative in a Global Context: Introduction and the Problem of Transparency. Law at the End of the Day URL: <http://lcbackerblog.blogspot.com/2017/06/the-problem-of-transparency.html>.

According to the authors opinion, the use of system elements of individual social credit ratings can allow Russia to make significant progress in solving the problem of low social motivation of inclusion in the processes of public discussion, decision-making, monitoring of their implementation and achievement of targets at all levels of public administration. In this context, social credit rating can be considered as an intangible asset of the subject of social relations. Just as firms today are seeking to promote and to prevent the loss of goodwill, social actors will receive a powerful and inexhaustible motivation to maximize socially justified and responsible behavior in absolutely all spheres of activity. E-democracy should be considered as an essential tool and institutional framework for the Open Government. The participation of citizens in collective decision-making within the framework of crowdsourcing has already been tested both in making important decisions of regional importance in large cities of Russia, and in the largest and successful companies and projects. Thus, the choice of the official Mascot of the 2018 FIFA world Cup in Russia can be considered a vivid and convincing example of the high efficiency of this tool. It allowed to attract all interested people on a competitive basis, first to develop the Mascot, and then to determine the winner. More than 1 million people took part in the Internet voting when choosing the talisman, and FIFA bought the copyrights for to the Wolf, named "Zabivka" from the author — a student of the Department of graphic design of Tomsk State University Ekaterina Bocharova just for \$ 500¹.

Another striking example is the largest commercial Bank in Russia — PJSC "Sberbank". It has been using crowdsourcing to attract ideas for improving their products and developing promising projects since 2011. According to the information posted on a separate website created for this purpose <http://www.sberbankidea.ru/>, more than 100 000 people have already taken part in the Bank's crowdsourcing projects².

According to the authors' expert opinion, the expansion of crowdsourcing practice for the state within the implementation of the concept of e — democracy is also a way of saving on expert analytical research and control and audit activities, systematic work within the volunteering.

The positive social and economic effect of crowdsourcing is also associated with the fact that personal participation in certain projects that affect the public interest, significantly strengthens the personal civil sense of justice, creates a strong and stable internal motivation for a more responsible attitude to the product of all labor and related objects and processes. Public discussion of the federal laws will not only make them better, but it will also raise awareness of people about its purpose and meaning, and it will significantly increase the effectiveness of practical implementation.

Intensive work on the practical implementation of the Open Government concept has been carried out in the regions of Russia for several years. Thus, in St. Petersburg it was officially initiated by the adoption of the decree of the city government № 1108 "On the Introduction of Principles and Mechanisms of Open Government in the Activities of the Executive Authorities" on November 15, 2012³ in the annexes to which the composition of the Executive Commission, headed by the Governor, was approved, and an extensive plan of practical measures to ensure the implementation of the principles and mechanisms of open government in the activities of the executive authorities of St. Petersburg was also approved. The above mentioned decree of the government is modified regularly on

¹ A wolf named Zabivaka has been chosen the official Mascot of the 2018 FIFA world. URL: <https://ru.fifa.com/worldcup/news/официальным-талисманом-чемпионата-мира-по-футболу-fifa-2018tm-выбран-в-2845441>; Zabivaka is the Mascot, the official talisman of the FIFA World's Cup. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Забивака>.

² Sberbank Idea! — the platform for crowdsourcing and innovation management of Sberbank! URL: <http://www.sberbankidea.ru>.

³ Official website of Administration of Saint-Petersburg. URL: <https://www.gov.spb.ru/law?d&nd=822401410&nh=1> (accessed: 14June 2018).

the basis of the achieved results and emerging challenges. The latest changes and additions to the Decree N 1108 were made on December 12, 2017, which confirms the relevance of further practical activities to develop the principles and mechanisms of the open government.

The activities of governments and administrations at all levels of government in the Russian Federation are directly or indirectly reflected in the budget of the relevant level of government. In this case, the concept of open government cannot be implemented without emphasizing open budgets at all levels. Unlike many others, including the above-mentioned processes, the open e-budget system is still at an early stage of development. Direct consideration of citizens' preferences in planning income and expenditure, adjusting the priorities of budget policy, assessing the effectiveness of budget expenditures by direct recipients of public services or consumers of public and personal goods financed from the budget functions occasionally, fragmentally, or absent at all.

This situation is hardly fully consistent with the Concept of creation and development of an integrated information system of public Finance management "Electronic budget"¹, which implies, inter alia, "ensuring transparency, openness and accountability of the activities of public authorities and local authorities, as well as improving the quality of financial management of public administration sector organizations by forming a single information space".

5. Research Results

In our opinion the experience of building a model of Open Government, in general can be considered successful. The planned indicators of citizens' involvement in electronic public services are being implemented and exceeded. Considerable progress has been achieved in the development of technical and technological foundations of the Open Government infrastructure. Moreover, we can talk about the obvious signs of an emerging electronic system of state and municipal administration.

Some unresolved problems that constraint on the successful development of the concept of "Open Government" are: the absence of the concept of universal identification of citizens in the electronic environment in a legally significant form; the problem of digital inequality of citizens of the country, which has become the focus of attention of the President and Prime Minister; the rating of the functioning of elements of the electronic democracy system and the lack of real interest of citizens to participate in decision-making by public authorities through existing tools of the electronic digital environment; frequent narrowing the principles of the concept of "Open Government" up to the task of providing open data in practice.

The priority directions of the open government development in Russia should be the development and implementation of mechanisms that ensure the mandatory participation of a significant part of citizens in public discussion of issues that directly affect their interests, and decision-making, including the expansion of crowdsourcing.

6. Conclusions

Summing up our brief study, we note that the traditional model of public administration in modern conditions has ceased to meet the goals and interests of citizens in many

¹ The order of the Government of the Russian Federation of 20 June 2011 N 1275-p (ed. of 03.03.2017) "About the Concept of creation and development of the state integrated information system of management of public finances 'Electronic budget'". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117479/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2 (accessed: 14 June 2018).

developed countries, including Russia. The bureaucratic system of public administration should be replaced in the nearest future by the open government model based on a fundamentally new model of communication between the government and society.

In many areas, Russia has already succeeded in this context, but it is impossible to talk about the full implementation of the open government concept. The author's hypothesis about the imbalance in the level of practical implementation of key principles, priorities, mechanisms of open government, including in the regional context, was confirmed.

Further practical implementing of the principles and priorities of the "Open Government" concept requires taking into account foreign experience, which shows more effective system solutions that fundamentally change the nature of the relationship of all subjects of social and economic relations in the state today. This necessitates further theoretical study of this problem by the interested parties, improvement of practical mechanisms for the implementation of existing and developing conceptual framework of the "Open Government" model emerging in Russia.

References

1. Antonov Ya.V. Legal Aspects of Electronic Democracy and Electronic Vote // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 6. P. 136–144. (In rus)
2. Kiselev A.S. E-Government in the Russian Federation: Genesis and Current State // Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2015. N 10, vol. 10. P. 203. (In rus)
3. Chugunov A.V. E-Participation in the Context of Democracy Concept Transformation // Administrative consulting. [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 8 (104). P. 14–20. (In rus)

About the authors:

Dmitry Yu. Desyatnichenko, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; rabotaemail@mail.ru

Olesya Yu. Desyatnichenko, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; olesymail@gmail.com

Литература

1. Антонов Я. В. Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования // Управленческое консультирование. 2014. № 6. С. 136–144.
2. Киселев А. С. Электронное правительство в Российской Федерации: Генезис и современное состояние // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 10, Т. 10. С. 199–204.
3. Чугунов А. В. Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 14–20.

Об авторах:

Десятниченко Дмитрий Юрьевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; rabotaemail@mail.ru

Десятниченко Олеся Юрьевна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; olesymail@gmail.com

Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия

*Глиттова Я. *, Торопыгин А. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *yana.glittova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В ходе исследования рассмотрены и проанализированы процессы сотрудничества по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Цель исследования — выявление механизма сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Для проведения данного исследования и формирования выводов был применен метод анализа документов. Объектом исследования является механизм взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП. Предметом исследования являются российско-китайские двусторонние отношения, политико-экономические аспекты и нормативно-правовая основа сотрудничества между ЕАЭС и Китаем. Зависимыми переменными являются: нормативно-правовая основа, политико-дипломатический процесс, торгово-инвестиционное взаимодействие, транспортно-логистические коридоры, сеть промышленности, геополитическая составляющая, российско-китайские отношения. Независимыми переменными являются: интеграционный процесс в рамках ЕАЭС, соглашения с Вьетнамом, Ираном, Индией.

Проанализирована роль интенсификации взаимоотношений и формирования нормативно-правовой базы между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой, а также между Российской Федерацией и КНР в создании благоприятных условий для усиления сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. Данный анализ демонстрирует высокий уровень российско-китайских отношений в стратегических направлениях сотрудничества, большой комплекс нормативно-правовых документов, важность развития транспортной инфраструктуры и промышленности, увеличение товарооборота, улучшение инвестиционной среды.

Показана важность Евразийской экономической комиссии в создании нормативно-правовой базы механизма сопряжения ЕАЭС и ЭПШП в соответствии с ее компетенциями. Отмечена роль дипломатическо-политического механизма взаимодействия государств-участниц в реализации сопряжения. Проанализирована роль атомной энергетики как одной из основных сфер экономического сотрудничества РФ и КНР и фактора усиления взаимодействия. Рассмотрена динамичность сотрудничества по сопряжению. Отмечена роль количества подписанных нормативно-правовых соглашений, их широкий спектр сфер взаимодействия. Установлено, что для дальнейшего сотрудничества необходима активизация и углубление договорно-правовой базы между государствами-членами ЕАЭС и КНР. Перечисленные факторы свидетельствуют о положительных перспективах дальнейшего сотрудничества по сопряжению.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, сотрудничество по сопряжению, российско-китайские отношения, нормативно-правовая основа

Political and Legal Basis of the Conjugation of the Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt: Formation Process and Perspectives of Co-operation

Yana Glittova, Andrey V. Toropygin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *yana.glittova@mail.ru

ABSTRACT

As the title implies the article deals and analyse the cooperation processes of the conjugation of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Silk Road Economic Belt. The purpose of the article is to identify mechanism of the conjunction of the EAEU and Silk Road Economic Belt. To conduct the research and generate results, authors applied document analysis method. The object of the study is the mechanism of the conjugation of the EAEU and Silk Road Economic Belt. The subject of the research is Russian-Chinese bilateral relations, political and economic aspects and the normative legal base between the EAEU and China. Dependent variables of the research: normative legal framework, political and diplomatic relations, trade and investment cooperation, transport and logistics corridors, industry network, geopolitical constituent, Russian-Chinese relations. Independent variables of the research: the EAEU integration process, agreements between EAEU and Vietnam, Iran, India.

It is analysed and stressed the vital role in the intensification bilateral relations and in the formation of normative legal base between the EAEU member states and the People's Republic of China (PRC), as well as between the Russia and the PRC in creating favorable conditions to strengthen conjugation of the EAEU and the Silk Road Economic Belt.

The article demonstrates a high level of Russian-Chinese relations in strategic areas of cooperation, a large complex of normative legal base, the importance of developing transport infrastructure and industrial network, the significance of increasing turnover including improving the investment environment.

It is highlighted a crucial role of the Eurasian Economic Commission in creating a normative legal base of the conjugation mechanism of the EAEU and Silk Road Economic Belt in accordance with its competencies. One of the key issues of the article is an important role of the diplomatic and political mechanism of member states' interaction in implementing the conjugation of the EAEU and the Silk Road Economic Belt. It is analysed the substantial role of nuclear energy as one of the major areas of economic cooperation between Russia and China, as well as one of the main factors for strengthening the conjunction of the EAEU and the Silk Road Economic Belt.

It is underlined dynamism of cooperation of the conjugation. It is stressed the key role of the number of signed normative legal documents as well as a wide range of fields of interaction between the EAEU and the Silk Road Economic Belt. It is established that for the further cooperation is necessary to activate and intensify legal framework between the member states of the EAEU and China. It is shown that listed factors indicate positive perspectives for further cooperation of the conjunction.

Keywords: Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, conjunction of the EAEU and Silk Road Economic Belt, Russian-Chinese relations, normative legal base.

Введение

Сопряжение двух крупных проектов, инициативы Китая «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного объединения ЕАЭС, находится в центре внимания современной политической и экономической науки. В XXI в., в условиях глобализации, особое внимание уделяется фрагментации мира и развитию кооперации на региональном уровне. Региональная экономическая интеграция считается важной инициативой для достижения экономического роста и развития, а формирование ЕАЭС рассматривается как способ ускорения экономического роста и успешности постсоветских государств [11, с. 163]. Евразийский континент — пространство, которое является двигателем научно-технического и экономического роста, способствующее развитию мира на региональном и глобальном уровнях. Сотрудничество по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП создает также рынок размером в целый континент Евразии.

Среди международных процессов важное место отводится формированию механизмов сопряжения китайской инициативы Шелкового пути XXI в. и ЕАЭС. Оба проекта возникли почти параллельно, приобрели значимость и важность на геополитическом и экономическом уровне. ЕАЭС — это интеграционное объединение, представляющее полноценный экономический союз, способствующий развитию

всех стран — участниц Союза; ЭПШП не является интеграционным механизмом, а представляет масштабную стратегию развития Китая. При этом отметим, что, фактически, Россия взяла инициативу по созданию Союза и, безусловно, обладает лидирующей позицией в организации.

Начало тесного взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП стартовало после подписания совместного заявления глав РФ и КНР в мае 2015 г., в рамках которого стороны договорились о сотрудничестве по сопряжению двух проектов. В дальнейшем, в целях углубления сопряжения, главами России и Китая в июне 2018 г. было подписано второе совместное заявление и пакет нормативно-правовых документов по реализации взаимодействия.

Целью данного исследования является выявление механизма сопряжения и перспективы взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП. Эффективность этого механизма сотрудничества повышается при усилении взаимоотношений на двустороннем уровне, расширении и углублении нормативно-правовой базы, создаваемой, в том числе, Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Интенсификация двусторонних отношений между Россией и Китаем наилучшим образом способствует повышению эффективности механизма сопряжения. Наднациональный механизм ЕЭК не позволяет разработать политико-правовую базу взаимоотношений в целом ряде направлений, что может быть сделано дипломатическо-правовыми отношениями.

Материалы и методы

Применение метода анализа официальных документов в виде текстовой информации позволяет исследовать процесс формирования и перспективы дальнейшего сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП.

В ходе данного анализа первичными источниками являются нормативно-правовая основа сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП, нормативно-правовая основа между ЕАЭС и КНР, нормативно-правовая база двусторонних отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики, в том числе совместные заявления, договоры, соглашения, рамочные контракты, декларации, меморандумы, протоколы, проекты, а также тексты официальных выступлений глав государств. Период времени сбора материалов для анализа в рамках данного исследования ограничивается с 2015 по 2018 гг. В рамках исследования также упомянуты 8 существующих консульских нормативно-правовых документов, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 2001 г., Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов 2008 г., Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об облегчении поездок граждан 2014 г., которые ограничиваются рамками с 1992 г. по 2014 г.

Перечисленные официальные документы фиксируют и свидетельствуют о официальных событиях, которые позволяют проанализировать процесс взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП.

Политико-дипломатический аспект

Предпосылки для установления и формирования механизма сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) лежат в основе всего комплекса российско-китайских отношений. Нормативно-правовая база двусторонних отношений начала динамично развиваться с 2015 г., когда главы государств приняли «Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС» с целью обеспечения устойчивого экономического роста и торговли между государствами-членами ЕАЭС и КНР. Было заявлено: «Китайская

Сторона поддерживает активные усилия Российской Стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и начнет переговоры о заключении с ним соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве»¹. Таким образом, можно отметить, что именно это двустороннее совместное заявление создало старт по переговорам государств-членов ЕАЭС и КНР, прежде всего в инвестиционной области, в транспортно-логистической сфере и в сфере упрощения торговли. Динамичное развитие дипломатических отношений между Китаем и Россией открыло простор для сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП.

«Идея создания ЭПШП с целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. во время его визита в Казахстане» [3, с. 67]. «Российская сторона изначально на официальном уровне объявила о высокой заинтересованности в реализации китайской инициативы ЭПШП» [1, с. 109].

В этом контексте важно отметить, что первый зарубежный визит новоизбранного президента КНР в 2013 г. был совершен в Россию. «Существует беспрецедентно высокий уровень доверия между лидерами обеих стран, что действует в духе подлинного партнерства, коренящийся в прагматизме и уважении интересов друг друга» [13, с. 116]. Это было подчеркнуто присутствием Председателя Китая вместе с Президентом РФ на праздновании Дня Победы в Москве, посвященном 70-летию победы советского народа над фашистской Германией, в то время как лидеры западных государств проигнорировали это событие [11]. Также следует сказать, что Китай в связи с украинскими событиями занял нейтральную позицию и усилил политико-дипломатические двусторонние отношения с Россией, подписав ряд нормативно-правовых документов, подтверждающих углубление сотрудничества в политической, экономической, военной и в других областях. Кроме того, очень важным политико-дипломатическим шагом можно считать совместное заявление от 8 июня 2018 г., в рамках которого Россия и Китай выступили против принятия в обход Совета Безопасности ООН экономических санкций.

Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП усиливает стратегическое сотрудничество России и Китая и позволяет реализовать национальные интересы обеих стран. КНР в рамках своей национальной стратегии посредством ЭПШП планирует развивать свои северо-западные регионы, а Россия намерена получить экономический рост в стране и государствах-членах ЕАЭС. Инициатива ЭПШП обладает потенциалом перестроить экономическую географию Китая, переместив большую часть инвестиций и экономической деятельности в западные регионы, что увеличит экономическую активность в западных районах [7, с. 169]. В этой связи важно отметить, что Китай инициировал Альянс университетов Нового Шелкового пути как новой «платформы высшего образования», которая начала привлекать 60 университетов из 22 стран [5, с. 234].

Уровень российско-китайских отношений отражает процесс реализации основных стратегических проектов. В формировании внешней политики обеих стран возрастает роль дипломатической составляющей. Это привело к усилению политического и военного сотрудничества. В экономике Китай уже стал крупнейшим торговым партнером России, а Россия стала для Китая важным партнером в энергетике [4, с. 329].

В этом контексте необходимо упомянуть роль стратегического партнерства России и Китая в ядерной области. Китай обладает относительно небольшим ядерным

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 08.10.2018).

арсеналом. Россия играет решающую роль в ядерном паритете, что помогает поддерживать ядерный баланс, поскольку Россия является единственной страной, ядерный арсенал которой сопоставим с арсеналом США [8, с. 317].

Энергетическая составляющая российско-китайских отношений является одним из важнейших импульсов для экономического взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП. В рамках сопряжения, в указанном смысле, ЕАЭС и ЭПШП Россия берет на себя ответственность за безопасность, а Китай — за экономическое развитие [8, с. 319]. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП основано на прагматизме и взаимовыгодном сотрудничестве с элементами протекционизма. Механизм сопряжения способствует экономическому сотрудничеству и охватывает развитие железнодорожных и морских транспортно-логистических коммуникаций, сферу финансов, инвестиций и энергоресурсов. «Эффективность сотрудничества по сопряжению заключается в реализации транспортно-логистических и финансовых систем, которые будут обеспечивать комплексное взаимодействие между внешними и внутренними субъектами и гарантировать доступ, как на внутренний рынок, так и на глобальный рынок» [1, с. 109].

ЕАЭС функционирует с учетом межгосударственного и наднационального принципа. Наднациональным органом ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия. Таким образом, механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП работает на основе переговоров между ЕАЭС и Китаем на уровне Евразийской экономической комиссии и на уровне двусторонних межгосударственных отношений. Компетенции ЕЭК по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП ограничены. В этом контексте важно отметить решение Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте распоряжения Высшего экономического совета «О взаимодействии государств-членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути» от 14 октября 2015 г. Согласно распоряжению, страны — участницы ЕАЭС совместно с ЕЭК обеспечивают взаимодействие в ЭПШП, включая двусторонние меморандумы с КНР, переговоры о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, также обеспечивают взаимодействие по организации и координации переговоров, и совместно готовят проект «дорожной карты» дальнейшего взаимодействия с ЭПШП¹. Таким образом, все государства-члены ЕАЭС взаимодействуют с ЭПШП, в соответствии со своими национальными интересами.

В этом контексте важно отметить, что Казахстан как одна из наиболее активных стран-членов ЕАЭС, является сторонником только экономической интеграции без какого-либо политического контекста. Казахстан в рамках ЕАЭС заинтересован только во взаимодействии в экономической, торговой и инвестиционной сфере. Основная цель вступления Казахстана в ЕАЭС заключается в содействии в свободной торговле и свободном движении капитала, трудовых ресурсов и инвестиций, причем остальные страны-участницы ЕАЭС — Армения, Беларусь и Киргизия — ожидают добиться максимальных выгод от России [11, с. 171].

С точки зрения геоэкономики государств-членов ЕАЭС, важно подчеркнуть лидирующую роль России. «Общий объем ВВП России примерно в 6 раз превышает совокупный объем ВВП остальных четырех членов, а также общая численность населения четырех государств-членов — Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии — составляет менее 42 миллионов человек, в то время как население России

¹ О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств-членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути» от 14 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s={e1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda}&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l={8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91}&EntityID=8789> (дата обращения: 13.10.2018).

составляет около 144 миллионов человек» [11, с. 169]. Россия является одним из основных внешних торговых партнеров стран-участниц ЕАЭС, Евросоюза, Китая и ряда евразийских стран. Несмотря на сокращение товарооборота между Россией и несколькими евразийскими странами, Россия остается важным торговым партнером для всех евразийских стран, выступая в качестве ведущего рынка сбыта товаров, производимых добывающим и обрабатывающим секторами промышленности, а также сельскохозяйственным сектором [12, с. 56–57]. Волатильность политического и экономического климата России и большинства бывших советских республик подчеркивает важность интеграционных инициатив в регионе [12, с. 58].

В этой связи необходимо подчеркнуть значимую роль двустороннего товарооборота России и Китая в контексте российско-китайских отношений. Здесь важно отметить, что с 2008 г. Китай стал первым торговым партнером России, заменившим Германию [10, с. 137]. Согласно статистике внешней торговли РФ, по данным Федеральной таможенной службы, по итогам 2017 г. основным торговым партнером России является Китай, на который приходится 15% общего объема товарооборота РФ. Согласно статистике, товарооборот России с Китаем составил 87 млрд долл. и по сравнению с 2016 г. увеличился на 32%¹. По статистическим данным о внешней торговле Китая за январь — сентябрь 2017 г., Россия занимает 12-е место, на нее приходится приблизительно 1,9% общего объема товарооборота КНР.

Важно подчеркнуть, что геополитический фактор является одним из основных стимулов развития сопряжения. А основной составляющей эффективности сопряжения ЕАЭС и ЭПШП является разработка инфраструктуры и логистики. Необходимо отметить стратегическую роль транспортно-логистического потенциала Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, морских портов Дальнего Востока и Санкт-Петербурга, а также роль Северного морского пути как самого кратчайшего пути между Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) и Европой. «Важно отметить, что произошел позитивный сдвиг в развитии сотрудничества между Россией и Китаем в развитии транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке, что ведет к укреплению российско-китайского межрегионального сотрудничества, включая российско-китайские инвестиции, которые также оказывают положительное влияние» [14, с. 194]. Согласно направлениям ЭПШП, часть маршрутов должна проходить также через Центральную Азию, таким образом, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП соединит Европу с АТР, значительно увеличив торговлю и не только. И, конечно, нет никаких сомнений, что в этом «воссоединении» суперконтинент Евразии, каждый субъект, большой и малый, а также коммерческие и неправительственные структуры разрабатывают стратегии и политику для продвижения своих интересов [9, с. 132].

Председатель КНР в своем выступлении в сентябре 2018 г. в рамках пленарного заседания Восточного экономического форума (ВЭФ) отметил, что китайско-российские отношения переживают самый лучший период в истории, подчеркнул партнерские отношения в стратегическом сотрудничестве, акцентировал внимание на первых положительных результатах сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП².

По данным ЕЭК, процесс развития российско-китайских двусторонних отношений динамично развивается, механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП показывает положительные результаты. По данным Комиссии, товарооборот государств-членов ЕАЭС

¹ Статистика внешней торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26274:20 (дата обращения: 12.10.2018).

² Пленарное заседание Восточного экономического форума — 12 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 08.10.2018).

и Китая стабильно увеличивается благодаря увеличению объема экспорта ЕАЭС на 40%, а импорта на 26% — с 45,7 млрд долл. в 2016 г. до 57,4 млрд в 2017 г.; в 2017 г. товарооборот вырос более чем на 30% и составил 103 млрд долл.¹

Рассматривая процесс взаимодействия в широком плане, необходимо отметить важную роль соглашений ЕАЭС с Вьетнамом, Ираном и Индией, которые призваны повысить торгово-экономический и транспортно-логистический потенциалы стран-участниц. В этом контексте тоже важно отметить «Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом», которое вступило в силу с 5 октября 2016 г. [4], а также процесс подготовки аналогичного соглашения с Сингапуром. Важно упомянуть и «Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран», которое подписано 17 мая 2018 г., имеющее временный статус. Соглашение было подписано по итогам двусторонних переговоров между РФ и Ираном в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС [2]. А также необходимо отметить «Совместное заявление о начале переговоров по заключению Соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Индия», которое было подписано 3 июня 2017 г. в рамках Санкт-Петербургского экономического форума. Договор был подписан Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности и торговли Индии².

В этом контексте также необходимо упомянуть «Меморандум о взаимопонимании между РФ, КНР и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия», подписанный 9 июля 2015 г. в г. Уфа, действующий с даты подписания. Россия и Китай совместно участвуют в разработке трехстороннего проекта создания экономического коридора Россия-Китай-Монголия. Стороны в рамках меморандума согласились создать экономический коридор путем сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и монгольской инициативы «Степной путь», с целью облегчения транзитных перевозок, увеличения товарооборота и инвестиционного сотрудничества для регионального экономического роста³. В рамках своего выступления на ВЭФ 2018 г. президент Монголии подчеркнул важность создания «монголо-российско-китайского экономического коридора», в рамках которого Монголия получила доступ к морю и сможет выйти на мировой рынок через территорию соседних стран, а также выразил готовность к сотрудничеству по строительству газопровода из России в Китай через территорию Монголии⁴.

Одним из политико-дипломатических показателей высокого уровня российско-китайских отношений является двустороннее взаимодействие в многосторонних региональных и международных структурах и платформах. Высокий уровень двусторонних отношений РФ и КНР фиксируется в рамках Шанхайской организации сотрудничества

¹ Успех сопряжения ЕАЭС и ЭПШП зависит от реализации совместных проектов в сфере промышленности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/4-07-2018-3.aspx> (дата обращения: 06.10.2018).

² ЕАЭС и Индия начали официальные переговоры по заключению соглашения о свободной торговле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/3-06-2017.aspx> (дата обращения: 16.10.2018).

³ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия от 9 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 08.10.2018).

⁴ Пленарное заседание Восточного экономического форума — 12 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 08.10.2018).

(ШОС), объединения Бразилия — Россия — Индия — Китай — ЮАР (БРИКС), объединения Россия — Индия — Китай (РИК), группы G20, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Необходимо подчеркнуть и обратить внимание на двустороннее взаимодействие, которое активно развивается в рамках Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума и Российско-Китайского ЭКСПО. РФ и КНР взаимодействуют в процессе разрешения проблемной ситуации на Корейском полуострове, сотрудничают в рамках афганского урегулирования, в сохранении «Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе» (СВПД).

Однако сопряжение ЕАЭС и ЭПШП ставит вопрос по поводу конкуренции за экономическое и стратегическое влияние на страны Центральной Азии (ЦА) между Россией и КНР [11, с. 170–171]. Согласно направлениям ЭПШП часть маршрутов должна проходить через территорию ЦА, что усиливает присутствие Китая в этом регионе. Влияние КНР в странах ЦА также растет в соответствии с повышением роли главного торгового и инвестиционного партнера этих стран. Сопряжение представляет главную платформу РФ и КНР в контексте присутствия обоих государств в ЦА. Эта переговорная платформа позволяет им разделить сферы влияния и избежать конфликта подобного тому, что произошел на Украине между ЕС и Россией, названного конфликтом двух интеграций.

Калик (2016), достаточно образно, отметил, что в соответствии с ЭПШП «многие международные дороги, железные дороги и полеты приведут не к Риму, а к Пекину» [5, с. 230]. Экономическая доля Китая в мировой экономике впечатляет. «Китай стал «главным центром мировой экономики» из-за его быстрого экономического роста, а также является лидером в азиатской региональной подсистеме, обладая не только экономической мощью, но и политической властью и диверсифицированными экономическими и политическими отношениями со странами мира, включая Европу, США и Россию» [13, с. 112]. Отметим, что ВВП КНР (в номинальном исчислении) достигает второго места в мире, после США. «Финансовые ресурсы самого Китая и его банков остаются самыми крупными в мире» [3, с. 70]. Китай является крупнейшей экспортной экономикой в мире.

Необходимо отметить важность нового многостороннего финансового учреждения — Азиатского банка инфраструктуры и инвестиций (АБИИ), который начал работу с 2016 г., с капиталом 100 млрд. долл. США. Он был создан по инициативе КНР с общим числом учредителей 57, включая государства-члены ЕАЭС — Россию, Казахстан и Киргизию, Китай, а также региональные и нерегиональные страны¹. Азия является двигателем глобального роста, а региональная интеграция — необходимым этапом экономической глобализации. «Китай создал АБИИ в октябре 2014 г., а также Фонд «Шелковый путь» в ноябре 2014 г., которые будут спонсировать азиатскую связь и развитие программы» [6, с. 105].

Сопряжение ЭПШП и ЕАЭС развивает инфраструктуру и промышленность, улучшая бизнес-среду в регионах, сокращая инвестиционные барьеры, способствует внедрению инноваций, также открывает коммуникационные каналы между народами. Инициатива ЭПШП не ограничивается конкретным географическим регионом, а открыта для широкого экономического сотрудничества России, Центральной Азии, Южной и Восточной Азии, стран СНГ, Африки и Европы. В настоящее время она уже охватывает 65 стран, 4,4 млрд чел. населения и примерно 40% мирового ВВП [5, с. 228].

Подытожим — сотрудничество в этом регионе способствует его развитию, в результате чего евразийское сотрудничество выходит на новый уровень.

¹ Азиатский банк инфраструктурных инвестиций [Электронный ресурс]. URL : http://www.mid.ru/international_organizations//asset_publisher/km9HkaXMTium/content/id/2517438 (дата обращения: 10.10.2018).

Нормативно-правовой аспект сопряжения

В основе обеспечения эффективности механизма сопряжения лежит комплекс нормативно-правовых документов. Договорно-правовая база представляет собой четко организованный план для формирования правовых основ и затрагивает разные области. Механизм сопряжения развивается и пополняется новыми сферами правоотношений.

В основе нормативно-правового регулирования российско-китайских отношений лежит «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», который подписан 16 июля 2001 г. Договор имеет срок действия 20 лет и автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды. В рамках договора обе стороны обязываются сотрудничать в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной сферах, включая совместную работу по борьбе с терроризмом и экстремизмом, не применять ядерное оружие и не нацеливать стратегические ядерные ракеты против друг друга¹.

В рамках стратегического партнерства РФ и КНР необходимо отметить «Декларацию Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права» от 25 июня 2016 г., в которой стороны требуют от всех участников международных отношений соблюдать нормы международного права². Нормативная база двусторонних консульских отношений насчитывает 8 нормативных документов³. Подписание и ввод в действие нормативно-правовых документов обуславливает процесс сопряжения и определяет закономерности взаимодействия.

Старт переговорам о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП дали совместные заявления России и Китая. В целях реализации договоренностей, зафиксированных в совместных заявлениях РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению 2015 и 2018 гг., по итогам российско-китайских переговоров был подписан ряд нормативно-правовых документов. Первый пакет двусторонних договоров между РФ и КНР был подписан 3 сентября 2015 г., который насчитывает 29 нормативно-правовых документов⁴. По итогам официального визита представителя КНР в РФ в июле 2017 г. был подписан еще один пакет соглашений, 28 нормативно-правовых документов⁵.

Стратегическое направление сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП отражено в «Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами и Китайской Народной Респу-

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870 (дата обращения: 09.10.2018).

² Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698 (дата обращения: 09.10.2018).

³ Нормативная база двусторонних консульских отношений [Электронный ресурс]. URL: [https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Нормативная%20база%20двусторонних%20консульских%20отношений%20с%20Китаем%20\(КНР\).aspx](https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/Нормативная%20база%20двусторонних%20консульских%20отношений%20с%20Китаем%20(КНР).aspx) (дата обращения: 09.10.2018).

⁴ Документы, подписанные по итогам российско-китайских переговоров 3 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5009> (дата обращения: 06.10.2018).

⁵ Документы, подписанные по итогам официального визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Российскую Федерацию 4 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5217sel=29:6:i,29:6:i> (дата обращения: 15.10.2018).

бликой» от 17 мая 2018 г. В нем сформулированы правила торговли, а также прописано создание специальных институтов для сотрудничества между ЕАЭС с КНР¹. Данное соглашение можно считать не только одним из основных показателей высокого уровня сотрудничества, в том числе в процессе сопряжения, но также одним из основных элементов реализации механизма сопряжения. В нем нашли отражение направления государственного регулирования, которые позволяют максимально учитывать интересы Союза в целом и каждой страны в отдельности, а также интересы бизнеса, прозрачность и предсказуемость регулирования на национальном и наднациональном уровнях. В Соглашении учтены вопросы технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, таможенного взаимодействия.

Данное соглашение позволяет принимать решения по реализации совместных проектов в разных сферах. Можно отметить, что в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП было принято 39 приоритетных проектов в сфере транспорта и инфраструктуры. Армения предложила два проекта, Беларусь — три, по 12 — Кыргызстан и Россия, еще 10 — Казахстан, и при этом 20 проектов из списка относятся к сфере железнодорожного транспорта, которые направлены на реализацию крупных инфраструктурных проектов, дополняющих основные транснациональные транспортные коридоры на территории Евразии, которые в целом направлены на налаживание сквозной логистики Китай — ЕАЭС — ЕС и сопутствующих маршрутов².

В целях углубления сотрудничества и дальнейшей реализации механизма сопряжения ЕАЭС и ЭПШП в июне 2018 г. было подписано еще 15 нормативно-правовых документов³.

В «Совместном заявлении РФ и КНР» (8 июня 2018 г.) Россия и Китай отметили высокий уровень двусторонних отношений, основанный на глубоком взаимном доверии в политической сфере, учитывая интересы обеих сторон, а также подчеркнули необходимость выполнения принципа невмешательства во внутренние дела друг друга; соблюдения международного права в целом⁴. Обе страны усиливают двусторонние отношения в качестве одного из ключевых направлений своей внешней политики, включая развитие сферы стратегической безопасности. Обе стороны также заявили о проработке создания Евразийского партнерства⁵ в целях продвижения интеграционных процессов в регионе. В рамках данного заявления, для развития двустороннего механизма, Россия и Китай достигли согласия о реализации 26 задач, в том числе: повышения двустороннего товарооборота; углубления двустороннего инвестиционного и финансового сотрудничества, включая бухгалтерский учет и аудит; укрепления сотрудничества в нефтегазовой, угольной, электроэнергетической сферах, включая область возобновляемых источников энергии; продолжения сотрудничества в области мирного использования атомной энергии; развития кооперации в промышленности и сфере высоких технологий; углубления взаимодействия в области изучения космоса на 2018–2022 г., включая

¹ Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [Электронный ресурс]. URL : <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> (дата обращения: 09.10.2018).

² ЕЭК и ЕАБР обсудили возможность финансирования приоритетных проектов в сфере транспорта и инфраструктуры в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-06-2017.aspx> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Документы, подписанные по итогам российско-китайских переговоров 8 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5313/print> (дата обращения: 06.10.2018).

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 08.10.2018).

⁵ Там же.

совместную работу в космической сфере в рамках БРИКС; укрепления российско-китайского сотрудничества в Арктике; охране и защите прав объектов интеллектуальной собственности; расширения двусторонних научно-технических контактов, а также связей в области информационных и телекоммуникационных технологий; модернизация трансграничной транспортной инфраструктуры, углубление кооперации в сельском хозяйстве.

В этой связи также важно отметить, что Россия и КНР заявили об усилении сотрудничества по вопросу поддержания глобального и регионального стратегического баланса и стабильности в мире, включая контртеррористическое сотрудничество, энергетическую и продовольственную безопасность, устойчивый рост мировой экономики и стабильность глобальной финансовой системы. Таким образом, в этом контексте также необходимо отметить важность российско-китайского сотрудничества по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. Этому посвящен «Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов». Кроме того, в рамках совместного заявления страны договорились повышать уровень двусторонних отношений в сфере охраны окружающей среды и экологии, в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, кинематографии, средств массовой информации, туризма, молодежной политики, межрегионального взаимодействия.

Необходимо подчеркнуть, что в усилении эффективности механизма сопряжения важную роль занимает «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о международном автомобильном сообщении» (вступило в силу 13 июня 2018 г.), в рамках которого облегчаются правила перевозок между странами. Согласно соглашению регулярные и нерегулярные автомобильные перевозки пассажиров между Китаем и Россией, включая туристов и грузы, через пограничные пункты и по дорогам, открытым для международного автомобильного сообщения, должны осуществляться автотранспортными средствами, зарегистрированными в России или в Китае¹. В соответствии с соглашением, перевозки могут выполняться только перевозчиками, которые согласно внутреннему законодательству своей страны допущены к осуществлению международных перевозок. В этой связи также можно упомянуть действующее «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об облегчении поездок граждан» (вступило в силу 26 апреля 2014 г.).

Можно отметить, что сфера атомной энергетики в рамках двусторонних отношений является одной из основных областей экономического сотрудничества обоих государств, а также основной сферой механизма сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В целях дальнейшего развития стратегического сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП, важно отметить «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации на территории КНР демонстрационного реактора на быстрых нейтронах», которое заключено на 10 лет. На основе данного соглашения — сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях. Страны углубляют сотрудничество по проектированию, сооружению, вводу и эксплуатации китайского демонстрационного реактора на быстрых нейтронах мощностью 600 МВт на территории КНР; проект реализуют государственная корпорация по атомной энергии РФ «Росатом» и «Агентство по атомной энергии КНР»². Сотрудничество по вопросам регулирования ядерной и радиационной без-

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о международном автомобильном сообщении [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/53165 (дата обращения: 08.10.2018).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации на территории Китайской

опасности при использовании атомной энергии определено как основным Соглашением, так сопутствующими договоренностями.

Что касается сотрудничества в сфере атомной энергетики, в этом контексте необходимо также подчеркнуть важность подписания «Протокола между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сооружении на территории КНР энергоблоков № 7 и № 8 Тяньваньской атомной электростанции», включая «Рамочный контракт на сооружение на территории КНР энергоблоков № 7 и № 8 Тяньваньской атомной электростанции», предметом которых является сотрудничество в сооружении энергоблоков № 7 и № 8 китайской электростанции, с установкой реакторов типа ВВЭР-1200/B491, турбогенераторной установкой, включая вспомогательные объекты, обеспечивающие работу каждого энергоблока¹.

Стратегическое партнерство в энергетической сфере углубляет эффективность механизма сопряжения. В этой связи важно отметить важную роль подписания «Протокола между Правительством РФ и Правительством КНР в серийном сооружении на территории КНР энергоблоков атомной электростанции „Сюйдапу“», включая Рамочный контракт на сооружение на территории КНР энергоблоков электростанции «Сюйдапу», предметом которых является сотрудничество в серийном сооружении энергоблоков с реакторными установками типа ВВЭР на площадке атомной электростанции, в состав которых входят реакторные установки типа ВВЭР-1200/B491, турбогенераторы, вспомогательные объекты, обеспечивающие работу каждого энергоблока. Данный протокол определяет, что уполномоченными организациями России являются акционерное общество «Атомстройэкспорт» и акционерное общество «ТВЭЛ», со стороны Китая — «Китайская государственная корпорация ядерной промышленности», включая «Китайскую ядерно-энергетическую компанию», «Ляонинскую ядерно-энергетическую компанию», «Сунэнскую ядерную энергетическую компанию» и «Китайскую компанию ядерной энергетической промышленности».

Нормативно-правовая база сопряжения ЕАЭС и ЭПШП представляет широкий спектр соглашений (комплекс соглашений в разных сферах правоотношений), которые вступают в силу на национальном и наднациональном уровне. Таким образом, можно отметить, что нормативно-правовые документы на наднациональном уровне способствуют созданию зоны свободной торговли, а на национальном уровне создают инфраструктуру, развивают промышленность, повышают товарооборот стран и улучшают инвестиционную среду. ЕАЭС обладает полномочиями создавать договорно-правовую базу с отдельными государствами в рамках ЕЭК и на наднациональном уровне, подписывая соглашения между интеграционным объединением и странами. Например, подписано соглашение между ЕАЭС с Вьетнамом и Ираном о зонах свободной торговли.

Нужно отметить, что в международных отношениях известны и другие виды соглашений. Комбинированные соглашения содержат элементы самостоятельных соглашений с отдельными странами, и при этом сливаются и объединяются в одно целое, с целью создания зоны свободной торговли. Смешанные соглашения требу-

Народной Республики демонстрационного реактора на быстрых нейтронах [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/53245 (дата обращения: 08.10.2018).

¹ Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сооружении на территории Китайской Народной Республики энергоблоков № 7 и № 8 Тяньваньской атомной электростанции [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-3/53244 (дата обращения: 08.10.2018); Рамочный контракт на сооружение на территории Китайской Народной Республики энергоблоков № 7 и № 8 Тяньваньской атомной электростанции [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-3/53244 (дата обращения: 08.10.2018).

ют определенной формы или условий для вступления в силу. Примером успешного осуществления таких договоров является Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА)¹ между ЕС и Канадой 2017 г. Это договор наднационального интеграционного объединения с отдельным государством, он способствует межгосударственному принципу договоренности с целью создания зоны свободной торговли, он выходит за рамки европейского пространства и одновременно формирует новые правила международной торговли. Этот договор требует ратификации на наднациональном (Европарламент) и национальном уровнях.

Можно предположить, что такие комбинированные соглашения между ЕАЭС с отдельными странами могут усилить нормативно-правовую базу на наднациональном уровне, а также повысить эффективность нормативно-правовой базы законодательств государств-членов с отдельными странами.

Результаты

В ходе анализа был выявлен процесс формирования механизма сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. Проанализированные официальные нормативно-правовые документы доказывают динамичность поиска эффективных механизмов сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Согласно договорно-правовой базе, необходимо отметить динамичность реализации механизма сопряжения. Количество подписанных нормативно-правовых документов и сферы их взаимодействия расширяют и углубляют механизм сопряжения. Договорно-правовая основа рассматривает долгосрочный период сопряжения. Все перечисленные факторы свидетельствуют о положительных перспективах дальнейшего сотрудничества в разных областях.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать выводы, что формирование сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП динамично развивается. Первые результаты сопряжения можно оценить как положительные. Товарооборот между государствами-членами ЕАЭС и КНР увеличивается, реализация совместных проектов активно выполняется в соответствии с принятыми нормативно-правовыми документами. Необходимо подчеркнуть высокую результативность переговоров по сопряжению, которые проводятся регулярно на межгосударственных, межправительственных и межведомственных уровнях.

В этом контексте необходимо подчеркнуть важную роль двусторонних российско-китайских отношений, политико-дипломатических каналов, нормативно-правовой основы, Евразийской экономической комиссии, а также основную роль принятия решений государств-членов для сопряжения и выстраивания двусторонних политико-дипломатических отношений с КНР в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Повышение уровня взаимодействия посредством активизации совместных проектов и углубления договорно-правовой базы между государствами-членами ЕАЭС и КНР является важным фактором для дальнейшего формирования и эффективности сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В этой связи важно подчеркнуть подписанный пакет двусторонних соглашений по переговорам между РФ и КНР по сопряжению и очень высокий уровень политико-дипломатических отношений между Россией и Китаем, что является положительным фактором для экономического развития всех участвующих стран сопряжения. Итак, интенсификация двусторонних отношений и нормативно-правовая основа между Россией и Китаем способствуют повышению эффективности механизма сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

¹ The Comprehensive and Economic Trade Agreement (CETA).

Литература

1. Борисов Д. А. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: комплементарный потенциал, индифферентная реальность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 109–114.
2. Курбангулова Р. Временное соглашение о ЗСТ ЕАЭС — Иран: вызовы и перспективы для евразийского бизнеса [Электронный ресурс] // Евразийские исследования. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/8772> (дата обращения: 16.10.2018).
3. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 3. С. 67–81.
4. Cox M. Not just 'convenient': China and Russia's new strategic partnership in the age of geopolitics // Asian Journal of Comparative Politics. 2016. Vol. 1 (4). P. 317–334.
5. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimesnion // Asia & the Pacific Policy Studies. May 2017. Vol. 4, N 2. P. 225–236.
6. Gan J., Mao Y. China's New Silk Road: Where Does It Lead? // Asian Perspective. 2016. Vol. 40. P. 105–130.
7. Gibson J., Li C. Belt and Road Initiative" and comparative regional productivity in China // Asia and the Pacific Policy Studies. May 2018. Vol. 5 (2). P. 168–181).
8. Krickovic A. The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // The Chinese Journal of International Politics. 2017. Vol. 10. N 3. P. 299–329.
9. Kuchins A. C. What is Eurasia to US (the U. S.)? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 125–133.
10. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8. P. 136–150.
11. Mostafa G., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 163–172.
12. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 52–60.
13. Sharyshev A. V. Strategic Partnership between Russia and China: Importance and Sustainability of Bilateral Relations // Comparative Politics. 2016. Vol. 7. N 2 (23). P. 112–117.
14. Švec J. China-Russia Cooperation on the development of the transport infrastructure on the Russian Far East // Journal of International Relations. 15.06.2018. Vol. XVI. Is. 2. P. 183–200. Faculty of International Relations, University of Economics, Bratislava.

Об авторах:

Глиттова Яна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); yanaglitnova@mail.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; toropyginav@mail.ru.

References

1. Borisov D. A. Interface of EEU and SREB: complementary capacity, indifferent reality // Messenger of the Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2017. N 419. P. 109–114. (In rus)
2. Kurbanbulova R. The interim agreement on the EEU FTA – Iran: calls and prospects for the Eurasian business [An electronic resource] // Eurasian studies [Evrazijskie issledovaniya]. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/8772> (date of the address: 16.10.2018). (In rus)
3. Skriba A. S. Interface of EEU and Silk Road Economic Belt: interests of participants and calls of realization // Bulletin of the international organizations: education, science, new economy [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2016. N 3. P. 67–81. (In rus)
4. Cox M. Not just 'convenient': China and Russia's new strategic partnership in the age of geopolitics // Asian Journal of Comparative Politics. 2016. Vol. 1 (4). P. 317–334.
5. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimesnion // Asia & the Pacific Policy Studies. May 2017. Vol. 4, N 2. P. 225–236.
6. Gan J., Mao Y. China's New Silk Road: Where Does It Lead? // Asian Perspective. 2016. Vol. 40. P. 105–130.

7. Gibson J., Li C. Belt and Road Initiative” and comparative regional productivity in China // Asia and the Pacific Policy Studies. May 2018. Vol. 5 (2). P. 168–181).
8. Krickovic A. The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // The Chinese Journal of International Politics. 2017. Vol. 10. N 3. P. 299–329.
9. Kuchins A. C. What is Eurasia to US (the U.S.)? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 125–133.
10. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8. P. 136–150.
11. Mostafa G., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 163–172.
12. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political “Janus Bifrons” // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. P. 52–60.
13. Sharyshev A. V. Strategic Partnership between Russia and China: Importance and Sustainability of Bilateral Relations // Comparative Politics. 2016. Vol. 7. N 2 (23). P. 112–117.
14. Švec J. China-Russia Cooperation on the development of the transport infrastructure on the Russian Far East // Journal of International Relations. 15.06.2018. Vol. XVI. Is. 2. P. 183–200. Faculty of International Relations, University of Economics, Bratislava.

About the authors:

Yana Glittova, Postgraduate student of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); yana.glittova@mail.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Местная власть в политической системе российского региона: проблемы управленческих взаимодействий и современные теоретические модели*

Баранец С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; brnts@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье делается вывод о том, что новая модель местного самоуправления, порожденная не в последнюю очередь желанием применить европейский опыт к реалиям транзитивного российского общества, утверждалась первоначально как попытка радикального отрицания результатов социалистического государственного строительства, идеологической основой которого выступала коммунистическая партийная доктрина. Внешне дистанцируясь от политической составляющей общественных процессов, федеральные, региональные и местные (муниципальные) элиты вели между собой вполне реальные политические (то есть за властные ресурсы, располагаемые и потенциальные) войны. Местная власть и органы местного самоуправления, выступая носителем потенциалов конструктивного и деструктивного характера, до поры до времени предпочитают сохранять воинственный нейтралитет, извлекая свою субъектную политическую роль по мере необходимости, порождаемой объективными обстоятельствами, в том числе и управленческого характера. В статье предложены теоретические модели для описания сложившейся структуры региональных политических режимов с учетом «муниципального фактора».

Ключевые слова: местная власть, политический потенциал, региональная политика, муниципализация власти и управления, стратегия регионального развития

Local Authority in the Political System of the Russian Region: Problems and Theoretical Models of Governance

Baranets S. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; brnts@rambler.ru

ABSTRACT

The article concludes that the new model of local self-government, generated not least by the desire to apply European experience to the realities of transitive Russian society, was initially affirmed as an attempt to radically deny the results of socialist state building, the ideological basis of which was the communist party doctrine. Outwardly distancing themselves from the political component of social processes, federal, regional and local (municipal) elites conducted quite real political (that is, for power resources, available and potential) wars. Local authorities and local self-government bodies, acting as carriers of constructive and destructive potentials, prefer to keep their militant neutrality for the time being, extracting their subjective political role as necessary, arising from objective circumstances, including management ones. The article suggests theoretical models for describing the existing structure of regional political regimes taking into account the «municipal factor».

Keywords: local government, political potential, regional policy, municipalization of power and governance, regional development strategy

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

Железная дорога, по которой не ездят, которая не используется, не потребляется, есть железная дорога только в возможности, а не в действительности.

Карл Маркс. Капитал

Новые подходы к организации государственного порядка, возникшие в ответ на критику, как говорится, и «слева», и «справа» [См.: 13] потребовали радикального переосмысления проблем муниципализации управленческих процессов. Вопросы доверия, участия граждан и ответственности управляющих автоматически порождали интерес к проблематике оптимального влияния на локализованные процессы и местные власти со стороны как носителей суверенитета, так и гарантов этого суверенитета, с ролью которых пока лучше всего справляются органы и должностные лица государственной власти и управления. Для России этот глобальный тренд оказался совершенно не чуждым, тем более в условиях адаптации к мировым правилам игры пусть на не великой, но от этого не менее важной «муниципальной шахматной доске». Новые модели российского местного самоуправления, порожденные не в последнюю очередь желанием применить продвинутый европейский опыт к реалиям переустройства российского общества [3; 14], утверждались первоначально через попытки радикального отрицания результатов социалистического государственного эксперимента, идеологической основой которого выступала партийная коммунистическая доктрина, а практика управления страной посредством методов «командно-административной системы» делала власть способной дотянуться до любого локального объекта.

Это привело к своеобразным последствиям, поскольку инициированный и поддержанный верховной государственной властью свободный дивергентный, творческий, идущий «из глубины народной души» поиск новых форм организации местной власти породил новые практики применения идеальных моделей, и одновременно с этим организационные уродства. Экстремальные формы местного властеутверждения, к счастью, проявились лишь в тенденции и реализовались в единичных случаях. Они не стали типичными проявлениями муниципальной судьбы, способной, как выяснилось, к проявлениям отчуждения от интересов страны, прямого сопротивления закону и курьезных форм гражданской борьбы за право самостоятельности в вопросах принятия и реализации властных решений. В то же время лидеров, недееспособных и неэффективных с точки зрения получения общественно значимых результатов управления, оказалось немало, поскольку для многих тогдашних руководителей на местах тезис об организационной самостоятельности органов муниципальной власти и управления означал активное злоупотребление правом на локальные трактовки государственной законодательной системы и применение отдельных правовых актов «по потребности», тем более, что у защитников закона со стороны государства еще не было в распоряжении достаточного количества инструментов для сдерживания и тем более наказания тех, кто по тем или иным причинам законом пренебрегал. Главным способом существования местной власти в то незабываемое время оказалась своего рода «паранормальность», связанная со своеобразными аберрациями в восприятии собственной деятельности, когда судьба местных порядков виделась главным образом в перспективе скорого восстановления былого и возвращения к утраченным корням российского земства, крестьянской общинности и даже теократической «соборности». Эти опоры предполагалось модернизировать в целях кардинальной реорганизации жизнедеятельности местных сообществ, расцененных в качестве вновь открытых для нормальной логики истории субъектов социального действия.

Региональная проблематика для России в условиях советской власти и союзного государства всегда была животрепещущей и актуальной. Конечно, эта тема не была маргинальной и для науки, но административно-территориальное устройство страны определялось устоявшимся общим пониманием научной диалектики единичного и общего, части и целого, единства и многообразия. Переосмысленный исторический опыт, а также следование организационно-партийным принципам демократического централизма были способом применения пусть и устаревших, но действенных управленческих рецептов к новому типу национально-государственного строительства и к решению проблем, которые периодически возникали в ходе этого многослойного процесса. Сложности поиска приемлемых подходов для распутывания назревших вопросов и проблем проистекали, не в последнюю очередь, из устаревшего, но не вполне преодоленного имперско-самодержавного (унитаристского) наследства России. Партийно-советские деятели и структуры, перехватывая инициативу у служителей делу имперского самоутверждения страны, естественным для того времени образом использовали преимущества господствующего политического положения, не стесняясь очищать идейно-политическое пространство индивидуального и коллективного сознания граждан от наслоений, доставшихся в наследство от тысячелетнего опыта госстроительства в самодержавном модусе. Регионалистика и соответствующее видение страны с позиций теории классического федерализма как территориальной формы буржуазной демократии растворились в диалектике пролетарской интернационализации и планах скорого построения общенародного государства.

Раз и навсегда установленный баланс соотношения целостности и частичности, обеспечивающий устойчивость развития социальной системы, оказался концептуальной фикцией. Начавшийся в конце прошлого века переходный период к новым формам устройства и организации социально-политического бытия России затянулся на два десятилетия, да и сейчас еще нельзя утверждать, что руководство страны определилось с оптимальной политической моделью регионального развития страны в условиях централизованной (как иногда говорят, «путинской») федерации [4; 11]. Избранные для реализации экономические приоритеты вроде бы склоняют страну от федералистских принципов к регионализации, однако в России, как справедливо замечали классики, политика всегда будет иметь первенство перед экономикой. В этом отношении опыт деполитизации муниципального пространства¹ и его перевод на новые политические основания и организационно-управленческие механизмы заслуживает, на мой взгляд, особого внимания. Необходимо принимать в расчет и то немаловажное обстоятельство, что становление местной власти в обновленной России происходило в тесной связи с формированием новых территориальных политических систем, а также становлением субъектов Российской Федерации как самостоятельных политических игроков в сложно устроенных континуумах многообразных взаимодействий центра и периферии. Если иметь это в виду, то становится ясно, что углубленное исследование истории и теории государственного управления местными процессами и ресурсами, связанное с поиском и оценкой политических возможностей территориальных сообществ, может стать источником новых подходов к разработке современных управленческих техник и технологий.

Вся состоявшаяся эпоха становления российских муниципальных порядков и сегодня трактуется и оценивается частью научного сообщества в рамках иллюзорной концепции местной вольницы, свободной от правил государственного сожительства на территории страны. Мнимая свобода участников локальных сообществ от госу-

¹ См. об этом в показательном, хотя и спорном материале муниципального депутата А. Е. Замятина по адресу: http://www.colta.ru/articles/society/18498?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 04.07.2018).

дарственных устремлений во внутренней политике ради соответствия общим нормам международного права при воплощении в практику организации новой российской государственности привела к своего рода перезагрузке системных характеристик местной власти. Политические атрибуты народовластия на уровне прежних гражданских коллективов оказались конвертированы в поиски экономической самостоятельности местных общин ради целей процветания и комфорта населения. При этом, внешне дистанцируясь от политической составляющей общественных процессов, федеральные, региональные и местные элиты вели и ведут вполне реальные политические бои и баталии за властные ресурсы, статусные позиции и доверие сторонников.

В начале истории постсоветской России политическая роль местной власти, по сути, сводилась к тому, чтобы быть одним из факторов недопущения конфликтного развития событий, связанного с переходом власти к новым социальным силам, слоям, группам и персоналиям. Гасители потенциальных социальных взрывов на локальном уровне, надо сказать, справлялись с задачами вполне успешно. Их значимость возрастала и в силу того, что для власти государственной в лице близких к народу управителей открылся идеальный объект для выплесков энергии народного возмущения. Кроме того, в социальной практике любой конфликт или проблема всегда как-то локализованы, и даже сбой в механизмах разрешения системных противоречий в обществе далеко не сразу отключает локальные «ремонтные» технологии, хотя и деформирует их. Накопленный ранее, в условиях советской системы опыт сотрудничества и взаимопомощи граждан в местах их поселенческого сгущения помогал населению страны выживать в условиях драматических перемен, и хотя порой практика восстановления прежних, досоветских порядков неправомерно выдавалась лидерами страны за строительство основ новой российской государственности, сделать все же удалось немало. Подтвержденным и значимым фактом новейшей российской истории остается то, что именно в исторический момент перехода от старого общества к новому российским политическим массам на некоторое время действительно удалось то, чего в конце 80-х гг. XX в. не смогла им предложить советская политическая система — почувствовать себя свободными, самоуправляющимися и самовластными субъектами политики настолько, чтобы иметь право сказать от собственного лица: «государство — это я», и действовать соответствующим образом.

Недавняя российская история воспроизвела сложившиеся тенденции предшествующих фаз исторического развития в полном соответствии с известными диалектическими закономерностями. Однако всякий переход от старого к новому индивидуализирован и своеобразен. В течение последнего десятилетия XX в. управленческими усилиями государственных органов удалось перенаправить вектора развития и политический потенциал власти «на местах» в сторону хозяйственно-экономических приоритетов. «Коммунализация» местной проблематики и перестройка возникших управленческих органов была проведена так, чтобы на первом месте оказалось конструирование условий для перманентной борьбы муниципальных деятелей за достаточность и бездефицитность местных бюджетов, инвестиционную привлекательность и качество жизни. Именно эти три компонента длительное время остаются основой для воспроизводства главных движущих мотивов и логики действий местных авторитетов, властных группировок и групп интересов. Экономика хозяйствования стала главной политикой. При этом параллельно реализовалась весьма богатая содержанием концепция превращения муниципальных властей, институционализированных как общественные (неправительственные и некоммерческие) организации, в средство оказания давления на руководство той части российских регионов, которые чересчур увлеклись поисками своей политической идентичности и субъектности, порой позволяя себе излишние и опасные

вольности. Примеров этому несть числа, и настоящую историю ранних этапов становления местного самоуправления в постсоветской России еще предстоит написать и осмыслить [1; 2].

Концептуальное наследство и видение дальнейшей судьбы местной власти было передано второму Президенту России в виде почти забытого, но не отмененного ельцинского Указа 1999 г., которым были утверждены основные положения государственной политики в отношении муниципальной власти и управления¹. Идеологически этот документ означал обоснование такого способа государственно-правового разрешения динамичного противоречия между конституционной моделью местной власти и практикой государственного управления процессами в муниципальной среде, при котором целевые ориентиры для последней устанавливались в расчете на всемерное доминирование этатистски ориентированного правосознания. В данном документе реализуется плодотворная идея воспроизводства устойчивого сочетания общественного и государственного начал: «Для эффективного функционирования государства необходим баланс интересов государственных (Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) и интересов местных, то есть общих интересов жителей каждого отдельно взятого городского, сельского поселения, иного муниципального образования. Роль выразителя местных интересов и призвано играть местное самоуправление»². Нарушение равновесия означает отклонение от конституционно-правовых устоев и скрытую угрозу государственной безопасности, тогда как поиск согласия и компромиссов между субъектами политического действия приветствуется и поощряется.

Новый облик страны в конце первого десятилетия нового века включал в себя совокупный политический ресурс местной власти, повсеместно превращенной из реального политического игрока в носителя разного рода потенциалов и способностей, до поры нереализуемых. Местная власть, научившись подчинять социальные силы на своем уровне, обрела было и политическое самоуважение, но попала в ловушку соблазна огосударствления: освоив роль самостоятельного субъекта принятия правовых политических решений, она тем самым превратилась отчасти в клиента, отчасти в агента влияния государственной власти, ее органов и лидеров различного уровня и масштаба [9, с. 35–38]. Обеспечив свою долю участия в непростых переходных процессах к новому социально-политическому строю, местные власти закрепились как необходимый организационно-правовой компонент новых реалий российской государственности с собственным, пусть и ограниченным набором компетенций [8, с. 197–201]. Второй срок пребывания на посту Президента РФ В.В. Путин отчасти посвятил окончательному разрешению муниципального вопроса. Результат был вполне предсказуем: за двадцать лет воплощения в жизнь конституционных идей и уложений относительно роли и места муниципального контингента в социально-политической сфере российского социума местная власть оказалась «на запасном пути», но в состоянии перманентного ожидания грядущей перемены своей участи. Органы муниципальной власти и управления должны были инкорпорироваться в охранительную политическую систему, способную выдержать любые угрозы безопасности, единству и территориальной целостности Российской Федерации, или перестать быть таковыми. На втором сроке президентства В.В. Путина было завершено решение задачи по созданию минималистичных, просто организованных и легко управляемых органов муниципального управления, знающих свое место и круг обязанностей. Способное гибко приспосабливаться к возника-

¹ Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://ivo.garant.ru//document/181076/paragraph/7:0> (дата обращения: 20.07.2018).

² Там же.

ющим обстоятельствам жизни и умеющее взаимодействовать с исполнительными структурами государственной власти федерального центра и субъектов Федерации, это новое муниципальное (служивое) сословие, группируясь вокруг первых лиц субъектов Федерации, образовывало разнообразные союзы и альянсы с государственными чиновниками, предъявляя им политический потенциал населения муниципалитетов как свой собственный ресурс. Такие связи позволяли прямо, косвенно или опосредованно влиять на любую ситуацию в любой точке сгущения проблем, а правильный выбор акцентов в исполнении своей политической роли гарантировал умному представителю местной власти долгую политическую жизнь.

Таким образом, активно решая глобальные вопросы обретения нового мирового статуса и основные внутривластные задачи, заточенные на сохранение единства и целостности страны, государственные властные структуры России к середине второго десятилетия XXI в. вместе с региональной выстроили и структурировали местную власть [7, с. 90–93]. Выжившим в результате жесткой селекции лидерам локальных групп интересов предоставили возможность сформировать и возглавить муниципальные органы, предназначенные в будущем для решения локальной части тех новых задач, которые могут быть обнаружены по завершении стабилизационного этапа эволюции страны, а потому находящиеся на полном государственном обеспечении. В этой связи местная власть на всей территории Российской Федерации и каждого из образующих ее субъектов-регионов-частей поневоле становилась сотрудником, коллаборационистом и отчасти осведомителем укрепившихся государственных институтов, а также агентом/клиентом значимых фигур господствующего государственного влияния. При этом она также оставалась доступным для восприятия местными сообществами и отдельными гражданами воплощением ключевых черт сложившегося политического устройства и вытекающих из него режимных ограничений.

В результате имплементации в жизнь принципов и норм 131-го Федерального закона роль системы местного самоуправления в России коренным образом изменилась. Неустойчивое и фрагментарное развитие отдельных институциональных и функциональных свойств местного самоуправления сменилось учреждением консервативно-динамической модели, при которой федеральный центр законодательно определил возможности и пределы местной власти, давая право на ее доводку под нужды конкретного субъекта Федерации законодателю, так сказать, субнационального уровня. Каркас новой государственности был завершен, остались внутренние отделочные работы.

Те, у кого хватило политического чутья и воли воспользоваться предоставленным правом выбора модели государственно-муниципального взаимодействия и закрепить ее посредством системы региональных нормативно-правовых актов, оказались в выигрыше. Они получили время и возможности изыскать способы оказывать пусть не директивное, но регулирующее воздействие на процессы, происходящие в различных сегментах местной (в том числе муниципальной) политики, минимизируя возможности возникновения конфликтных ситуаций. В новых условиях успешным был тот, кто, проводя упреждающую работу по формированию когорты лояльных местных лидеров, соответствующих элитных группировок и гражданского бэкграунда, делал это по прямому указанию сверху и/или по договоренности с региональным уровнем власти. Немалая часть руководителей субъектов российской административно-территориальной организации власти убедились на практике в полезности широкого толкования действующего законодательства, позволяющего определять правовые и административные пределы деятельности, направления эволюции и даже степень конфликтности отношений местных органов власти и глашатаев прямого народовластия. Последние, оставаясь относительно самостоятельными, согласились быть абсолютно управляемыми.

Региональные политические системы и режимы организации региональных властей сложились в большей части регионов страны по результатам столкновений, конфликтов и иных «борцовых» форм взаимодействий с отрядами местных лидеров и партизан, а также компромиссов их лоббистов и «суверенов» в органах региональной и федеральной власти. Логика социального развития повлекла субъектов политических действий в сторону перманентного реконfigurирования объектов этой деятельности, в числе которых оказалась и самая близкая к народу власть, уже не совпадающая с самодостаточным носителем суверенитета, а опять, как и до советской истории, лишь представляющая его интересы. Лишенный непосредственных властных атрибутов, народ (те самые «мы», которые суть «многонациональный народ Российской Федерации») получил реальную компенсацию обнаружившегося социального бессилия в наборе прав, способных превратиться в реальность посредством проявления собственной (субъектной) политической потенциальности, выражающей склонности к социальному, экономическому и правовому целеполаганию и активизму. Однако набор обстоятельств, при которых субъект и объект политико-управленческого взаимодействия в состоянии найти путь друг другу и к совместным акциям социальной и политической значимости в сфере повседневных эволюций, был задан достаточно жестко и сформулирован отнюдь не универсальным, а узким и весьма прагматическим образом. Именно по этой причине набор полномочий, предписанный местным руководителям и муниципальным органам управления действующим законодательством, оказался приземленным, хозяйственно-ориентированным, и в то же время, мягко говоря, не вполне обеспеченным ресурсами. По разным причинам местные потребности и интересы экономического свойства вытеснили политические перформансы: различные формы борьбы за те и иные материальные ресурсы, преодоление имущественных дефицитов и повседневное латание дыр («ямочный ремонт») настолько загрузили местных политиков и администраторов, что им стало уже почти совсем не до реализации их собственных политических амбиций, — до тех пор, правда, пока регионалам или федералам по каким-то причинам не потребуется актуализировать этот дремлющий политический потенциал.

В практике управления российскими регионами политические средства влияния настолько тесно переплелись с экономико-правовыми, что отличать их друг от друга, равно как и эксплицировать часто используемые для управления территориями технологические модели в каждом конкретном случае можно лишь на основании весьма тонкого анализа всех фактов и обстоятельств [13]. Сходным образом и у экспертов, и у практиков нередко возникает настоятельная необходимость понимать, с чем, с точки зрения реальных политических раскладов и констелляций, имеешь дело в случае конкретного муниципального образования. Приходится, в конечном счете, прибегать к исследованию мнений или к выявлению типичных способов реагирования на попытки властно-управленческого воздействия со стороны федеральных и региональных властей. Муниципальные, региональные и федеральные интересы в их соотношении образуют комплексный предмет особой научной области, отражающей перипетии региональной политики [см. подробнее: 5; 6, с. 96–103]. Придание событиям политических смыслов не является прерогативой исключительно федерального центра: политизировать любую повседневную проблему в месте обитания людей по-своему могут все уровни и субъекты управления. Однако для каждой из взаимозависимых сторон территориальных политик приоритетным, по умолчанию, является собственный интерес.

В соответствии с градациями и соподчиненностями предметов интереса и потребностей в политической самореализации разных уровней власти обозначается «горизонт событий» и «иерархия мощностей» реального политического взаимодействия. Они определяют возможности достижения управленческих целей более высокого уровня, служащих интеграции или же направленных на минимизацию

учета интересов других участников взаимодействия. Власть всегда есть где-то и у кого-то, но это означает, что у кого-то и где-то ее практически нет [см. подробнее: 10]. В самом общем плане, если понимать под региональной политикой в федеративном государстве создание условий для реализации соразмерного системного развития составляющих его частей и такого функционирования управляющих подсистем, которое учитывает наличие разнорядковых по статусу и располагаемым ресурсам административно-территориальных, производственно-экономических и гражданских комплексов, то надо признать необходимость различения специфических черт каждого из них, как и то, что может их объединять. Для целей теоретического анализа, на мой взгляд, есть резон выявить и различать три основных модели отношений федерального центра, региональных субъектов и муниципальных образований с двумя основными модусами в каждой. При этом необходимо иметь в виду, что каждый из участников региональных политических процессов является относительно самостоятельным игроком, но при этом уровень его самостоятельности определяется не только степенью независимости от прямого контрагента, но и мерой связности с другим, более высоким или более низким носителем компетенций.

В наиболее распространенной модели основные взаимодействия выстраиваются между региональным и федеральным уровнем власти (при переменном первенстве на фоне существующих договоренностей), тогда как муниципальный уровень предстает в виде не слишком обязательного для учета фонового фактора. Конечно, в идеальном случае необходимо серьезно считаться с мерой сопротивляемости местного человеческого материала и его активности с точки зрения возможности педалирования этого интереса или его нивелирования при реализации согласованных между федералами и регионалами целей, сценариев и ожидаемых показателей регионального развития. Муниципальная составляющая целостного регионального политико-экономического комплекса в ключевом для более высоких этажей власти его аспекте — финансово-экономическом — оценивается скорее как зависимая, реагирующая, а по сути подневольная среда, но отнюдь не как главный источник социально и экономически значимых для данного субъекта РФ стимулов к инновационным, модернизирующим или консервативным стратегиям построения будущего. Муниципальная реальность, образуемая совокупностью реальных, виртуальных и ожидаемых связей и отношений между субъектообразующими поселениями, городскими округами и муниципальными районами, принимается, в лучшем случае, за вторичный источник значимых ресурсов, тогда как главное внимание со стороны руководства региона уделяется выстраиванию плодотворных и выгодных отношений с федеральным центром. Региональные телодвижения властных, экономических и гражданских структур совершаются в этой модели для привлечения на территорию прямых инвестиционных средств федерального бюджета (в случае дотационного характера региональной экономики) или используются для помещения федерального центра в позицию гаранта успешности экономико-политических игр с потенциальными частными инвесторами различной величины. Маломощность собственного ресурсного обеспечения муниципалитетов в этой модели как раз и выводит их за пределы основного политического поля, делая их малозаметными политическими игроками при известных условиях регионального политического спектакулюма. В лучшем случае муниципалитетам достается роль участников массовой или класки, обеспечивающей фоновую поддержку желательным для региональных властей условиям и сценариям развития.

Вторая типичная модель складывается в тех случаях, когда региональная политическая элита по ряду причин ставит на первое место взаимодействие со своими муниципалами, муниципиями и муниципалитетами, делая ставки на человеческий, культурный и организационный ресурсный набор характеристик региона,

и полагая невозможным или ненужным излишне «прогибаться» под интересы федерального центра в отношении данной территории и проживающего на ней населения, а муниципалы в это же время согласны рассматривать региональные элиты как своего ближайшего союзника или суверена. Такие альянсы, должностные, казалось бы, становятся самыми естественными в условиях российских федеративных отношений, на самом деле достаточно редки: можно по пальцам пересчитать субъекты Федерации, способные похвастаться глубоко эшелонированной муниципальной поддержкой своих проектов и инициатив. В массе российские региональные власти предпочитают не уступать без нужды местным авторитетам ни грана собственных политических возможностей и не делиться с ними ресурсами без крайней необходимости. Исходя из данной логики в ситуациях, когда «до Бога высоко, а до царя далеко», можно рассчитывать на выгоды и благоприобретения от временных союзов, но невозможность сделать их постоянными в условиях централизованной федерации понимают обе стороны указанных взаимоотношений. Для федералов такого рода смычки особой опасности не представляют, а ценность их чаще всего сомнительна, но только до поры. Дело в том, что «распасовка» задач и стимулов «на самом вершине» может неожиданно для всех сделать ранее незаметный на региональном фоне муниципалитет нужным для показательного решения какой-либо инвестиционной или, к примеру, медиазадачи в интересах первого лица государства. Вот тогда место локализации своевременного принятия того или иного решения высшего уровня сразу же начинает не просто иметь значение, но иметь значение большое или даже, можно сказать, огромное¹.

Третья, достаточно редкая в России модель возникает как результат таких отношений между определенными силами в федеральном центре и конкретным муниципальным образованием того или иного вида, которое востребовано для конструирования с инициативным участием низового уровня власти аппаратной, политической или идеологической интриги в отношении региона, в состав которого включено данное муниципальное образование, региональных властей и институтов в той или иной ипостаси и/или, наконец, отдельных политических игроков регионального (субъектового, субнационального) уровня большой значимости, влиятельности и известности. Такова «Красная горка» в Санкт-Петербурге, явившая единственный общеизвестный в недавней истории пример превращения муниципального депутата в Председателя Совета Федерации Федерального собрания России. Есть и другой модус этой модели: он связан с интересом крупных инвесторов, обладающих связями в высших эшелонах власти, и их планами на территории отдельно взятого муниципалитета, пусть и входящего в состав некоего N-ского региона. Заполучить такого инвестора или быть уловленным им для целей его обогащения с помощью местных располагаемых ресурсов при участии властвующих управителей есть мечта-идея практически каждого муниципального деятеля в нынешней России: здесь масштаб и региональный удельный вес муниципалитета уже не имеет особого значения, ибо он возвеличивается самим фактом косвенного федерального присутствия.

Можно, думаю, мне, вполне определенно утверждать, что обозначенные модели могут служить первичным звеном теоретического анализа, с которого имеет смысл начинать изучение систем управления тем региональным континуумом сил и связей, который по какой-то причине привлек внимание федерального центра, является заметным в общем ряду субъектов федерации, а значит, может послужить предметом научных изысканий для поиска соответствующих времени и месту спо-

¹ Таким именно образом навеки остался в истории мало кому известное до поры до времени муниципальное образование «Город Пикалево» Бокситогорского р-на Ленинградской обл., и все, что там произошло в начале июня 2009 г.

собов возможного влияния на развитие событий в различных сферах этого континуума. Понятно и то, что предложенный подход является достаточно абстрактным, а в своих управленческих приложениях к исследованию конкретных случаев, кейсов и ситуаций нуждается в наполнении системой показателей, совокупность которых поможет упорядочивать актуальное положение дел и, исходя из потребностей понять данное место, изменить его и сконструировать желаемое будущее для территории и его населения. Такой подход становится, по моему мнению, насущно необходимым именно в наше время, и, прежде всего, для отбора, изучения, обобщения и верификации методов регионального управления, используемых органами государственной власти для повседневного разрешения разного рода ситуаций в обстоятельствах, создаваемых массовым политическим сознанием и креативными возможностями народного политического творчества.

Литература

1. Бабичев И. В., Смирнов Б. В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты : монография. М. : Норма; Инфра-М, 2011.
2. Васильев В. И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 5–15.
3. Дроботенко И. Зарубежные модели самоуправления. Опыт для России // Власть. 2010. № 1. С. 119–122.
4. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М. : Московская школа политических исследований, 2008.
5. Ляхов В. П. Местное самоуправление как инструмент модернизации современной России: перспективные направления развития, политико-управленческие ресурсы, проблемы (политологический аспект) : дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Д, 2015.
6. Магомедов К. О. Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 96–103.
7. Макогон Т. И. Местное народовластие: конstellляция формы и содержания // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 90–93.
8. Петрова С. В., Бабешкова Е. В. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2016. № 6 (часть 1). С. 197–201.
9. Пешин Н. Л. Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Муниципальное имущество. 2018. № 3. С. 35–38.
10. Пфеффер, Дж. Власть. Почему у одних она есть, а у других — нет / Пер. с англ. М. : Карьера Пресс, 2012.
11. Райкер У. Федерализм: теория, происхождение, предназначение // Неприкосновенный запас. 2018. № 2. С. 124–147.
12. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 [4] с.
13. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М.: Рипол Классик, 2016.
14. Чиркин В. Е. Публичное управление «на местах»: некоторые вопросы российского и зарубежного опыта // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 39–48.

Об авторе:

Баранец Сергей Николаевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; brnts@rambler.ru

References

1. Babichev I. V., Smirnov B. V. Local self-government in modern Russia: formation and development. Historical and legal aspects: monograph. M : Norma; Infra-M, 2011. (In rus)

2. Vasiliev V.I. Local self-government: history and modern practice // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2015. N 3. P. 5–15. (In rus)
3. Drobotenko I. Foreign models of self-government. Experience for Russia // Power [Vlast']. 2010. N 1. P. 119–122. (In rus)
4. Zakharov A. Unitary federation. Five sketches about Russian federalism. M. : Moscow School of Political Studies, 2008. (In rus)
5. Lyakhov V. P. Local self-government as an instrument of modernization of modern Russia: perspective directions of development, political and administrative resources, problems (political aspect). Doctoral Dissertation. Rostov-on-Don, 2015. (In rus)
6. Magomedov K. O. Problems of functioning and development of local self-government in Russia // Monitoring of public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny]. 2015. N 4. P. 96–103. (In rus)
7. Makogon T. I. Local democracy: constellation of form and content // Bulletin of Tomsk State University. History [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2013. N 5 (25). P. 90–93. (In rus)
8. Petrova S. V., Babeshkova E. V. *Problems and prospects of development of local self-government in the Russian Federation* // Fundamental research [Fundamental'nyye issledovaniya]. 2016. N 6 (p. 1). P. 197–201. (In rus)
9. Peshin N. L. Municipal Government: the Continuation of the State or an Institute of Self-Organization of the Society? // Municipal property [Munitsipal'noye imushchestvo]. 2018. N 3. P. 35–38. (In rus)
10. Pfeffer J. Power. Why do some have it, but others do not / Transl. from the English. M. : Career Press, 2012. (In rus)
11. Riker W. Federalism: Theory, Origin, Purpose // The Inviolable Supply [Neprikosnovenny zapas]. 2018. N 2. P. 124–147. (In rus)
12. Fukuyama F. The Strong State: Governance and World Order in the 21st Century. M. : AST, THE KEEPER, 2006. 220 [4] p. (In rus)
13. Khazin M., Shcheglov S. Stairway to the sky. Dialogues about power, career and the world elite. M. : Ripol Klassik, 2016. 624 p. (In rus)
14. Chirkin V. E. Public management «on the ground»: some issues of Russian and foreign experience // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2014. N 10. P. 39–48. (In rus)

About the author:

Sergei N. Baranets, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; brnts@rambler.ru

Некоторые особенности формирования инновационной экономики в странах ЕС и в США: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации

Захарова Н. В.¹, Лабудин А. В.^{2, *}

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *labudin59@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности формирования инновационной экономики в странах ЕС и в США. На основе изучения большого количества статистического и теоретического материала показаны основные преимущества инновационной экономики в условиях современной глобализации. Доказана связь инновационной экономики с глобальной конкурентоспособностью стран. Показаны основные этапы развития инновационной экономики в странах ЕС и в США. Проанализирована роль наднациональной инновационной системы для инновационного развития стран ЕС. На основе большого количества материала показаны сильные и слабые стороны инновационных экономик различных стран, а также перспективы их развития

Ключевые слова: Европейские страны, Евросоюз, США, инновационная экономика, наднациональная инновационная система, инновационный рейтинг, глобальная конкурентоспособность

Some Peculiarities of the Formation of the Innovative Economy in the EU Countries & In the USA: Learning of Experience for the Russian Federation

Natalya V. Zakharova^a, Alexander V. Labudin^{b, *}

^aPlekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *labudin59@mail.ru

ABSTRACT

In the article the peculiarities of the formation of the innovative economy in the EU countries & in the USA are discovered. On the basis of analyzing of vast statistical & theoretical material the main advantages of the innovation economy in the conditions of modern globalization are discovered. The connection between the innovative economy and the global competitiveness of the countries is proved. The main stages of the development of innovative economy in the countries of EU and in the USA are shown. The role of the supranational innovative system for the innovative development of the EU countries is analyzed. On the basis of the vast amount of the material the weak and the strong points of the innovative development of different countries and also the perspectives for their development are shown.

Keywords: European countries, European Union, USA, innovative economy, supranational innovative system, innovation rating, global competitiveness

На современном этапе развития мировой экономики определяющее значение для экономического роста приобретают инновации и новые технологии. Ученые и эксперты всего мира давно доказали, что инновации стимулируют основные движущие процессы, являясь той силой, с помощью которой идет непрерывное развитие человечества и мирового хозяйства.

Чтобы эффективно функционировать в таких условиях, страны постепенно переходят на путь построения инновационной экономики. Таким образом, формирование эффективного инновационного механизма является первоочередной задачей для всех стран.

Слово «инновация» (от англ. «innovation») переводится на русский язык как «новшество, нововведение, новый продукт, метод». В свою очередь, английское слово «innovation» берет свои корни от латинского «innovatio», что переводится как «обновление, перемена» [2, с. 148].

В научных кругах вопрос о едином определении понятия «инновации» до сих пор открыт. Существует множество подходов к определению инноваций и их классификаций.

Например, можно рассматривать определение термина «инновации» с позиции одного из двух подходов [там же, с. 149]:

- процессного (при котором инновации рассматриваются в качестве процесса);
- объектного (инновации представляются как объект в виде конечного результата).

В целом инновации — это результат интеллектуальной деятельности человека (или группы людей) в различных сферах жизни, который может быть внедрен в процессы жизнедеятельности с целью повышения эффективности или облегчения протекания этого процесса,

Инновационный процесс — это процесс преобразования научного знания (открытия) в нововведение, или процесс внедрения инноваций.

Инновационная деятельность — это комплекс мероприятий различной направленности, имеющий целью коммерциализацию инноваций (знаний, технологий); процесс создания, освоения и использования инноваций.

Инноватика представляет собой область знаний¹, включающую вопросы методологии и организации инновационной деятельности. В прикладном аспекте инноватика рассматривается как направление в инновационном менеджменте, включающее «движение» от инноваций к применению их в бизнесе, предпринимательству.

Один из самых простых способов классификации инноваций — на основе глубины вносимых ими изменений. Таким образом, инновации делятся на радикальные (прорывные) и вспомогательные (дополнительные) [7]. К прорывным относятся инновации, в корне меняющие какой-либо процесс или благодаря которым создается принципиально новый продукт или услуга. Вспомогательные инновации направлены на улучшение уже существующих объектов, услуг или технологий производства.

Большинство ученых подтверждают, что для дальнейшего экономического развития движущей силой на современном этапе выступают именно инновации. В таких условиях огромное влияние оказывает уровень развития таких элементов инновационной сферы, как наука в целом, наукоемкие отрасли, инновационная деятельность компаний, развитие высокотехнологичных отраслей [5], организация международной научно-производственной кооперации. Их влияние на степень развития государства колоссально, особенно в условиях мирового разделения труда. Другими словами, инновационная сфера в настоящее время прямо влияет на всю экономическую сферу.

Важнейшей чертой инновационной экономики является повышение затрат (как общих, так и удельных) на нужды образования и науки как на макро-, так и на микроуровнях.

Еще одной чертой инновационной экономики является бурный рост и развитие информационно-коммуникационной сферы. С этим «сектором» жизни сталкивается каждый день большая часть людей.

¹ Суслов В. И. Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей. Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2008.

Наконец, характерная, самая важная черта инновационной экономики — это развитие, активное внедрение и распространение инноваций, применение их в процессе создания новых продуктов и услуг.

Инновационное развитие позволяет стране достичь высокого уровня конкурентоспособности на международном уровне. Индикатором последней выступает Индекс глобальной конкурентоспособности (данные 2017–2018 гг.), рассчитанный по методике Всемирного экономического форума. Индекс включает в себя наиболее полный на текущий момент комплекс измерений конкурентоспособности по различным странам мира. В основе его расчета — 12 контрольных показателей¹ (такие, как качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и уровень профессиональной подготовки, эффективность рынка товаров и услуг, а также рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал). Как несложно заметить, многие из перечисленных показателей характеризуют инновационную экономику. Однако выделить влияние каждого конкретного фактора данной модели достаточно сложно из-за ограниченности доступа к некоторым данным (часть показателей оценивается по результатам глобального опроса руководителей компаний) и различных подходов к оценке этих факторов.

Именно поэтому фактором, потенциально влияющим на конкурентоспособность страны, можно считать Глобальный индекс инноваций (данные 2017 г.), составленный Международной бизнес-школой «INSEAD» Корнельского университета при содействии Всемирной организации интеллектуальной собственности. Он позволяет оценить соотношение затрат (располагаемых ресурсов и условий для проведения инноваций: институтов, человеческого капитала и исследований, инфраструктуры, развитие внутреннего рынка, развитие бизнеса) и эффекта (развитие технологий и результаты творческой деятельности)².

Опыт развития инновационной экономики в отдельных развитых странах в значительной степени различается. Тем не менее можно отметить, что инновационная экономика стран ЕС находится на достаточно высоком уровне.

Европейский союз — это уникальное образование, не имеющее аналогов в мире. Большинство стран — участниц союза конкурентны и самобытны сами по себе, однако их объединение в его рамках оказывает мощное мультипликативное влияние на их деятельность и на деятельность региона в целом. Не отстает этот регион и в части «инноватизации» экономик своих стран. В этом мы можем убедиться, обратившись к табл. 1. А поскольку одной из стратегических целей любой страны является повышение уровня ее конкурентоспособности и достижения лидирующих позиций, представленная ниже таблица может служить индикатором уровня инновационного развития стран. Синим цветом выделены страны, относящиеся к Европе и Северной Америке. Поскольку в «верхушке» данного рейтинга можно заметить только две страны Северной Америки — США (2-е место) и Канаду (14-е место), можно утверждать, что европейские страны буквально «оккупировали» лучшие позиции рейтинга. Практически все эти страны являются членами Европейского союза.

Высокие позиции стран ЕС свидетельствуют о длительной, планомерной политике, проводимой в этих странах для достижения текущего стабильного по-

¹ Индекс глобальной конкурентоспособности: информация об исследовании и его результаты [Электронный ресурс] // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (дата обращения: 13.05.2018).

² Глобальный индекс инноваций: информация об исследовании и его результаты // Аналитический портал «Гуманитарные технологии» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (дата обращения: 13.05.2018).

ложения.

Таблица 1

Глобальный индекс конкурентоспособности 2017–2018 гг.
 Table 1. Global index of competitiveness, 2017–2018

	Экономика	Счет			Экономика	Счет			Экономика	Счет	
1	Швейцария	5.86	1	46	Бруней	4.52	58	92	Аргентина	3.95	104
2	США	5.85	3	47	Коста-Рика	4.50	54	93	Никарагуа	3.95	103
3	Сингапур	5.71	2	48	Словения	4.48	56	94	Камбоджа	3.93	89
4	Нидерланды	5.66	4	49	Болгария	4.46	50	95	Тунис	3.93	95
5	Германия	5.65	5	50	Панама	4.44	42	96	Гондурас	3.92	88
6	Гонконг	5.53	9	51	Мексика	4.44	51	97	Эквадор	3.91	91
7	Швеция	5.52	6	52	Кувейт	4.43	38	98	Лаос	3.91	93
8	Великобритания	5.51	7	53	Турция	4.42	55	99	Бангладеш	3.91	106
9	Япония	5.49	8	54	Латвия	4.40	49	100	Египет	3.90	115
10	Финляндия	5.49	10	55	Вьетнам	4.36	60	101	Монголия	3.90	102
11	Норвегия	5.40	11	56	Филиппины	4.35	57	102	Киргизия	3.90	111
12	Дания	5.39	12	57	Казахстан	4.35	53	103	Босния и Герцеговина	3.87	107
13	Новая Зеландия	5.37	13	58	Руанда	4.35	52	104	Доминиканская Республика	3.87	92
14	Канада	5.35	15	59	Словакия	4.33	65	105	Ливан	3.84	101
15	Тайвань, Китайская Республика	5.33	14	60	Венгрия	4.33	69	106	Сенегал	3.81	112
16	Израиль	5.31	24	61	Южная Африка	4.32	47	107	Сейшелы	3.80	п/а
17	Объединенные Арабские Эмираты	5.30	16	62	Оман	4.31	66	108	Эфиопия	3.78	109
18	Австрия	5.25	19	63	Ботсвана	4.30	64	109	Сальвадор	3.77	105
19	Люксембург	5.23	20	64	Кипр	4.30	83	110	Кабо-Верде	3.76	110
20	Бельгия	5.23	17	65	Иордания	4.30	63	111	Гана	3.72	114
21	Австралия	5.19	22	66	Колумбия	4.29	61	112	Парагвай	3.71	117
22	Франция	5.18	21	67	Грузия	4.28	59	113	Танзания	3.71	116
23	Малайзия	5.17	25	68	Румыния	4.28	62	114	Уганда	3.70	113
24	Ирландия	5.16	23	69	Иран	4.27	76	115	Пакистан	3.67	122
25	Катар	5.11	18	70	Ямайка	4.25	75	116	Камерун	3.65	119
26	Республика Корея	5.07	26	71	Марокко	4.24	70	117	Гамбия	3.61	123
27	Китай	5.00	28	72	Перу	4.22	67	118	Замбия	3.52	118

Источник: Schwab K. The Global Competitiveness Report 2017–2018 [Электронный ресурс] //

World Economic Forum. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>.

Представляет интерес еще один рейтинг, который учитывает только показатели, связанные с инновационностью страны, — Инновационный индекс Блумберга за 2018 г. (табл. 2). Картина здесь несколько меняется, но тем не менее из 17 топовых стран рейтинга 12 — европейские.

Особого внимания заслуживает наднациональная инновационная система Европейского союза. В последние годы она оказывает все большее влияние на формирование инновационных экономик некоторых отдельных стран ЕС. В ее структуре несложно проследить так называемое «ядро» инновационной системы, включающее в себя: органы управления (Европейский совет, определяющий основные стратегические направления развития ЕС, Европейская комиссия с Генеральным директором по научно-техническим направлениям), фирмы и предприятия, исследовательские организации. Воздействие институтов ЕС на инновационные эко-

Таблица 2

Инновационный индекс «Bloomberg» 2018 г.

Table 2. Bloomberg Innovative index, 2018.

2018 rank	2017 rank	YoY change	Economy	Total score	R&D intensity	Manufacturing value-added	Productivity	High-tech density	Tertiary efficiency	Researcher concentration	Patent activity
1	1	0	Южная Корея	89.28	2	2	21	4	3	4	1
2	2	0	Швеция	84.70	4	11	5	7	18	5	8
3	6	3	Сингапур	83.05	15	5	12	21	1	7	12
4	3	-1	Германия	82.53	9	4	17	3	28	19	7
5	4	-1	Швейцария	82.34	7	7	8	9	11	17	17
6	7	1	Япония	81.91	3	6	24	8	34	10	3
7	5	-2	Финляндия	81.46	8	16	10	13	19	6	4
8	8	0	Дания	81.28	6	15	11	15	26	2	10
9	11	2	Франция	80.75	12	35	14	2	10	21	9
10	10	0	Израиль	80.64	1	27	9	5	41	1	19
11	9	-2	США	80.42	10	23	6	1	42	20	2
12	12	0	Австрия	79.12	5	8	15	26	12	12	5
13	16	3	Ирландия	77.87	22	1	1	18	20	14	33
14	13	-1	Бельгия	77.12	11	22	13	10	37	13	21
15	14	-1	Норвегия	76.76	19	37	19	11	23	8	14
16	15	-1	Нидерланды	75.09	17	26	20	6	47	15	18
17	17	0	Великобритания	74.54	20	40	23	14	8	18	15

Источник: Jamrisko M., Lu W. The U. S. Drops Out of the Top 10 in Innovation Ranking [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Bloomberg». 23.01.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls>.

номики отдельных стран ЕС многогранно и разнопланово. Во многом оно опосредовано не только через научно-техническую и инновационную совместную политику, но и через другие ее виды: конкурентную, региональную, политику в области образования и т. д.

Важнейшим инструментом реализации научно-технической и инновационной политики в ЕС являются так называемые Рамочные программы ЕС по развитию научных исследований и технологий. Эти программы финансируются из бюджета ЕС.

К настоящему моменту было реализовано 7 таких программ, на сегодняшний день в действии 8-я Рамочная программа под названием «Горизонт 2020», ориентированная на период с 2014 по 2020 гг. Основной ее целью является создание научно-технологической основы для ускоренного устойчивого развития Европы, завершение формирования единого европейского научного пространства, что позволит превратить ЕС в один из наиболее развитых в научно-техническом отношении регионов, повысить уровень конкурентоспособности объединенной Европы, а также занятость населения.

Реализация инновационных стратегий в форме рамочных программ представляется вполне эффективной:

- для органов управления: возможность централизованно определять приоритетные направления фундаментальных и прикладных исследований, управлять и контролировать их практически на всех этапах проведения;
- для исследовательских организаций и университетов: участие в реализации рамочных программ позволяет усиливать свое влияние в научных кругах, привлекать наиболее высококвалифицированных специалистов и талантливых студентов;
- для бизнеса: доступ к уникальным исследованиям и разработкам, создание на их основе принципиально новых характеристик товаров или услуг, дополнительная реклама.

К тому же совместная политика стран ЕС, в частности, реализация рамочных программ, имеет мультипликативный эффект на мероприятия, которые проводятся на национальных и региональных уровнях.

Европейские национальные инновационные системы также представляют большой интерес. Наиболее развитым странам Евросоюза удалось добиться больших успехов в плане формирования эффективных НИС. По уровню развития страны ЕС могут быть разделены на 4 группы [6]:

- страны с очень высоким уровнем инновационного развития — Германия и скандинавские страны (Швеция, Финляндия и Дания);
- страны-последователи лидеров инновационного развития (Эстония, Франция, Словения, Нидерланды, Люксембург, Кипр, Ирландия, Великобритания, Бельгия, Австрия);
- страны с уровнем инновационного развития ниже среднего — «умеренные инноваторы» (Чехия, Словакия, Португалия, Польша, Мальта, Италия, Испания, Греция, Венгрия);
- «начинающие инноваторы», существенно отстающие от средневропейского уровня инновационного развития (Румыния, Литва, Латвия, Болгария).

Табл. 3 показывает наиболее сильные стороны инновационных систем отдельных стран.

В качестве полезного и интересного опыта формирования инновационных экономик европейских стран следует иметь в виду развитые кластерные стратегии как эффективный инструмент инновационного развития региона [4].

Немного другую модель инновационного развития представляют США.

Соединенные Штаты Америки давно воспринимаются как своего рода рай для

Таблица 3

Наиболее сильные стороны инновационных систем некоторых стран ЕС

Table 3. Most strengths of innovative systems of some EU countries

Франция	Наличие квалифицированных кадров
	Высокий уровень координации между различными участниками инновационной системы
	Развитая система налоговых льгот для инновационных компаний
	Большие государственные расходы на исследования и разработки
	Сильные государственные институты, регулирующие инновационную деятельность
Финляндия	Большие вложения государства в исследования и разработки
	Наличие развитой институционально-правовой базы
	Тесное взаимодействие университетов и промышленных лабораторий
	Развитые кластерные стратегии
	Успешный опыт реструктуризации экономики страны в условиях кризисных явлений
Италия	Развитые кластерные стратегии
	Высокая доля инновационной продукции в традиционных секторах экономики (текстильные, мебельные, кожевенно-обувные кластеры)
	Высокоразвитая фармацевтика, телекоммуникации, средства автоматизации производственных процессов
	Высокие позиции по новым торговым маркам и новым промышленным дизайнам
Великобритания	Функционирование университетов мирового уровня
	Развитое венчурное финансирование
	Высокая доля населения с высшим образованием
	Развитые связи «университеты-промышленность»
	Активная политика привлечения квалифицированных кадров
	Благоприятные условия для предпринимательства в целом

Источник: [3, с. 17–18].

Примечание: Следует отметить, что на момент составления представленной таблицы (2010 г.) Великобритания входила в состав Европейского союза. На 2018 г. известно, что процесс отделения Великобритании от Европейского союза (по результатам референдума 2016 г.) запланирован на 29.03.2019. Таким образом, на момент подготовки данной статьи Великобритания являлась страной — участницей Европейского союза.

предпринимательства, особенно в сфере высоких технологий. Это и неудивительно — доля американской экономики в этом секторе составляет 25% от общемировой¹. Интересна статистика на этот счет. Поскольку речь идет о предпринима-

¹ Чеботарев М. Инвестиции по-американски: как работают венчурные фонды в США [Электронный ресурс] // Forbes. 28.04.2018. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/360889-investicii-po-amerikanski-kak-rabotayut-venchurnye-fondy-v-ssha>.

тельстве, воспользуемся рейтингами инновационных компаний (не стран) и проанализируем, какое место занимают в них компании американские.

В табл. 4 представлен рейтинг самых инновационных компаний, составленный экспертами Бостонской консалтинговой группы. Среди указанных организаций 27 представляют США, что составляет более половины компаний, входящих в топ-50. Следует также отметить, что компании из Америки являются лидерами данного рейтинга. К американской первой десятке примыкают компании из Южной Кореи (Samsung — 5-е место) и Китая (Alibaba — 10-е место).

Данные табл. 5 также подтверждают эту тенденцию: в ней представлена лишь первая десятка рейтинга самых инновационных компаний мира по версии Forbes, из которых 6 — американские. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на разницу в компаниях-лидерах из двух рейтингов, первая тройка и большая их часть являются представителями США.

Это доказывает, что США являются мировыми лидерами в области инновационного предпринимательства и выпуске высокотехнологичной продукции. Каковы факторы успешной деятельности американских предприятий и каково влияние американской национальной инновационной системы на их становление и успех?

Начать следует с того, что среди приоритетов государственной политики США всегда было развитие сферы высоких технологий и стимулирование инновационной деятельности. Особенность инновационного развития США состоит в том, что бизнес сам прекрасно осознает необходимость инноваций для своего процветания. В этих условиях государству остается лишь всячески способствовать укреплению связей бизнеса и инновационной среды, а не «насаждать» организациям курсы

Таблица 4

Самые инновационные компании в 2018 г. по версии BCG

Table 4. The most innovative companies in 2018 according to BCG

1	Apple	11	Airbnb	21	Siemens	31	Intel	41	3M
2	Google	12	SpaceX	22	Unilever	32	NTT Docomo	42	SAP
3	Microsoft	13	Netflix	23	BASF	33	Daimler	43	DuPont
4	Amazon	14	Tencent	24	Expedia	34	AXA	44	Inter Continental Hostels Group
5	Samsung	15	Hewlett-Packard	25	Johnson & Johnson	35	Adidas	45	Disney
6	Tesla	16	Cisco Systems	26	JPMorgan Chase	36	BMW	46	Huawei
7	Facebook	17	Toyota	27	Bayer	37	Nissan	47	Procter & Gamble
8	IBM	18	General Electric	28	Dow Chemical	38	Pfizer	48	Verizon
9	Uber	19	Orange	29	AT&T	39	Time Warner	49	Philips
10	Alibaba	20	Marriott	30	Alianz	40	Renault	50	Nestle

Источник: The most innovative companies 2018 [Электронный ресурс] // BCG global innovation survey. 17.01.2018. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2018/most-innovative-companies-2018-innovation.aspx>.

Таблица 5

Самые инновационные компании мира по версии Forbes

Table 5. The most innovative companies of the world according to Forbes

Ранг	Компания	Страна
1	Salesforce.com	США
2	Tesla	США
3	Amazon.com	США
4	Shanghai RAAS Blood Products	Китай
5	Netflix	США
6	Incyte	США
7	Hindustan Unilever	Индия
8	Asian Paints	Индия
9	Naver	Южная Корея
10	Regeneron Pharmaceuticals	США

Источник: The world's most innovative companies // Forbes. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/innovative-companies/list/tab:rank>.

развития сверху. Конечно, действующий в верном направлении бизнес — это не единственный «столп» инновационного потенциала США.

Важнейшую роль играют американские университеты. На сегодняшний день примерное количество высших учебных заведений в США достигает уровня 150 [1], многие из которых имеют мировую известность и богатую историю: например, Массачусетский технологический институт, Гарвардский университет, Колумбийский университет, университет Беркли и т.д. В университетах проводятся как фундаментальные, так и прикладные масштабные научные исследования. Университеты поддерживаются обеспеченными выпускниками, имеют собственные фонды и земельные ресурсы.

Прикладными исследованиями также занимаются Национальные лаборатории и частные исследовательские корпорации.

Что касается подготовки кадров, то здесь немаловажное значение приобретают Институты высших исследований, например, в Принстоне, Лос-Анджелесе. Они готовят высококвалифицированных профессионалов, а также постоянно осуществляют взаимодействие с представителями мировой науки.

Тут следует отметить огромное влияние государственного управления. Для того чтобы заинтересовать университеты в проведении исследований и создании инноваций, государство предоставило им возможность получать от этой деятельности прибыль. Особым инструментом в этом направлении стал закон Бэя-Доула, принятый в США еще в 1980 г. в процессе широкомасштабной патентной реформы, который буквально заставил университеты и предприятия малого бизнеса патентовать результаты исследований, созданные за государственный счет, и в дальнейшем коммерциализировать их (следует отметить, что организационная структура коммерциализации научных исследований в университетах США чрезвычайно гибка и учитывает особенности как самого университета (форма собственности, научные и образовательные направления), так и законодательные и экономические особенности города и штата). В то время такой тип сотрудничества институтов и бизнеса не имел прецедентов.

Такой способ сотрудничества между государством, бизнесом и университетами на каждом этапе процесса создания инновационных продуктов называется моделью «тройной спирали», которая в настоящее время характерна не только для инновационной системы США, но и распространяется за ее пределы.

Ярким примером такой модели является Кремниевая долина — ведущий центр развития инноваций и весьма известный технополис мира. Она была создана на базе Стэнфордского университета и в настоящий момент в ней оперируют ведущие инновационные компании мира, особенно представители сферы современных электронных и компьютерных технологий. Этот опыт стал примером для многих стран. Американская Кремниевая долина является показательной в части применения кластерного подхода. На ее территории располагаются около 87 тыс. компаний, 180 венчурных фондов и порядка 700 банков. Многие специалисты со всего мира мечтают устроиться на работу в компании, функционирующие на территории долины, что объясняется не только престижем и возможностью значительно заработать, но также получить бесценный опыт сотрудничества с виднейшими профессионалами отрасли и доступ к новейшим технологиям, на базе которых можно создавать новые инновационные продукты.

Кремниевая долина интересна также и новым отношением к наличию диплома об образовании и подходом к подбору кадров. Нередки случаи, когда кандидатов (разумеется, речь идет о новых нестандартных проектах) замечают еще в школьном возрасте, в дальнейшем привлекая их для работы в компании. Там очень распространены стартапы и фонды венчурного финансирования, поскольку отношение к риску в долине тоже особое, отличное от многих других стран. Склонность к риску в немалой степени можно объяснить происхождением американцев и их историей. Чем же могут с нами поделиться США в вопросах формирования инновационной экономики?

Во-первых, это модель «тройной спирали», когда государство, бизнес и университеты тесно взаимодействуют практически на всех этапах инновационного процесса.

Во-вторых, удачно проведенная патентная реформа и принятый закон Бэя-Доула, который разрешает университетам патентовать собственные изобретения и в дальнейшем их коммерциализировать.

В-третьих, это готовность к риску и развитые институты венчурного финансирования.

Прежде чем говорить о проблемах становления инновационной экономики в России, следует отметить, что Россия обладает достаточным инновационным потенциалом: речь идет о различных факторах и условиях, которые способствуют ее развитию. Разумеется, подразумевается создание национальной инновационной системы, т. е. инфраструктурной сети, позволяющей идти по наиболее эффективному пути развития.

Теоретическая разработка этой концепции в России началась позже, чем во многих западных странах — во второй половине 90-х годов прошлого века. Причем процесс ее исследования имел свои особенности: в случае России велись поиски решения проблем формирования НИС в условиях перехода от плановой экономики к рыночной. Основные направления перехода к инновационному типу развития страны закреплены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.¹

На сегодня Россия является одним из основных мировых государств-экспорте-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

ров энергоносителей, в частности, газа и сырой нефти. Однако при сохранении экономики, по факту основанной на экспорте энергоносителей и находящейся в полной прямой зависимости от него, вряд ли удастся создать конкурентоспособное инновационное государство. Более того, существует реальная угроза превращения России в сырьевой придаток развитых стран. Еще более важно наращивать экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью. Даже если не удастся (скорее всего) сразу «слезть с нефтяной иглы», можно хотя бы начать поставлять на экспорт не сырой продукт, а переработанную из сырья продукцию. Ситуация после 2014 г. в России имела тенденцию к ухудшению.

Однако не стоит односторонне негативно смотреть на сложившуюся ситуацию. Многие предприниматели и ученые сходятся во мнении, что кризис — это лучшая возможность вносить коренные изменения в устоявшуюся практику. Активное внедрение инновационной системы в России сталкивается с целым рядом проблем:

- неразвитость инновационной инфраструктуры;
- неготовность предприятий, в том числе и по причине сложного финансового положения, внедрять «произведенные» инновации;
- недостаток квалифицированных кадров на всех уровнях и отсутствие возможности привлечения кадров (хотя бы высшего руководства) из-за рубежа;
- низкий уровень взаимодействия вузов и предприятий;
- нехватка и слабая развитость механизмов финансирования инновационных проектов и инновационных стартапов.

Создание национальной инновационной системы для России — это возможность наиболее эффективного перехода от энергозависимой экономики к экономике, основанной на тесном взаимодействии научных организаций и представителей бизнеса, создании товаров и внедрении улучшений, основанных на достижениях науки, экспорту соответствующей качественной высокотехнологичной продукции с большей добавленной стоимостью. Опыт отдельных стран и регионов может быть полезен для России.

Европейский опыт наднационального стимулирования научных разработок и исследований может выступать в качестве примера в процессе разработки инновационных стратегий и формирования российской модели инновационного развития. Интересны как содержание европейского опыта и комплекс их мероприятий, так и способ организации инновационной системы, подразумевающую роль наднационального уровня.

Наднациональная инновационная система при выполнении задач предполагает кооперацию различных структур нескольких государств, как правило, образующих союз. Самые развитые союзные отношения у России — в рамках ЕАЭС, а также — БРИКС. Однако государства, образующие данные союзы, находятся на абсолютно разных уровнях развития, преследуя при этом различные цели в вопросах внешнеполитических и экономических отношений. А в некоторых случаях, наоборот, интересы стран могут совпасть настолько, что возникнет риск провокации серьезной формы конфликтов.

По нашему мнению, наднациональный уровень инновационной системы не лучший вариант для России. На примере ЕС мы убедились, что это работает при синергетическом объединении стран с примерно одинаковым уровнем развития, общими целями по отношению к внешнему миру и, что немаловажно, граничащих друг с другом. Кто-то может предложить создание наднациональной инновационной системы с российским участием на базе бывшего СССР. Однако на текущий момент ни одна из бывших союзных республик не входит в число стран-лидеров по инновационному развитию. Россия также не сможет в настоящее время выступить в качестве лидера. Лишь в дальнейшем, по мере укрепления и развития собственного инновационного потенциала, накопления опыта и наращивания экономической мощи, Россия смо-

жет оказывать помощь менее развитым странам с целью расширения своего влияния на эти территории, а также создания более прочных союзных отношений.

Что касается комплекса мероприятий Европейского союза в части инновационного развития, здесь особого внимания заслуживают следующие стороны:

- концентрация ресурсов на главных инновационных проектах;
- увеличение количества исследований на контрактной основе;
- сотрудничество с европейскими исследовательскими центрами и научными организациями.

Наконец, одно из самых важных направлений, на которые следует обратить внимание при создании собственной инновационной системы в России, — это система образования и подготовки кадров, а также создание благоприятных условий для привлечения иностранных специалистов (как преподавателей, так и исследователей). К сожалению, многие эксперты констатируют очень низкую ценность (или практическое ее отсутствие) проводимой российскими вузами научной работы. В ЕС же, напротив, развита система международных образовательных программ, позволяющая многим студентам из различных частей света учиться в Европе с дальнейшим привлечением наиболее перспективных из них к работе в ЕС. Следует отметить, что многие из программ подразумевают сотрудничество и европейских вузов с российскими.

Из инновационного опыта США Россия также может почерпнуть множество полезных идей. США, как известно, лидируют в ряде рейтингов наиболее инновационных компаний мира. А главные составляющие успеха компаний — это то, в каких условиях они функционируют и какие люди работают там. В этом вопросе раем для любой инновационной компании является Кремниевая долина. В РФ об этом известно, в связи с чем было инициировано создание российского аналога долины — Инновационного центра «Сколково». Однако разница между ними весьма существенна: если Кремниевая долина в США в значительной мере создавалась не государственными силами, а как бы «снизу», то в России все наоборот. В текущих условиях этот курс является правильным, однако у него есть ряд недостатков, мешающих полноценному развитию и функционированию подобных центров, наукоградов и технополисов.

Во-первых, речь идет о низком уровне коммерциализации инноваций в России, неотлаженном процессе выдачи лицензий и патентов. В США этот процесс был улучшен благодаря закону Бэя-Доуля, четко определяющему порядок трансфера технологий.

Во-вторых, слабо развиты институты финансирования подобных проектов (за исключением финансирования государственного). Однако и это обстоятельство могло бы не стать проблемой, если бы не отсутствие заинтересованности в инновациях (главный вопрос — освоение бюджетных средств).

Третьей проблемой являются четко обозначенные цели и условия создания наукоградов и инновационных центров, а точнее их отсутствие. В этом вопросе требуется упорядочение и четкое разграничение ответственности, а также создание системы показателей и характеристик, позволяющей оценивать не только результаты деятельности инновационных центров, но и пригодность инновационных продуктов и проектов в качестве идей для создания и финансирования стартапов.

Наконец, важно не забывать о логике менеджеров из Кремниевой долины в процессе приема на работу новых кандидатов: диплом — не главное. Это отнюдь не значит, что высшее и среднее профессиональное образование моментально обесцениваются. Наоборот, это является стимулом к построению новой, более гибкой системы образования. Ведь в настоящее время многим молодым людям более интересна практика и создание чего-то нового, достижения результатов, в связи

с чем теории посвящается все меньшее время и это при увеличивающейся роли самообучения и самообразования.

Для решения в том числе и этого вопроса (помимо упрощенного процесса коммерциализации инноваций) сотрудничество бизнеса и образовательных и научных организаций также важно наряду с правильным и эффективным курсом управления и поддержки подобной кооперации со стороны государства.

В России есть достойный человеческий капитал, обладающий предпринимательским талантом и способный создавать новые технологии, однако ему здесь бывает тесно и неудобно. Требуется пересмотра налоговая политика. Должна быть создана, как уже упоминалось ранее, система отбора инновационных проектов, в дальнейшем стартапов, а также система помощи при их создании.

Многие наиболее эффективные методы стимулирования инновационной деятельности в ЕС (образование и подготовка кадров, рамочные программы), США (ведение и финансирование бизнеса, создание условий для него) могут применяться и в России. Однако этот вопрос должен рассматриваться с большой осторожностью, поскольку нельзя забывать о большой разнице в уровнях экономического и социального развития между Россией и этими государствами, а также о разном правовом контексте. Но на настоящий момент ясно, что только при условии формирования целенаправленной и продуманной политики в области инновационной сферы, создания четко структурированной системы инновационной деятельности, изучения успешного опыта других стран в этой области, значительных инвестиций, в России действительно будет осуществляться формирование экономики инновационного типа.

В целом изучение и анализ опыта зарубежных стран позволяет применять его и адаптировать к реалиям своего государства. Россия не отстает от остального мира и также пытается создать собственную национальную инновационную систему. Разумеется, на этом пути встречаются достаточно серьезные препятствия: «неправильное» отношение к законодательству, полное его невыполнение или частичное выполнение с грубыми нарушениями условий и сроков; неэффективное распределение и использование различного рода ресурсов; уровень предоставляемого образования, не соответствующий общемировым стандартам; низкий уровень подготовленности инфраструктуры и многое другое. Однако, к счастью, в настоящее время у любой страны мира есть возможность в определенной степени изучить опыт других государств и адаптировать любые условия под себя, создавая новый уникальный опыт и пример для подражания другим странам.

Литература

1. Булава А. С. Опыт США в формировании инновационной экономики и развитии человеческого капитала [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 3. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=17289> (дата обращения: 10.05.2018).
2. Веретенникова О. Б., Шеина Е. Г. Сущность и классификация инноваций и инновационной деятельности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 5. С. 148–154.
3. Захарова Н. В. Формирование инновационной экономики и инновационных систем стран Европейского союза : автореф. ... дис. д-ра экон. наук. М. : РГТЭУ, 2010.
4. Захарова Н. В., Лабудин А. В. Формирование инновационных кластеров в Италии: Тосканский регион // Управленческое консультирование. 2015. № 1. С. 63–70.
5. Захарова Н. В., Лабудин А. В. Мировой рынок высоких технологий: некоторые особенности и перспективы // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 104–115.
6. Смирнов Е. Н. Феномен наднациональной инновационной системы Европейского Союза // Вестник Университета. 2013. № 9. С. 208–214.

7. *Sloane P.* How many types of innovation are there? [Electronic resource] // URL: <http://innovationexcellence.com/blog/2016/08/16/how-many-types-of-innovation-are-there/> (date of the address: 20.03.2018).

Об авторах:

Захарова Наталья Васильевна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Nat_zakh@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры финансового менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Labudin59@mail.ru

References

1. Bulava A. S. Experience of the USA in formation of innovative economy and development of the human capital [Electronic resource] // International student's scientific bulletin. 2017. N 3. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=17289> (date of the address: 10.05.2018). (In rus)
2. Veretennikova O. B., Sheyna E. G. Essence and classification of innovations and innovative activity // News of the Ural State University of Economics [Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2011. N 5. P. 148–154. (In rus)
3. Zakharova N. V. Formation of innovative economy and innovative systems of the countries of the European Union: Doctoral dissertation abstract. M. : RSTEU, 2010. (In rus)
4. Zakharova N. V., Labudin A. V. Formation of innovative clusters in Italy: Tuscany region // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 1. P. 63–70. (In rus)
5. Zakharova N. V., Labudin A. V. World market of high technologies: some features and prospects // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 4. P. 104–115. (In rus)
6. Smirnov E. N. Phenomenon of a supranational innovative system of the European Union // Bulletin of the University [Vestnik Universiteta]. 2013. N 9. P. 208–214. (In rus)
7. *Sloane P.* How many types of innovation are there? [Electronic resource] // URL: <http://innovationexcellence.com/blog/2016/08/16/how-many-types-of-innovation-are-there/> (date of the address: 20.03.2018).

About the authors:

Natalya V. Zakharova, Professor of the Chair of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Nat_zakh@mail.ru

Alexander V. Labudin, Professor of the Chair of Financial Management of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Labudin59@mail.ru

Перспективы развития экспортного потенциала высшего образования Российской Федерации

Кроливецкая С. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; krolivetskaya-sm@sziiu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье излагаются проблемы развития экспортного потенциала высшего образования и мировые тенденции в этой сфере. Раскрывается опыт (лучшие практики) промышленно развитых стран, а также Китайской Народной Республики по интернационализации высшего образования. Анализируются элементы модели высшего образования Российской Федерации в целях реализации национального проекта экспорта образовательных услуг. Представлен комплекс мер, способствующих интернационализации российского высшего образования.

Ключевые слова: экспортный потенциал системы образования; механизм регулирования; интернационализация образования; система высшего образования; стратегия развития высшего образования

Prospects of Development of Export Potential of Higher Education of the Russian Federation

Svetlana M. Krolivetskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; krolivetskaya-sm@sziiu.ranepa.ru

ABSTRACT

In the article are stated the problems of development of export potential of higher education and its global trends. The experience (best practices) of industrialized countries, as well as the People's Republic of China on the internationalization of higher education are reveals. The elements of the model of higher education of the Russian Federation for the purpose of the implementation of the national project of export of educational services are analyzed. A set of measures promoting internationalization of Russian higher education is presented.

Keywords: export potential of higher education; mechanism of regulatory; internationalization of education; system of higher education; strategy of development of higher education

Введение

Необходимость развития экспортного потенциала системы образования обусловлена общемировыми тенденциями, связанными с высокой доходностью услуг высшего образования (подготовки бакалавров, магистров, специалистов) и проблемами переориентации структуры экспорта национальной экономики.

Для Российской Федерации одним из приоритетных является проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (далее по тексту — Проект), утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам протоколом № 6 от 30 мая 2017 г.¹ В нем приводятся прогнозные оценки выполнения проекта (2025 г.).

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по

В Проекте предусмотрены серьезные институциональные изменения всей системы высшего образования, а также десятикратное увеличение доходов от экспорта образовательных услуг.

Следует отметить, что прошел уже год, но по объективным причинам процесс идет не так интенсивно, как это предусмотрено названным Проектом.

Причинами такого положения дел явились как небольшой собственный опыт интернационализации образования (до 1991 г. наша страна занимала третье место после США и Франции по числу обучавшихся иностранных студентов, но за последние десятилетия российские вузы потеряли преимущество советской высшей школы), так и отсутствие общей стратегии развития российской системы высшего образования, в которой одной из функциональных стратегий должна стать стратегия развития его экспортного потенциала.

Назревшими для решения актуальными проблемами в настоящее время являются: отсутствие единого механизма нормативно-правового регулирования развития экспортного потенциала; фрагментарность управленческих решений, имеющих существенное значение для реализации Проекта, ставящая под сомнение установленные сроки его осуществления.

Материалы и анализ лучших практик

Успешное выполнение Проекта, по мнению автора, требует не только проведения маркетинговых исследований [2], но и анализа лучших практик интернационализации образования стран-конкурентов в области экспорта образовательных услуг.

Понятие «интернационализация образования» является более широким, на наш взгляд, чем экспорт образовательных услуг, так как интернационализация образования направлена на интеграцию услуг по вовлечению иностранных студентов в образовательную, научную и воспитательную сферы деятельности высшего учебного заведения.

Целесообразно выделить некоторые особенности экспорта образовательных услуг в ведущих странах-экспортерах. Так, в США приток иностранных студентов начался в 1965 г. после изменения иммиграционного законодательства.

В вузах США обязательства по интернационализации все чаще закрепляются в миссии университета и стратегическом плане развития. Американский Совет по образованию предложил модель всесторонней интернационализации, включающей шесть компонентов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из [4]: разработки стратегического плана и создание комитета по интернационализации; осуществления административного управления руководством высшего учебного заведения и международным отделом; адаптации учебных программ и внеучебной деятельности к включению в процесс интернационализации образования; кадровой политики в отношении преподавательского состава, предусматривающей долгосрочные контракты и карьерное продвижение, а также внутривузовскую систему повышения квалификации; студенческой мобильности, ориентированной на политику перезачета образовательных кредитов; материальной помощи и финансирования; ознакомительных программ и программы непрерывной профессиональной подготовки; поэтапно развивающегося сотрудничества и партнерства, включающего стадии — стратегического планирования, рассмотрения возможных форматов сотрудничества; определения потенциальных партнеров; мониторинга управления функционированием модели интернационализации образования.

стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол № 6 от 30 мая 2017 г. Информационно-правовая система «Консультант плюс».

Интересен для изучения опыт Германии, в которой большая часть организаций высшего образования является государственными. При этом, образование фактически является бесплатным для собственных граждан. Германия на протяжении многих десятилетий вовлечена в процесс интернационализации университетов на условиях сотрудничества, но в последние десятилетия, по требованию Европейского союза параллельно применяют и конкурентные методы, участвуя в международных образовательных ярмарках, создавая представительства университетов за рубежом. В 2017 г. одна из федеральных земель страны ввела для иностранных студентов плату за обучение, хотя более 80% доходов перечисляется в федеральный бюджет.

Одновременное использование двух подходов привело к значительному росту числа иностранных студентов: со 158 тыс. чел. в 1997 г. до 358 тыс. чел. в 2017 г. Германия не занимает лидирующих позиций на рынке экспорта образовательных услуг по сравнению с Австралией, США, Великобританией, а теперь и Китаем, но имеет репутацию страны, в которой имеет смысл учиться [1] и успешно извлекает из этого пользу, привлекая к обучению талантливую молодежь.

На первом этапе реализации проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» германская модель, на наш взгляд, является наиболее предпочтительной, поскольку рассматривая и обобщая опыт ряда других европейских стран, следует отметить, что стоимость обучения в настоящее время претерпела серьезные изменения в сторону ее увеличения. Наблюдается также дифференциация стоимости обучения для студентов, имеющих гражданство страны, и иностранных граждан. В Дании и Швеции местные граждане и граждане стран еврозоны учатся бесплатно. Такая тенденция крайне негативно сказалась на интернационализации образования. Так, например, после проведенной реформы в Дании количество иностранных студентов сократилось на 20%, а в Швеции — на 80%.

При всей важности пополнения для России бюджета за счет экспорта российских образовательных услуг, делать плату слишком высокой и тем более дифференцировать ее для иностранных студентов, на наш взгляд, нецелесообразно. Главной целью российского образования должно стать создание репутации страны, дающей качественное образование по приемлемым ценам.

Рассматривая опыт Китайской Народной Республики в области услуг высшего образования, следует отметить, что Китай в настоящее время не только занимает третье место по экспорту образовательных услуг, уступая лишь США и Великобритании, но и является главным конкурентом для Российской Федерации. Особенно это сказывается в конкурентной борьбе за студентов из Центральной Азии. Китай использует рынок образовательных услуг как средство геополитического влияния и международной экспансии [5].

Следует в связи с этим учитывать схожесть образовательных систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики (КНР). При этом заметим, что в период 2014–2018 гг. существенно возрос интерес КНР к обучению студентов в российских вузах.

В настоящее время в КНР создано свыше 100 исследовательских университетов из 2880 высших учебных заведений страны, более десяти из них приближаются по уровню к университетам мирового класса. Наблюдается также самое большое число обучающихся студентов, как в стране, так и в лучших университетах мира [3].

Ведущие университеты Китая предлагают многие программы на английском языке. Создан Китайский стипендиальный совет — это некоммерческая организация при национальном Министерстве образования, которая выдает иностранцам стипендии на обучение в Китае. Этот совет также распределяет стипендии для китайских студентов, которые хотят учиться за границей [7].

При этом в последнее время растет количество иностранцев, обучающихся на программах, где языком обучения является китайский. Дополнительным стимулом для иностранцев получать образование в Китае является перспектива найти работу в глобальных китайских компаниях, с июля 2013 г. в Китае открылась также возможность стажироваться и подрабатывать во время учебы.

Обсуждение

Становление и развитие современной отечественной высшей школы непосредственно связано с необходимостью изыскания дополнительных источников финансирования науки и высшей школы. Государство, понимая сложившееся положение, при формировании своей экономической и финансовой политики целенаправленно ориентировано в период 2015–2018 гг. на:

- развитие научных исследований, НИОКР через создание технопарков, предоставление налоговых льгот;
- изменение принципов финансирования отраслей бюджетной сферы, осуществляя реформирование государственных и муниципальных учреждений;
- стимулирование высших учебных заведений, создавая и дополнительно финансируя национальные исследовательские университеты;
- повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, ориентируясь на среднюю оплату по регионам с целью ее удвоения в 2018 г. [3].

Построение новой национальной модели высшего образования Российской Федерации включило элементы американской модели. Формирование отечественной модели высшего образования началось с присоединения к Болонскому соглашению с целью расширения международного сотрудничества. В настоящее время Российская Федерация занимает 6-е место в мире по количеству обучающихся иностранных студентов, что составляет 4% всех иностранных студентов в мире, в то время как Советский Союз ранее занимал третье мировое место.

Следует отметить, что количество иностранных студентов, обучающихся в настоящее время в Российской Федерации, значительно меньше, чем в ведущих странах мира, и среди студентов преобладают представители Казахстана, Китая, Индии, а также многих стран постсоветского пространства.

Опыт стран, достигших успехов в сфере интернационализации образования, свидетельствует о том, что существуют модели экспортного потенциала систем образования [6] с ориентацией на:

- привлечение денежных средств;
- повышение политического и в дальнейшем экономического влияния на страны, с которыми достигнуты межправительственные соглашения в области обучения студентов;
- привлечение в страну талантливых молодых людей.

В рамках реализации приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», на наш взгляд, должна быть реализована смешанная модель, с преобладанием в условиях жесткой конкуренции собственной ниши на рынке образовательных услуг, где ее участниками могут выступать страны бывшего социалистического лагеря. При этом отечественные конкурентные преимущества проявляются в знании русского языка приезжающими в страну студентами. Это позволяет развивать имеющиеся двусторонние соглашения и закрепить политическое и экономическое влияние.

Развитие академической мобильности требует популяризации русского языка. Для этого необходимо создание центров изучения русского языка в странах, с которыми заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве в области подготовки квалифицированных специалистов. Предлагается создание Национальных

фондов русского языка аналогично институтам Конфуция, работающим во многих странах. Они также должны стать популяризаторами русской культуры и русского языка, которые заинтересуют и привлекут иностранных студентов и школьников в Российскую Федерацию.

Кроме того, должна быть разработана и принята к реализации функциональная стратегия развития экспортного потенциала в рамках общей (базовой) стратегии развития российской системы образования, что позволит на уровне высших учебных заведений не только активизировать деятельность международных отделов, но и закрепить интернационализацию образования в формулируемой миссии учреждения высшего образования, что позволит интегрировать деятельность по академической мобильности в общую стратегию вуза, наладить взаимодействие административных и академических подразделений по подготовке иностранных студентов.

В процессе реализации национального проекта по развитию экспортного потенциала информация о российском образовании представлена в десяти информационных блоках ведущих российских и зарубежных средств массовой информации.

Одновременное открытие учебных программ на английском языке значительно увеличивает проблему наличия и подготовки кадров высшей квалификации, способных к проведению занятий на иностранном языке, осуществлению кураторской деятельности, также существенно возрастает потребность в англоговорящих административных работниках. Данная проблема носит государственный характер, поскольку в общеобразовательной школе до сих пор применяются, на наш взгляд, несовременные методики преподавания, результатом является низкий уровень знания английского языка российскими школьниками и студентами.

Выводы

Развитие экспортного потенциала системы высшего образования в Российской Федерации в существенной мере зависит от следующих факторов:

- процесса интернационализации, основанного на положениях осуществляемого национального проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», главный акцент в котором необходимо сделать не на расширении международного партнерства, а на качестве предлагаемых к реализации программ, их конкурентоспособности и интенсивной подготовке научно-педагогических кадров;
- в вузах, находящихся в рамках Консорциума приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», целесообразно создание технологических платформ, на основе которых каждый российский вуз, начиная с 2020 г., включится в процесс интернационализации образования;
- реализации комплекса организационно-экономических мероприятий по подготовке не только административных работников, но и преподавателей, как языковой, так и к умению работать в интернациональной аудитории, адаптации программ к экспортированию;
- разработки программ комфортного вхождения студентов, приезжающих учиться в Россию, во внутривузовскую среду;
- вовлечения, активизации в образовательной среде региональных властей, получающих экономическую выгоду от притока иностранных студентов, разработки комплексных мероприятий содействия развитию экспортного потенциала для всех вузов территорий;
- использования современных методик расчета экономического и социального эффектов от проживания иностранных студентов в период обучения и возможного их трудоустройства в Российской Федерации.

Литература

1. Валерс М. Интернационализация университетов: путь Германии // Международное высшее образование. 2018. № 92. С. 14–16.
2. Клячко Т. Л., Краснова Г. А. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России // Экономика науки. 2015. Т. 1. № 2. С. 102–108.
3. Кроливецкая С. М. Сравнительный анализ развития отечественных и зарубежных моделей высшего образования // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6. № 2 (19). С. 42–47.
4. Кузьминых Ж. О., Пауэлл Г. М., Райчаудхури У. Оценка качества интернационализации в высшем образовании США // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 284.
5. Ли А. Инициатива «Один пояс, один путь» и Центральная Азия: новая тенденция в интернационализации высшего образования? // Международное высшее образование. 2018. № 92. С. 20–22.
6. Нefeldова А. И. Модель экспорта российского высшего образования // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 12. С. 136–148.
7. Прабхакар Дж. Лавакаре. Индия и Китай: два основных центра высшего образования в Азии // Международное высшее образование. 2018. № 94. С. 16–18.

Об авторе:

Кроливецкая Светлана Мироновна, заведующий кафедрой экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; krolivetskaya-sm@sziu.ranepa.ru

References

1. Valers M. Internationalization of universities: the way of Germany // International higher education [Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie]. 2018. N 92. P. 14–16. (In rus)
2. Klyachko T. L., Krasnova G. A. Export of higher education: state and prospects in the world and Russia // Economics of science [Ekonomika nauki]. 2015. Vol. 1. N 2. P. 102–108. (In rus)
3. Krolivetskaya S. M. Comparative analysis of the development of domestic and foreign models of higher education // Scientific works of the North-West Institute of management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2015. Vol. 6. N 2 (19). P. 42–47. (In rus)
4. Kuzminykh Zh. O., Powell G. M., Raichaudhuri U. Evaluation of internationalization quality in higher education of the USA // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2016. N 5. P. 284. (In rus)
5. Lee I. Initiative “One belt, one way” and Central Asia: a new trend in the internationalization of higher education? // International higher education [Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie]. 2018. N 92. P. 20–22. (In rus)
6. Nefedova A. I. Model of export of Russian higher education // ECO. All-Russian economic journal [EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal]. 2017. N 12. P. 136–148. (In rus)
7. Prabhakar J. Lavacare. India and China: two main centers of higher education in Asia // International higher education [Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie]. 2018. N 94. P. 16–18. (In rus)

About the author:

Svetlana M. Krolivetskaya, Head of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; krolivetskaya-sm@sziu.ranepa.ru

Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования

Гагарина Г. Ю.¹, Мирошников С. Н.^{2, *}

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *miroshnikov-sn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации. Показано, что среди проблемных и ключевых вопросов находится применение системы стратегического планирования. Выделены недостатки действующего законодательства в данной сфере деятельности. В качестве нового подхода анализируются три основных этапа в организации управления социально-экономическим развитием регионов, рассматриваются существующие риски и ограничения. Показано, что устойчивое развитие является следствием применения не отдельных инструментов, а комплексных системных подходов на основе стратегического планирования.

Ключевые слова: государственное управление, стратегическое планирование, система стратегического планирования, системный подход, инструменты регионального развития, инвестиционная привлекательность, эффективность управления, региональная политика, управление развитием

Some Issues of Management of Social and Economic Development of Territorial Subjects of the Russian Federation Based on the System of Strategic Planning

Galina Yu. Gagarina^a, Sergey N. Miroshnikov^{b, *}

^aPlekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *miroshnikov-sn@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article questions of management of social and economic development of territorial subjects of the Russian Federation are considered. It is shown that among problematic and key issues application of a system of strategic planning is found. Shortcomings of the current legislation of this field of activity are allocated. As new approach three main stages in the organization of management of social and economic development of regions are analyzed, the existing risks and restrictions are considered. It is shown that sustainable development is a consequence of use not of separate tools, but integrated system approaches based on strategic planning.

Keywords: public administration, strategic planning, system of strategic planning, system approach, instruments of regional development, investment attractiveness, management efficiency, regional policy, management of development

В течение последних десятилетий в России происходили сложные экономические процессы, которые привели к значительным пространственным изменениям в распределении производственных мощностей, схемы расселения населения, распределения между территориями социально-экономического потенциала. Практически все исследователи отмечают, что изучение территориальных проблем и практических ситуаций является крайне сложным предметом экономической науки. Одновременно,

территориальная часть государственного управления признается наиболее слабо разработанной и требующей постоянного совершенствования. Необходима развитая и проработанная методология применения подходов и инструментов развития, обеспечивающая не только и не столько достижения отдельных целей и результатов, сколько позволяющие территории выйти на траекторию устойчивого развития. Реализация такого подхода не может не быть многофакторной деятельностью, учитывающей как экономические, так и социальные, образовательные, кадровые аспекты, должна строиться на основе планирования и стратегирования.

Современный период развития научных представлений о роли и месте государственного управления территориальным развитием базируется на сочетании двух подходов: с одной стороны — необходимости обеспечения устойчивого развития страны в условиях обострившихся противоречий и конкуренции между ведущими мировыми державами, что требует централизации управления и концентрации имеющихся ресурсов, применения более жестких форм и методов государственного регулирования экономики, с другой стороны — заинтересованности в диверсификации и децентрализации развития, акцента на полицентрическую пространственную организацию территорий при стимулировании самостоятельной деятельности региональных и местных органов управления [2].

Обеспечение социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий как ключевое направление государственного управления включает в себя выбор направлений и подходов перестройки экономики, содействие ее инноватизации, обеспечение пространственного развития через реализацию государственных программ и национальных проектов, развитие и модернизацию инфраструктуры, совершенствование кредитно-денежной и фискальной политики. Все это требует эффективного выбора целей и результатов, инструментов их достижения с целью не только достижения выбранных целей, но и обеспечения возможностей дальнейшего роста [3].

При рассмотрении территориального развития социально-экономическая система определяется, как правило, как «регион» — целостная территориальная структура со своей историей, структурой, формой управления, сложившейся экономикой, схемой расселения жителей и другими особенностями.

Понятие «регион» всегда имеет территориальную привязку. В «Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13, однозначно определено, что «регион — часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации».

При этом следует особо отметить, что с точки зрения системного управления, в ряде случаев понятие региона как социально-экономической системы может быть шире и уже данного определения субъекта Российской Федерации.

Однако в целях формулирования государственной политики, выработки направлений, целей и задач государственного управления развитием территорий необходимо рассматривать регион как субъект управленческого воздействия, что означает однозначное совпадение региона и субъекта Российской Федерации. Данное понимание используется в настоящей работе, в которой понятия регион и субъект Российской Федерации употребляются как тождественные.

Социально-экономическое развитие территорий Российской Федерации, ее регионов и муниципальных образований не может осуществляться без плановой основы, без программ, разрабатываемых на основе региональных и муниципальных стратегий, определяющих направления движения и применяемые инструменты, способы реализации планов и механизмы достижения ключевых целей.

Теоретические построения и практические исследования строятся, как правило, на анализе различных региональных и территориальных проблем, особенностей

и ситуаций на базе классических и новейших технологий, системных подходов, использования теории самоорганизующихся систем, структурно-целевой модели, основных экономических теорий, концепции устойчивого развития.

Следует отметить, что планирование действий, понимаемое как альтернатива непосредственному реагированию на сложившиеся ситуации, как попытка обеспечить упреждающее реагирование на внутренние и внешние факторы, характерно для органов власти и управления уже более 5 тысячелетий. Уже в период возникновения первых цивилизаций и крупных государств планирование и реализация различных проектов, строительство и укрепление городов, оборонительных сооружений, населенных пунктов, дорог, ирригационных систем, поиск ресурсов для осуществления данных действий являлось одной из важнейших государственных функций. Опыт истории однозначно указывает на преимущества и лидирующие позиции тех стран, которые активно внедряли методы государственного планирования, определения долгосрочных целей и направлений развития.

В конце XIX — начале XX в. такое участие государства в социально-экономическом развитии территорий приобрело системный характер. При этом характер планирования изменялся одновременно с изменением понимания роли и форм деятельности государства.

Научное обсуждение вопросов государственного управления, которое исторически воспринимается как форма осуществления государственной власти, продолжается практически во все время существования государств. Еще Конфуций в своих работах в VI–V вв. до н. э. предлагал пути и возможности идеального управления государством, а Платон в своих «Диалогах» пытался сформулировать основы идеального государства с эффективной системой управления.

Качественное изменение форм, методов и инструментов государственного управления требует изучения, осмысления и использования лучших практик управления, наработанных как в бизнес-среде, так и в различных органах государственного управления. Только применение лучших инструментов развития территорий даст возможность конкурировать с наиболее развитыми странами, обеспечит опережающие темпы развития, позволит привлечь инвестиции и реализовать стратегические программы.

Теоретические основы модели управления, которая применялась практически на протяжении всего XX в., были заложены М. Вебером и В. Вильсоном еще в конце XIX в. Такая модель носит название «управление по вертикали», «рациональная бюрократия», или «веберианская» и широко применялась как в частном, так и общественном секторах управления. Основными ее характеристиками являются:

- иерархическое подчинение по вертикали;
- жесткое распределение функций между подразделениями (органами) одного уровня (по горизонтали);
- развитое правовое регулирование и абсолютная дисциплина;
- создание корпуса профессиональных управленцев.

Данная модель управления направлена на обязательное выполнение принятых наверху пирамиды планов и указаний при полном и своевременном освоении выделенных ресурсов. Основным методом является процессная деятельность, которая характеризуется отсутствием ответственности за достижение или недостижение результатов, которые должны были появиться после завершения всех процессов как следствие освоенных финансовых, материальных и иных ресурсов.

Соответствующей модели централизации и вертикализации системы государственного управления была и модель государственного планирования. Все планы разрабатывались органами или представителями власти, их обсуждение было минимальным, а выполнение — обязательным. Такую систему можно назвать директивным планированием. Его характеристиками является слабая проработанность, отсутствие ис-

пользования сложных и научных подходов, сильная зависимость от личности, позиции и взглядов высшего руководителя или руководства.

Неэффективность модели вертикального управления для решения задач регионального развития в современных условиях, связанная с недостижением целей и/или завышенными расходами на их достижение, сделала необходимым разработку применения иных способов и моделей управления и планирования.

Лидером этих процессов в первые десятилетия XX в. стала Россия. Разработанная и реализованная в начале века программа массового переселения в Сибирь миллионов крестьянских семей, создание единой транспортной сети речных маршрутов в европейской части России в 1912 г., разработка и реализация в течение 15 лет Плана ГОЭЛРО, изменившего экономику страны. Разработка, принятие и реализация пятилетних планов развития народного хозяйства, программа индустриализации позволили на плановой основе ликвидировать разрушительные последствия революции и гражданской войны, обеспечить перевод экономики на новую технологическую основу, находящуюся на высоком для того времени уровне.

После Великой Отечественной войны убедительными примерами возможностей и способностей российской системы планирования стали не только пятилетние (семилетние) планы народнохозяйственного развития страны, но и программы освоения космоса, создания ядерного щита и атомного машиностроения.

Национальное программирование стало ведущим инструментом планирования во многих странах. Примерами являются Новый курс президента США Рузвельта, послевоенный План Маршалла, программы восстановления и развития в странах Западной Европы (50–60-е годы), а в более позднее время — в странах Юго-Восточной Азии. Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие прогрессивных подходов в планировании, преобладающей в системах государственного управления оставалась веберианская модель.

Обеспечение социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий как ключевое направление государственного управления включает в себя выбор направлений и подходов перестройки экономики, содействие ее инноватизации, обеспечение пространственного развития через реализацию государственных программ и национальных проектов, развитие и модернизацию инфраструктуры, совершенствование кредитно-денежной и фискальной политики. Все это требует эффективного выбора целей и результатов, инструментов их достижения.

С начала 60-х годов прошлого века в бизнес-среде, а затем и в государственном управлении стала активно применяться модель, направленная на достижение конкретных результатов, которые должны были стать следствием произведенных расходов. Ее главная особенность — жесткий контроль соответствия выделенных ресурсов и поставленных целей, расширение связей между различными органами (подразделениями) и программных и проектных инструментов организации деятельности. В различных странах использовались разные названия для такой модели: программно-целевой метод, проектно-целевой подход, бюджетирование, ориентированное на результат (БОР). При внедрении в государственном управлении, в англосаксонских странах, Скандинавии и в странах Юго-Восточной Азии метод получил весьма распространенное в литературе название New Public Management (NPM).

Используемые инструменты планирования, в особенности государственного планирования, стали, при основной опоре на метод программирования, использовать научные подходы, ориентацию на мнения бизнес-структур и общественное мнение. Во многих странах планирование было отнесено к сфере нормативного регулирования, принимались законы о планировании и значительное число иных нормативных актов, была создана и развита система государственных органов, отвечающих за различные формы планирования и прогнозирования.

Основным подходом стало долгосрочное (от пяти лет) планирование с исполь-

зованием программно-целевой модели, ориентированной на разработку и принятие не одного, а совокупности комплексных решений, направленных для постановки целей и задач на разных уровнях и в разных сферах государственного управления.

Несмотря на новизну применяемых инструментов модель дала как положительные, так и отрицательные результаты. Акцент на результатах в ряде случаев позволил повысить эффективность управления, однако в большей степени это было характерно в бизнес-структурах, ориентированных на получение прибыли, часть которой расходовалась на стимулирование управленцев и всех участников проекта или программы.

В органах государственного управления, как в развитых, так и в развивающихся странах, а также и в Российской Федерации, практиковавшей метод БОР в работе федеральных органов исполнительной власти в 2000-х годах, общая оценка применения NPM была нейтральной, или даже негативной. Сохранение процессных методов работы, дополнительная нагрузка на исполнителей, их слабая заинтересованность привели к появлению в программах избыточно большого числа показателей, которые трудно контролировать. Недостижение конечных целей при выполнении промежуточных этапов оказалось главным недостатком указанного подхода к управлению.

Также можно выделить и иные недостатки данного подхода в планировании и государственном управлении. Среди них слабая согласованность различных программ, недостатки целеполагания и определения приоритетов, отсутствие системных механизмов выбора территорий реализации и формирования перечней объектов и строек программы, недостатки финансирования в рамках бюджетного процесса.

Поэтому начиная с 80-х годов прошлого века начали развиваться представления о государстве как ключевом игроке в сфере создания, развития и осуществления задач развития, социально-экономических решений, востребованных обществом, но недостижимых в рамках рыночной экономики и открытой конкуренции. Государство в такой модели формирует системы ценностей, нормативные установки общества в постоянном контакте, диалоге и взаимодействии с представителями бизнеса, некоммерческих организаций и гражданского общества. При этом важное значение имеет новый подход к планированию, генерирование видения будущего, с учетом ресурсов, потребностей, стратегических целей, общественных приоритетов и научных взглядов на пути и способы решения поставленных задач и используемых инструментов.

Данный метод получил название стратегического планирования и очень широкое распространение. Характерной его особенностью является открытость процесса планирования, широкое использование общественного мнения и интересов бизнес-структур, привлечение экспертного и научного сообщества к разработке стратегий, проектов и программ.

В зависимости от страны и приоритетов исследователей, форм государственного управления в различных работах данная модель получила название «клиент-ориентированное государство», «сервисное государство», «эффективное государство» и «государство развития». Последнее название стало наиболее часто употребляемым.

Основы данного подхода были первоначально заложены в азиатских странах — Японии, Индонезии, Сингапуре и других. Используемая модель предполагала сильную роль государства в обеспечении социально-экономического развития с использованием активного вмешательства в производственную деятельность и процессы сбыта и обмена товарами и услугами, реализацию политики индустриального протекционизма, стимулирования новых видов и отраслей промышленности, инновационной деятельности, создания благоприятных условий для предпринимательства, инноваций и инвестиций, акцент на техническое перевооружение

и развитие компетенций.

В целях развития инновационной деятельности государство развития может ограничивать до определенной степени конкуренцию, стимулируя производство в выбранной сфере, создание кластеров и технологических цепочек, снижать административные барьеры, гарантируя государственную поддержку.

Следует учитывать, что «государство развития» предполагает реформирование государственного управления и изменение его содержания. Формирование и развитие постоянного взаимодействия и сотрудничества государства с бизнесом, некоммерческими организациями и гражданами требуют нового качества работы чиновников в рамках новых полномочий и правил деятельности. Эффективность применения азиатской модели основывается на возможности противопоставлять национальные интересы устремлениям частных бизнес-групп, а также использовать меры содействия и поощрения вместо запретов и ограничений.

Для этого государство должно сформулировать и определить основные направления развития, выбрать стратегические цели, разработать ключевые программы, планы и задачи, выбрать для их реализации и решения подходящие инструменты и подходы, мобилизовать ресурсы, добиться поддержки бизнес-сообщества и граждан, привлечь научное и экспертное сообщество, обеспечить развитие кадрового потенциала. Фактически, государству, политической власти в целях развития необходимо взять на себя функции менеджера всех основных стратегий и проектов, обеспечить необходимое администрирование и привлечение ресурсов, постоянно сотрудничая с общественными структурами.

Соответствующая европейская модель начала формироваться значительно позже, что обусловлено трудностью переноса азиатских традиций и менталитета в иную управленческую среду. Следует подчеркнуть, что использование модели государства развития — определяющего субъекта управления социально-экономическими процессами, регулирующим нормативные рамки развития, базирующимся на демократической основе, взаимодействующего с общественными и бизнес-структурами, стремящимся избежать крайностей национальных и политических конфликтов — является весьма привлекательным как для России, так и других постсоциалистических стран.

В конце XX — начале XXI вв. в условиях технологического прогресса, цифровых технологий и ускорения развития отдельных территорий на базе NPM и модели государства развития начала формироваться модель управления, именуемая в зарубежной литературе «New Governance» (NG) — «новое управление», «новая власть» (табл.).

Ее основой стали ориентация на потребителя услуг и сетевые услуги, развиваемые с учетом общественного спроса. При этом важное значение уделяется максимальному учету мнения потребителей товаров и услуг, а также привлечению к сотрудничеству широкого круга участников. В бизнес-сфере — это развитие кооперации, в государственном управлении — сотрудничество с частными компаниями на основе государственно-частного партнерства, некоммерческими и общественными организациями. Причем чрезвычайно важно наличие такого сотрудничества не только для реализации принятых решений, достижения уже объявленных целей, но и при формировании стратегий, программ и проектов.

Легко заметить минимальное отличие модели нового управления от модели государства развития, которое состоит лишь в применении новых технологий и цифровых решений, обеспечивающих более широкий учет общественных требований и ускорение принятия решений. Следует подчеркнуть, что именно такой подход является парадигмой развития технологичных, цифровых форм управления, особенно в государственной сфере, что позволяет обеспечивать быстрое и беспрепятственное движение вперед при сохранении преимуществ двух ранее при-

Сравнение моделей управления
Table. Comparison of management models

Принципы Модель	Классическая (веберовская)	Проектно- целевая (NPM)	Государство развития	Новое управление (NG)
Принцип организации взаимодействий	Иерархия → Приказы, поручения	Рынок → Договор, обмен	Сеть → Партнерство, согласование	Партнерство → Взаимодействие
Степень зависимости участников	Жесткая зависимость	Независимость	Взаимозависимость	Взаимозависимость
Фокусировка модели	На процедуры	На эффективность и результативность	На участие и партнерство	На сетевое сотрудничество
Характеристики	Отлаженные процессы, лояльные компетентные кадры	Дерегуляция, создание нового, трансформация, экспертиза	Обратная связь, учет мнений заинтересованных лиц (стейкхолдеров) при постановке целей	Постоянная связь, учет мнений
Планирование	Вертикальное, директивное	Целевое, ориентированное на результат	Стратегическое Программное	Стратегическое Согласованное по направлениям

Таблица составлена авторами.

менявшихся моделей управления и минимизации их негативных сторон.

Таким образом, исследования, направленные на выработку современной методологии государственного управления с позиции совершенствования подходов к управлению, регламентации его этапов, выбору методического и инструментального обеспечения, являются актуальным и приоритетным научным направлением, актуальной задачей, решение которой будет способствовать росту национальной и региональной экономики, ее конкурентоспособности, обеспечивать повышение качества жизни российских граждан.

В Российской Федерации стратегическое планирование в настоящее время строится на основе Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — 172-ФЗ).

По мнению большинства представителей экспертного и научного сообщества, принятие 172-ФЗ стало большим шагом в направлении регламентации и нормирования всей деятельности в сфере стратегического планирования, даны основные определения, сформулированы основные полномочия — права и обязанности — основных участников.

В соответствии с законом «стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Феде-

рации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации».

Если не останавливаться на достоинствах, то следует отметить, что недостатки закона и его реализации за прошедшие с даты принятия 4 года также значительны.

Текст закона отличается повторами и неполнотой определений встречающихся терминов и понятий. Остается открытым вопрос — чем стратегическое планирование отличается от «нестратегического».

В первом, основном, процитированном выше определении встречаются понятия «социально-экономическое развитие» и «устойчивое социально-экономическое развитие». При этом не определяется, что это такое и чем различаются данные понятия.

Практически все содержание закона направлено на определение перечня, регламентацию содержания, порядок разработки и принятия документов стратегического планирования. Практическая деятельность — единственно возможный инструмент достижения «цели социально-экономического развития» — упоминается лишь в двух пунктах: определении понятия «система стратегического планирования — механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработки **и реализации** документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения», а также, как задача № 5 (из 10) стратегического планирования — «**формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития** Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Можно вести дискуссию о подходах к решению задачи № 1 стратегического планирования (п. 1 ст. 8 Закона) «координация государственного и муниципального стратегического управления, и мер бюджетной политики», однако большое число исследователей и практиков склоняются к мнению, что данная задача не будет решена, поскольку приоритет бюджетного законодательства и бюджетных правил Минфина России сохранится на долгое время, и, следовательно, стратегическое целеполагание все время будет подменяться постановкой локальных задач.

Отчасти этим можно объяснить невыполнение требований закона «до 1 января 2018 г. разработать стратегию социально-экономического развития Российской Федерации» и иных положений ст. 47 Закона.

Поэтому можно сделать вывод — система стратегического планирования, о необходимости которой говорит 172-ФЗ, не сложилась за 4 года после принятия данного закона.

Но, как справедливо отмечал римский философ-стоик Луций Анней Сенека, «для корабля, который не знает, куда он плывет, никакой ветер не может быть попутным». Если на федеральном уровне можно ориентироваться на Указы Президента России и основные направления деятельности Правительства Российской Федерации, то регионам, основные параметры социально-экономического развития которых кардинально различаются, невозможно говорить о развитии без использования системы стратегического планирования.

Поэтому для регионов применение системы стратегического планирования яв-

ляется жизненно необходимым и крайне актуальным в современных условиях. Социально-экономическое развитие российских регионов и муниципальных образований должно осуществляться на основе стратегий, планов и программ, которые послужат базой текущих и среднесрочных программ экономической политики, а также предопределяют будущее развитие территории. На основе стратегии для каждого отдельного сектора экономики должны быть определены приоритеты развития, механизмы достижения целей, объемы необходимых ресурсов и потребность в привлечении инвестиций [1].

В настоящее время практически все регионы имеют утвержденные стратегии и иные документы стратегического планирования, которые, в соответствии с п. 4 ст. 47 172-ФЗ, «считаются действительными до окончания установленного в них срока», однако качество их крайне низкое.

В последнее время в достаточно многочисленных публикациях проводится анализ практических проблем управления развитием, подготовки различных стратегий, программ и планов, а также результатов их осуществления. При этом можно отметить как многообразие демонстрируемых подходов, так и противоречивость трактовки применяемых терминов, а также и неопределенность достигаемых результатов.

Наиболее часто встречающимся подходом является планирование развития как процесса некоторого роста, увеличения целевых показателей, приращения объема товаров и услуг. Такое сведение развития к росту количественных показателей оставляет вне поля внимания внутренние изменения региональной социально-экономической системы, на которую направлены управленческие воздействия, а также качественные изменения, происходящие как в системе в целом, так и в ее отдельных частях.

Так во многих субъектах федерации, муниципальных образованиях стратегии и программы социально-экономического развития представляют, как правило, из себя набор мероприятий, направленных на стимулирование роста показателей различных отраслей экономики, а также социальной сферы. При подготовке документов не анализируется взаимовлияние отдельных направлений деятельности, не учитывается поведение отдельных частей социально-экономической системы данной территории, возможности создания условий для саморазвития и предпосылок для дальнейшего устойчивого развития. В результате этого многие усилия органов власти и управления остаются малоэффективными, а достигнутые результаты не соответствуют вложенным силам и средствам [4].

Необходимо подчеркнуть, что, рассматривая регионы как саморазвивающиеся социально-экономические системы, следует учитывать не только применяемые меры воздействия, но и поведение системы, реагирующей на данный управленческий посыл.

Такой подход позволяет по-новому определить возможности, формы, инструменты и подходы в государственном и муниципальном управлении социальном, технологическом, инфраструктурном и человеческом развитии — обязательных элементах и составных частях того, что мы называем региональным социально-экономическим развитием [5].

Несмотря на теоретическую проработанность указанного рассмотрения, направленного на трактовку развития как процесса и результата совокупных воздействий, а не некоторого перечня управленческих усилий, имеющих целью достижение установленных результатов, в реальной управленческой деятельности эти воззрения часто оказываются смешанными.

В результате достижение показателей превращается в самоцель, происходит подмена улучшения качества и позитивного развития отчетностью о достигнутых целях и результатах.

Как пример этого в ряде регионов (Республика Алтай, Карачаево-Черкесская, Хакасия, Еврейская АО, Кировская и Курганская области) можно привести создание условий для развития инноваций и стимулирование их разработки без обеспечения возможностей

для последующего их внедрения. В этом случае управленческие усилия, зафиксированные в отчетах, включая значительные затраты бюджетных средств, не приводили к реальному повышению социально-экономического развития территории, давая основания для социального недовольства, порождая конфликт интересов, демотивацию разработчиков и участников процесса, и, даже, определенную дискредитацию власти.

Отметим, что управление какой-либо системой или объектом подразумевает выбор необходимых и подходящих инструментов и подходов. При этом и объект управления, и достигаемый результат в свою очередь должны рассматриваться и использоваться как инструменты дальнейшего развития, как способ повышения эффективности деятельности, превращения изменений в целенаправленное достижение нового качества социально-экономического состояния региона.

Важнейшей характеристикой, признаком развития является его необратимость. Новое качество можно разрушить, новое состояние ликвидировать, но разрушение не есть обращение развития, это иной процесс изменений — процесс регресса, деградации или распада.

Поскольку необратимость, наличие внутренних качественных изменений, внутренняя динамика изменений системы характеризуют ее развитие, то отсюда следуют два важных вывода.

Прежде всего следует отметить, что не всякая система может развиваться, стать объектом управления развитием. Внутренних и внешних ресурсов возможностей должно быть достаточно не только для восприятия управляющих воздействий, не только для изменений в заданном направлении, но и для формирования саморазвития, поддержания качественного роста и нового качественного состояния, инициированных управленческими импульсами.

Во-вторых, рассматривая развитие как качественные изменения системы и ее составных частей, необходимо отметить существование точки, когда определенные, ранее существовавшие качества и функции оказались утраченными, прекратили свое функционирование и/или реализацию, а новые еще не сформировались окончательно в степени, достаточной для удовлетворения потребительского спроса и/или выполнения полномочий.

Если такая точка достигается для всей системы и/или значительного числа ее важнейших частей, то это грозит потерей управляемости на определенный период времени, что является значительным риском для органов управления, в особенности — органов государственного управления, если рассматривать в качестве объекта управления социально-экономическую систему субъекта федерации.

Для достижения относительно простых целей достаточно непосредственного воздействия, применения простых инструментов управления. Если же результатом является не увеличение показателя, а качественное изменение системы или ее значимых частей, то необходимо использование более сложного, системного подхода и постепенного влияния на систему и/или ее элементы с оценкой на каждом шаге происходящих изменений и достигнутых результатов.

Использование указанного подхода в управлении, в особенности в государственном управлении региональным развитием, означает необходимость выделения трех этапов в организации рассмотренного типа стратегического управленческого воздействия:

- 1) выявление, в том числе на основании наилучших практик и опыта, и устранение элементов, препятствующих реализации механизмов регионального развития, включая элементы управления развитием в сфере государственных структур;
- 2) применение специальных инструментов воздействия на отдельные элементы рассматриваемой системы с целью достижения первичных результатов, которые могут иметь собственную ценность, но и обязаны послужить катализаторами дальнейших изменений;

3) выбор, разработка и внедрение системных подходов, воздействующих на крупные части системы и на всю нее в целом.

Реализацию данных этапов деятельности на региональном уровне, включая разработку стратегий, концепций и комплексных программ развития, а также иных стратегических документов на первоначальном этапе следует считать внедрением системы стратегического планирования.

С точки зрения такого рассмотрения деятельность органов государственного управления по повышению привлекательности территории для инвестиций, ее инвестиционной привлекательности соответствует первому этапу управления социально-экономическим развитием. При этом к основным мероприятиям, приводящим к достижению поставленных результатов, следует отнести внедрение в регионах стратегий и целевых моделей деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата; обеспечение качества и доступности инженерной инфраструктуры как одного из важнейших, определяющих факторов для начала реализации большинства инвестиционных проектов; реализацию кластерного подхода и повышение качества человеческого капитала.

Ко второму этапу следует отнести активизацию использования специальных инструментов: взаимодействия власти и бизнеса, направленного на реализацию инвестиционных проектов в интересах развития территории, включая применение государственно-частного партнерства, концессионных соглашений, специальных инвестиционных контрактов, а также проектного подхода как нового инструмента реализации проектов и программ повышения эффективности государственного управления.

Использование системных подходов, развитие сложившихся и перспективных тенденций повышения качества жизни, совершенствование государственного управления и его кадрового обеспечения следует рассматривать как элементы третьего этапа стратегического управления.

Следует подчеркнуть, что требование системности к управлению является ключевым. Поэтому стратегический анализ региона как объекта управления должен включать в себя анализ управления как системы, системное рассмотрение внешней среды (возможности и угрозы), системные подходы к реформированию и развитию самого процесса государственного управления, развитие компетенций управляющей команды.

Рассматривая регион как комплексную социально-экономическую систему, следует выделить пространственное развитие и ориентацию на результат с применением проектного подхода как ключевые направления государственного управления в современных условиях. Не менее важным является развитие кадрового обеспечения государственного управления с использованием системы дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих.

В заключение следует отметить, что первый этап описанного стратегического подхода не является самоценным, приводящим к достижению ощутимых результатов повышения качества жизни и объемов производства, однако он обязателен для начала реализации второго и третьего этапов. Использование специальных инструментов развития (государственно-частное партнерство, концессионные соглашения, специальный инвестиционный контракт и т. п.) есть решение относительно простых задач, в которых важен конкретный результат и сроки его достижения. Это позволяет, при правильном и эффективном применении данных инструментов, достичь поставленную цель в установленные сроки. В ряде случаев именно это необходимо для достижения быстрых результатов, однако не всегда вызывает положительный социальный эффект.

Реализация же системных подходов — третий этап стратегического подхода — является важнейшим с точки зрения рассмотрения региона как саморазвивающейся-

ся системы, способом достижения нового качества жизни, более высокого социально-экономического уровня территории и необходимой эффективности государственного управления.

Литература

1. Архипова Л. С., Гагарина Г. Ю., Чайникова Л. Н. Стратегическое развитие российских регионов / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». М., 2016.
2. Валентей С. Д. Экономические, бюджетно-финансовые и налоговые основы федерализма // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 30 (629). С. 27–44.
3. Гагарина Г. Ю., Рыжакова А. В. Формирование государственной региональной политики в условиях возникновения экономики инновационного типа // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : Материалы XIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 48–49.
4. Мирошников С. Н. Государственное управление территориями — управление развитием: особенности, этапы, риски // Экономика и управление. 2018. № 5 (143). С. 47–53.
5. Мирошников С. Н. Сущность и содержание понятий «государственное управление» и «управление развитием» в современных условиях // Перспективы науки. 2018. № 9 (108). С. 40–45.

Об авторах:

Гагарина Галина Юрьевна, заведующий кафедрой национальной и региональной экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; galina_gagarina@mail.ru

Мирошников Сергей Николаевич, заместитель директора экспертно-аналитического Центра региональных исследований Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат физико-математических наук, доцент; miroshnikov-sn@ranepa.ru

References

1. Arkhipova L. S., Gagarina G. Yu., Chaynikova L. N. Strategic development of Russian regions / Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, 2016. (In rus)
2. Valenty S. D. Economic, budgetary, financial and tax bases of federalism // Analytical bulletin of the Federation Council of Federal Assembly Russian Federation [Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF]. 2016. N 30 (629). P. 27–44. (In rus)
3. Gagarina G. Yu., Ryzhakova A. V. Formation of the state regional policy in the conditions of emergence of economy of innovative type // State regulation of economy and increase in efficiency of activity of subjects of managing: Materials of the XIII International scientific and practical conference. 2017. P. 48–49. (In rus)
4. Miroshnikov S. N. Public administration of territories — management of development: features, stages, risks // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2018. N 5 (143). P. 47–53. (In rus)
5. Miroshnikov S. N. Essence and maintenance of the concepts “public administration” and “management of development” in modern conditions // Prospects of science [Perspektivy nauki]. 2018. N 9 (108). P. 40–45. (In rus)

About the authors:

Galina Yu. Gagarina, Head of the Chair of National and Regional Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; galina_gagarina@mail.ru

Sergey N. Miroshnikov, Deputy Director of the Expert-Analytical Center for Regional Studies of Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; miroshnikov-sn@ranepa.ru

Особенности формирования стратегии прямых иностранных инвестиций Японии в XXI веке

Попова Л. В., Субботина К. В.*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
*xeniasub@gmail.com

РЕФЕРАТ

Целью статьи является проведение оценки особенностей факторов, влияющих на изменение стратегии зарубежного инвестирования японских компаний в период 2000–2017 гг. Начало XXI в. ознаменовалось пересмотром внешнеэкономической политики Японии, которая была адаптирована к условиям глобализации и международной конкуренции. Японские компании стали активно осваивать новые рынки и укреплять экономическое присутствие в традиционных странах-партнерах. В начале 2000-х годов увеличился объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в связи с ростом зарубежного спроса и благоприятными экономическими условиями в мире. Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. прервал эту тенденцию, однако в последующие годы Япония сумела выйти на прежний уровень зарубежного инвестирования. После аварии на Фукусима-1 в 2011 г. проводится политика активной диверсификации поставщиков энергоресурсов. Основными реципиентами японских инвестиций выступают США, Китай и страны АСЕАН. В последние годы в рамках новой внешнеэкономической стратегии Японии, призванной вывести страну из стагнации, ПИИ приобретают более диверсифицированный характер. Происходит переключение потоков прямых инвестиций с китайского рынка на страны Южной Азии, Европы, Латинской Америки, страны СНГ и АСЕАН, прежде всего во Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму.

Россия выступает одним из стратегических поставщиков энергоресурсов для Японии и важным потребительским рынком. Помимо энергетического сектора растут инвестиции Японии в российские сферы финансов, ритейла, автопромышленности и фармацевтики. Особо привлекательным российским регионом для Японии является Дальний Восток в силу своей территориальной близости, разнообразия природных, в том числе биоресурсов. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация и введение санкций осложнили российско-японское взаимодействие и негативно отразились на инвестиционной активности японского бизнеса в России.

Ключевые слова: Япония, ПИИ, Россия, внешнеэкономическая стратегия, энергетика, Абэномика, диверсификация, развивающиеся страны, Фукусима-1, товарная структура, торговые партнеры, стагнация, АСЕАН, Китай, Индия, инвестиционные проекты

Japanese Diversification Strategy in the Early 21st Century

Liudmila V. Popova, Ksenia V. Subbotina*

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; xeniasub@gmail.com

ABSTRACT

The aim of this article is to highlight the main changes in the Japanese FDI strategy in 2000–2016. The beginning of the 21st century appeared to be a period when the Japanese foreign economic policy was changed and adapted to new conditions of international market in the context of globalization and growing level of international competition. Japanese companies started to enter and develop in the new markets while ensuring their economic involvement in traditional partner nations. In the beginning of 2000s, the Japanese outward FDI grew significantly, especially in the South-East and East Asia. Despite the drastic decline in the Japanese FDI after the financial crisis of 2008, it started to increase again in 2010 reaching the previous levels. The Fukushima-1 accident forced Japanese government to revise its energy security strategy and initiated diversification of energy suppliers. Among the main recipients of Japanese investment there are the USA, China and ASEAN nations. The recent new foreign economic strategy that is supposed to take the country out of stagnation has resulted in diversification

of its FDI flow to non-traditional developing markets such as Latin America countries, India, ASEAN including Myanmar, Laos, Cambodia, Vietnam, CIS countries, and Russia.

Russia is a strategic supplier of energy resources for Japan and an important consumer market as well. In addition to the energy sector, the investments are growing into the Russian financial sectors, retail markets, vehicle manufacturing and pharmaceutical industry. The Russian Far East is the most attractive Russian region due to its territorial proximity and diverse natural and bio resources. Moreover, for Japanese investors Russia may be seen as a growing market with high level of consumption. However, current international political situation and sanctions have slowed down bilateral collaboration and had a negative effect on the Japanese investment activity in the Russian market. Despite that both sides show high interest in strengthening their economic and political relations.

Keywords: Japan, FDI, Russia, international economic strategy, energy, Abenomics, diversification, developing countries, Fukushima-1, export of goods, ASEAN, India, China, stagnation, investment projects

В XXI в. произошли значительные изменения в системе мирохозяйственных связей. Увеличение объемов международной торговли, либерализация финансовых операций привели к росту межстрановых инвестиционных потоков. Бурный экономический рост развивающихся стран, превращение Китая в мирового и регионального лидера, активизация процессов глобализации и регионализации, замедление мировой экономики после глобального финансового кризиса побудили Японию пересмотреть свои внешнеэкономические приоритеты и адаптировать политику к меняющимся условиям. Новым моментом внешнеэкономической стратегии страны становится акцент на диверсификации торговых партнерств и поддержка японских компаний в процессе их более глубокого встраивания в международные производственные связи. Стратегия диверсификации экономических отношений призвана повысить конкурентоспособность японского бизнеса на мировом рынке, а также укрепить его позиции в глобальных производственных системах.

Прямые инвестиции традиционно играют важную роль в развитии японской экономики, при этом зарубежные вложения японских компаний значительно превышают привлекаемый в страну иностранный капитал. Рост японских ПИИ с начала XXI в. объясняется рядом причин. Прежде всего, он обусловлен длительной стагнацией национальной экономики с начала 1990-х гг., приведшей к снижению объемов производства, уменьшению уровня внутренних капиталовложений и рентабельности производства в обрабатывающей промышленности. Реакцией на эти процессы стал рост инвестирования в экономику развивающихся стран, прежде всего в Китай и страны Юго-Восточной Азии. Динамичный рост этих стран, географическая близость, относительно низкие трудовые издержки и возрастающая покупательная способность населения превратили их в наиболее привлекательные объекты для инвестирования японскими ТНК. Наконец, увеличение зарубежных инвестиций связано с провозглашенной в 2003 г. при правительстве Д. Коидзуми стратегией диверсификации внешнеэкономических связей, в том числе стран-поставщиков энергоносителей в целях обеспечения энергетической безопасности страны.

Выделим несколько важных особенностей в стратегии зарубежного инвестирования японскими компаниями в период 2000–2017 гг.: 1) рост инвестиционных потоков в развивающиеся страны Южной Азии, Латинской Америки, страны СНГ и выход на новые рынки Юго-Восточной Азии (Мьянма, Лаос, Камбоджа, Вьетнам); 2) увеличение объемов инвестиций в сферу производства электрооборудования и в сферу оптовой и розничной торговли; 3) увеличение доли инвестиций, осуществляемых в форме слияний и поглощений.

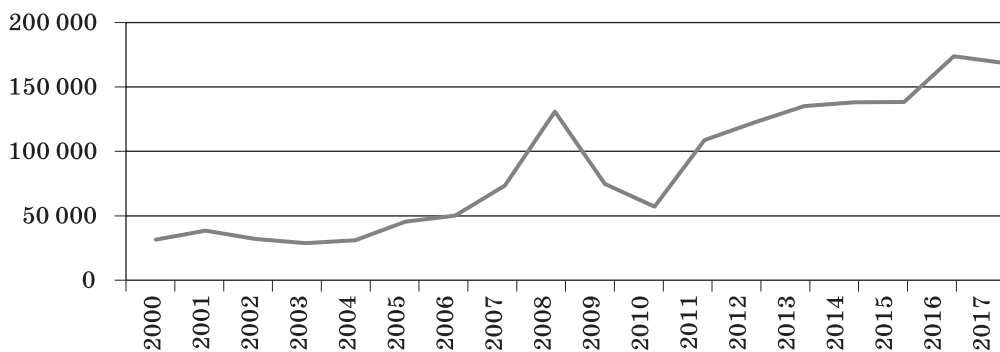

Рис. 1. Годовые объемы японских ПИИ 2000–2017 гг., млн долл.

Fig. 1. Annual volumes of the Japanese FDI, 2000–2017, millions \$

Источник: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

Анализируя показатели объемов японских ПИИ в начале 2000-х годов, можно отметить их стабильный прирост. Пик зарубежного инвестирования пришелся на 2008 г., когда объем японских ПИИ превысил 130 млрд долл., что существенно превосходило средние показатели в 2000–2008 гг. (средний объем ПИИ в этот период составлял 51 млрд долл.) (рис. 1). Однако мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. прервал эту тенденцию, и последующие три года наблюдалось снижение объемов ПИИ [1]. После аварии на Фукусима-1 и закрытия атомных электростанций японское правительство активизировало усилия по диверсификации поставщиков энергоресурсов [3]. Наиболее динамично растут инвестиции японских ТНК в сферу финансов, а также в сферу оптовой и розничной торговли (рис. 2).

Сделки по слияниям и поглощениям в последние годы доминируют в общем вывозе японских инвестиций. Такие сделки преобладают в рамках выхода японских компаний на рынки развитых стран. Активному заключению японским бизнесом сделок по слияниям и поглощениям способствует наличие у компаний больших финансовых ресурсов, а также снижение стоимости акций на зарубежных рынках капитала после глобального кризиса на фоне укрепления иены¹.

Основными сферами приложения японских ПИИ за рубежом являются производство электрооборудования, транспортных средств, химикатов, оптовая и розничная торговля, финансы и страхование, добыча нефти (рис. 2). В структуре японских ПИИ в период с 2005 по 2016 гг. в два раза увеличилась доля инвестиций в оптовую и розничную торговлю (в 2005 г. — 15%, в 2016 г. — 33% от общего объема) за счет активного выхода японских компаний на рынки стран АСЕАН.

Внешнеэкономическая стратегия, проводимая кабинетом С. Абэ, продолжает линию прежних администраций на интенсивную диверсификацию внешнеэкономических связей, поддержку экспансии японских компаний на зарубежных рынках и обеспечение энергетической безопасности страны. В современных условиях активная внешнеэкономическая политика призвана вывести экономику страны из стагнации и обеспечить стабильный рост ВВП. Новым моментом стал фокус на развитии экономических отношений со странами Латинской Америки, Россией, а также новыми партнерами в регионе ЮВА. Политика диверсификации позволила нарастить объемы ПИИ, и в 2014 г. был зафиксирован новый рекорд объемов еже-

¹ Department of State: 2014 Investment climate statement, June 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/226825.pdf>. Р. 6 (дата обращения: 12.12.2018).

Рис. 2. Основные направления инвестиционных потоков японских компаний по отраслям экономики 2005–2016 гг., млн долл.

Fig. 2. The main directions of investment streams of the Japanese companies on branches of economy, 2005–2016, millions \$

Источник: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

годного вывоза японских инвестиций, которые превысили 135 млрд долл., что примерно на 5 млрд больше показателя 2008 г.¹

С точки зрения региональной направленности японских ПИИ, можно отметить следующие изменения, произошедшие с начала 2000-х гг. Во-первых, в последнее десятилетие доля стран Ближнего Востока и ряда латиноамериканских стран, включенных в категорию «другие страны», в общем объеме японских инвестиций уменьшилась из-за дестабилизации в них экономической обстановки. Во-вторых, темпы прироста японских ПИИ в Китай и страны АСЕАН стали превышать темпы инвестирования в экономику США (рис. 3). Низкие производственные издержки, бурный экономический рост, увеличивающийся покупательский потенциал населения резко повысили привлекательность этих стран для японского бизнеса. В результате Китай быстро выдвинулся на позиции одного из главных торговых партнеров Японии. Инвестиции на территории Китая и стран АСЕАН осуществлялись преимущественно в сфере производства транспортных средств, электрооборудования и в машиностроении. Однако с 2012 г. японские инвестиции в экономику Китая сокращаются, что обусловлено ростом производствен-

¹ On making Japan a base for international business circulation// JETRO global trade and investment report 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения: 12.12.2018).

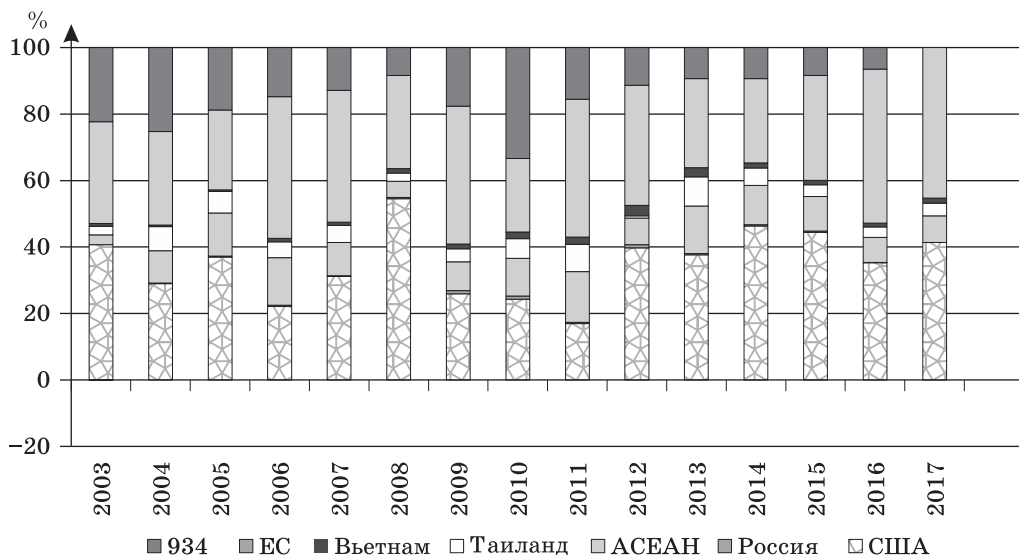

Рис. 3. Основные страны-реципиенты ПИИ Японии в период 2000–2017 гг., %
 Fig. 3. The main countries recipients of Japanese FDI during 2000–2017, %

И источник: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

ных издержек, в первую очередь вследствие удорожания стоимости китайской рабочей силы, наличием территориальных разногласий между странами по принадлежности островов Сенкаку.

В рамках стратегии внешнеэкономической диверсификации заметно возрос интерес к инвестированию в экономику новых для Японии партнеров в группе АСЕАН (Мьянма, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи). К 2015 г. объем японских ПИИ, накопленных в АСЕАН, составил примерно 20% от общих зарубежных инвестиций Японии (23,6 млрд долл.), что значительно превосходит долю Китая. Привлекательность этих стран для японских инвесторов связана с их территориальной близостью, ускорением темпов экономического роста и значительно более низкой, чем в Китае, стоимостью рабочей силы. Основными отраслями для японских инвестиций являются производство транспортного оборудования, электроника, машиностроение и химическое производство. Привлекательными направлениями для японских инвесторов выступают сфера финансов и розничная торговля.

Во-вторых, с 2012 г. наблюдается ренессанс в японско-американских отношениях, что, в частности, проявляется в новом всплеске японских инвестиций в экономику США [4]. Основными причинами сближения двух стран стало нарастание напряженности в регионе — дестабилизация отношений с Северной Кореей, которая в апреле 2009 г. вышла из шестисторонних переговоров по ядерной проблеме, рост военной мощи Китая на фоне значительного укрепления его общеэкономического потенциала, обострение территориальных споров в Южно-Китайском море. За последние пять лет общий объем японских ПИИ в США увеличивался ежегодно на 4,5%, главным образом за счет инвестиций в автомобильную и машиностроительную отрасли, а также возобновляемые источники энергии и производство СПГ¹.

¹ Japan planning 17-trillion-yen investment in U. S. projects, February 3 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201702030031.html> (дата обращения: 12.12.2018).

В-третьих, скачкообразный рост японских инвестиций в ЕС в 2016 г. при том, что в целом японские инвестиции в страны этого региона носят нестабильный характер. Активный рост японских ПИИ связан с осуществлением ряда крупных сделок по слияниям и поглощениям со стороны японских компаний в сфере высоких технологий и производстве потребительских товаров¹. Страны ЕС для японских инвесторов — это крупный рынок с высокой покупательной способностью населения, с широкими перспективами сотрудничества в сфере высоких технологий и возобновляемых источников энергии. Стимулом для инвестиционной деятельности стало рамочное соглашение о свободной торговле и экономическом партнерстве, которое предусматривает ликвидацию тарифов на импорт японских автомобилей в страны ЕС. Это будет способствовать организации японским бизнесом новых промышленных баз на территории стран ЕС и созданию новых рабочих мест. Основными реципиентами японских инвестиций являются Германия, Франция, Нидерланды, Испания и Великобритания.

В-четвертых, новым направлением для японских ПИИ стала Индия — активно развивающаяся экономика в Южной Азии и передовой центр IT-технологий. Вместе с тем, до середины 2000-х годов экономические отношения Японии с Индией носили неустойчивый характер. Объемы японских инвестиций в 2000–2005 гг. снижались, однако в дальнейшем ситуация изменилась, и японские ПИИ в экономику Индии стали стабильно возрастать [6]. Индия — это большой рынок, с растущей покупательной способностью населения, страна, играющая стратегически важную роль в морских перевозках. Увеличению объемов инвестиций способствовало заключение между Японией и Индией соглашения об экономическом партнерстве (СЭП) в 2011 г., которое облегчило японскому бизнесу деятельность в таких сферах индийской экономики, как электроэнергетика, обеспечение питьевой водой, логистика. В Раджастане индийские власти создали специальную экономическую зону для японских инвесторов в целях развития производства автомобильных компонентов².

В последнее десятилетие также возрос интерес японских инвесторов к рынкам стран Латинской Америки, который обусловлен повышением темпов экономического роста стран данного региона. Здесь японскими ТНК был осуществлен ряд инвестиционных проектов в сфере энергетики и автомобилестроения.

В рамках политики обеспечения энергетической безопасности основными поставщиками энергоресурсов для Японии выступают страны Ближнего Востока, АСЕАН, Южной и Северной Америки. В связи с политикой диверсификации поставок особое значение японской администрацией придается расширению связей с Россией. Несмотря на наличие трений между странами по территориальному вопросу, двусторонние отношения приобрели более доверительный характер.

С начала 2000-х гг. экономические отношения Японии и России претерпели положительные изменения. В период с 2003 по 2012 гг. сохранялась положительная тенденция роста японских ПИИ, которую не нарушил даже мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. (рис. 4). Ключевым сектором для японских ПИИ остается нефтегазовая промышленность, где значительными инвестиционными проектами стали «Сахалин-1» и «Сахалин-2», нефтегазовая компания «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд» («Сахалин Энерджи»). Доля японских инвестиций в этих

¹ Top Ten Japanese Involvement Announced MERGERS & ACQUISITIONS REVIEW FINANCIAL ADVISORS, Full year 2016 [Электронный ресурс]. URL: Deals http://share.thomsonreuters.com/general/PR/MA_4Q_2016_E.pdf. Р. 18. (дата обращения: 12.12.2018).

² India's Neemrana Industrial Park for Japanese Firms [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-4-431-55468-4_6.pdf. Р. 101 (дата обращения: 12.12.2018).

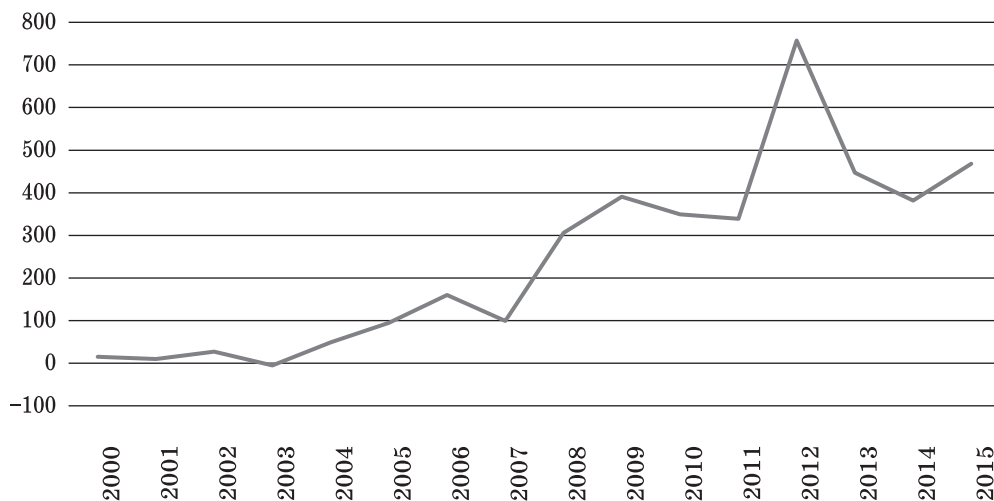

Рис. 4. Японские ПИИ в РФ в период 2000–2017 гг., млн долл.

Fig. 4. The Japanese FDI in the Russian Federation during 2000–2017, millions \$

Источник: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>.

проектах составила 30% и 22,5%¹. В проекте «Сахалин-2» доля японских компаний составляет 12,5% – Mitsui и 10% – Mitsubishi. Основой их производства являются нефть, сжиженный природный газ (СПГ) [5], природный газ.

В период 2000–2008 гг. японские ПИИ в экономику России выросли в два раза благодаря крупным инвестиционным проектам в сфере автопромышленности. Количество зарегистрированных компаний с японским капиталом за период начала XXI в. возросло и к 2010 г. составило 599. Они предоставляли консультационные услуги, осуществляли торговое посредничество, работали в сфере нефтепереработки и нефтедобычи, сельского хозяйства, ритейла, фармацевтической промышленности и пр. Лидирующее место по объемам японских ПИИ в России занимают Москва (57%), Московская область (10%) и Санкт-Петербург (18%) [2, с. 125].

В 2014 г. доля России в общем объеме торговли Японии составила 2,26%², в то же время в зарубежных японских инвестициях на нее пришлось 0,28%. Сегодня взаимодействие российских и японских компаний осложняется политическим кризисом в связи с обострившейся ситуацией на Украине, вхождением Крыма в состав России и девальвацией рубля.

Несмотря на неблагоприятную геополитическую ситуацию обе страны заинтересованы в развитии двустороннего сотрудничества. Во-первых, Россия обладает большим разнообразием природных ресурсов, в получении которых заинтересована Япония. Во-вторых, усиление конкуренции со стороны стран Северо-Восточной Азии за доступ к российским ресурсам вынуждает японское правительство прилагать усилия для укрепления партнерских связей с Россией. В-третьих, российская сторона заинтересована в привлечении передовых технологий для модер-

¹ Структура управления «Сахалин Энерджи» [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhalinenergy.ru/ru/company/about_company/management_structure.wbp (дата обращения: 12.12.2018).

² Ershova N. V. Japanese business in Russia local challenges and adaptation, Basic research program working papers series: international relations, WP BRP 19/IR/2015. P. 2.

низации экономики, что создает предпосылки для сотрудничества Японии и России в сфере инноваций. В-четвертых, Япония заинтересована в развитии Транссибирской магистрали как альтернативного, более короткого и надежного транспортного коридора, соединяющего Азию с Европой. В-пятых, для России Япония — это один из основных инвесторов в экономику Дальнего Востока, что позволяет развивать инфраструктуру региона и делать его более привлекательным для жизни населения. Для Японии развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке чрезвычайно важно, поскольку в этом регионе реализуются крупные энергетические проекты с участием Японии, нуждающиеся в развитии инфраструктуры для осуществления стабильных поставок ресурсов в Японию. Наконец, Япония обеспокоена активным политическим и экономическим сближением Китая и России.

Таким образом, инвестиционная деятельность японских компаний за рубежом остается одним из важнейших драйверов национальной экономики. Японские ПИИ продолжают стабильно увеличиваться, несмотря на финансовый кризис и стагнацию национальной экономики. Сегодня преодоление стагнации стало основной целью экономической политики японского правительства. Достижению этой цели должна способствовать новая стратегия экономического развития, в рамках которой обозначены основные векторы инвестиционной политики:

1. Диверсификация инвестиционных потоков за счет формирования партнерских отношений с новыми для Японии странами в Юго-Восточной Азии, Европе, странах СНГ, Латинской Америке. Необходимо отметить, что основная доля инвестиций приходится на страны Восточной и Юго-Восточной Азии, Европу и США. Роль этих регионов для Японии различна, поскольку на рынках Европы и США деятельность японских корпораций в большей степени ориентирована на местный рынок. В свою очередь, деятельность японских предприятий в странах Восточной Азии отличается высокой степенью разделения труда, межотраслевой специализации и кооперации между азиатскими и японскими производителями.
2. Увеличение инвестиций в обрабатывающую промышленность, где большая доля сделок осуществляется в сфере электро- и приборостроения, оптовую и розничную торговлю, финансы и страхование, фармацевтическое производство, НИОКР, автомобилестроение.
3. Диверсификация поставщиков энергоресурсов и видов энергоресурсов, что привело к повышению роли России во внешнеэкономической стратегии Японии.

Литература

1. Балакин В. И. Япония в межкризисный период // Япония наших дней. 2014. № 3 (21). С. 43–53.
2. Большова Е. В., Щербаков Д. А. Инвестиции Японии в российской экономике // Ежегодник Япония. 2013. № 42. С. 120–134.
3. Большова Е. В., Щербаков Д. А. Современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса Японии // Япония наших дней. 2013. № 2 (16). С. 56–72.
4. Леонтьева Е. Л. Экономика Японии в 2014 году: успехи и проблемы «абэномики» // Актуальные проблемы современной Японии. 2015. Вып. XXIX. С. 71–84.
5. Соколов Д. А. Возрастающая роль поставок СПГ для экономики Японии: итоги конференции производителей и потребителей СПГ 2014 // Актуальные проблемы современной Японии. 2015. Вып. XXIX. С. 101–110.
6. Takemori Horimoto Japan-India Rapprochement and its future issues. JIIA. April 11, 2016.

Об авторах:

Попова Людмила Валерьевна, доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук

Субботина Ксения Викторовна, аспирант кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Balakin V.I. Japan during the intercrisis period // Present Day Japan [Yaponiya nashikh dnei]. 2014. N 3 (21). P. 43–53. (In rus)
2. Bolshova E.V., Scherbakov D.A. Investments of Japan in the Russian economy // Japan 2013. Year-book [Ezhegodnik Yaponiya. 2013]. M. : "AIRO-XXI", 2013. (In rus)
3. Bolshova E.V., Scherbakov D.A. Current state and prospects of development of fuel and energy complex of Japan // Present Day Japan [Yaponiya nashikh dnei]. 2013. N 2 (16). P. 56–72. (In rus)
4. Leontyeva E.L. New Change in Economic Policy of Shinzo Abe Cabinet. A Search of Way Out // Current problems of modern Japan [Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii]. 2015. Issue XXIX. P. 71–84. (In rus)
5. Sokolov D.A. The increasing role of supply of LNG for economy of Japan: results of a conference of producers and consumers of LNG 2014 // Current problems of modern Japan [Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii]. 2015. Issue XXIX. P. 101–110. (In rus)
6. *Takemori Horimoto* Japan-India Rapprochement and its future issues. JIIA. April 11, 2016.

About the authors:

Liudmila V. Popova, Associate Professor of the Chair of World Economy of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; popovaspb@yandex.ru

Ksenia V. Subbotina, Graduate student of the Chair of World Economy of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); xeniasub@gmail.com

Вклад конгрессно-выставочных услуг в экономику дестинации: развитие методики оценки

Петров А. Н., Хорева Л. В. *, Карпова Е. Г., Шокола Я. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *luhor@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Представлены количественные показатели развития туризма: прямой и общий вклад туризма в мировой ВВП, влияние сферы туризма на занятость и инвестиционную активность в 2015–2017 гг. Систематизированы общие подходы к оценке вклада туризма в экономику дестинации и проанализированы с точки зрения возможности использования в индустрии встреч. В целях развития методического аппарата оценки вклада конгрессно-выставочных услуг в развитие дестинации предложена группа показателей, по которым целесообразно проводить оценку, среди которых четыре базовые группы, включающие конкретные показатели оценки: группа экономических и социальных показателей; группа показателей, связанных с продвижением дестинации на национальные и мировые рынки; группа бизнес-показателей; группа показателей наукоемкости отраслей дестинации.

Ключевые слова: конгрессно-выставочные услуги; индустрия встреч, мультипликативный эффект в туризме, оценка вклада индустрии встреч в экономику

Input of Congress-Exhibition Services to the Economy of a Destination: Development of Assessment Methodology

Alexander N. Petrov, Lyubov V. Khoreva*, Elena G. Karpova, Yana V. Shokola

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; *luhor@inbox.ru

ABSTRACT

Quantitative indicators of tourism development are presented: direct and common input of tourism to the global GDP, influence of the touristic sphere on employment and investment activity in 2015–2017.

General approaches of tourism contribution evaluation to the destination's economy are systematized. They are analyzed in the context of applicability in the meetings industry. In order to develop methodological system of evaluation of the congress-exhibition contribution to the destination development, set of indicators is proposed. It includes four basic groups with certain valuation factors: group of economical and social factors, group of connected with destination promotion to the national and world markets, group of business-factors, and group of research intensity factors of a destination's industry sectors.

Keywords: business tourism; congress-exhibition services; multiplicative effect in tourism; evaluation of tourism contribution to the economy

Введение

Сегодня индустрия туризма рассматривается как одна из наиболее динамичных и перспективных глобальных индустрий XXI в. Рост туристских потоков в мире имеет устойчивую положительную динамику. Согласно данным, представляемым Всемирной туристской организацией (UNWTO), в 2016 г. число международных туристов в мире составило 1,235 млрд чел., что на 39% больше, чем в 2015 г.¹, а в 2017 г.

¹ Статистический обзор 2017. Выставки, прошедшие аудит. Российский союз выставок и ярмарок. М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruelf.ru/_data/objects/0007/2006/file.72006.statistical_survey_2017_ru_web.pdf (дата обращения: 30.10.2018).

число туристов, пересекающих границы государств, уже достигло 1,323 млрд чел., то есть рост международных прибытий составил +84 млн чел., или 7%, по сравнению с 2016 г. Если брать общий рост туристских прибытий, то с 2008 г. по 2017 г. он составляет около 4% в год в течение восьми лет подряд [8]. Тем самым туризм в мире демонстрирует стабильный рост количественных показателей межстрановых путешествий, что в конечном счете оказывает позитивное влияние на экономику туристских дестинаций, выражающуюся в привлечении инвестиций (как национальных, так и зарубежных), притоке валюты, обеспечении развития смежных отраслей народного хозяйства, нацеленных на максимально полное и качественное удовлетворение потребностей прибывающих туристов.

Показатели развития туризма: современное состояние

В современной рыночной экономике туризм рассматривается не как замкнутая сфера, а, скорее, как функциональный межотраслевой территориальный комплекс. Туризм, создавая единую унифицированную систему различных отраслей экономики, представляет собой горизонтально упорядоченные группы связанных предприятий и организаций, использующих кластерные модели взаимодействия для создания единого туристского продукта территории (дестинации). В условиях глобализации мирового хозяйства туризм начал играть заметную роль в формировании валового внутреннего продукта, национального дохода, выравнивании баланса внешней торговли, создавая больше возможностей для трудоустройства и роста занятости населения.

При этом туристская сфера формирует значительный мультипликативный эффект, поскольку напрямую или опосредованно связана более чем с 30 отраслями экономики дестинации, такими как: транспорт, связь, строительство, общественное питание, обеспечение безопасности, отрасли сферы культуры, рекреации, спорта, розничной торговли и др.; туризм формирует значительные валютные поступления. Многие страны, как развитые и экономически стабильные, так и развивающиеся (зачастую даже в большей степени), рассматривают эту растущую индустрию в качестве важного источника дохода, возможности активизации предпринимательской и инвестиционной деятельности, формирования и совершенствования инфраструктуры территории и страны в целом. Туризм сегодня многими странами, не имеющими достаточных производственных и природных ресурсов, рассматривается как альтернативная форма хозяйственной активности, как инструмент экономического роста. На локальных и национальных уровнях туризм все чаще воспринимается как возможный инструмент изменения будущего [9].

Прямой вклад туризма в мировой ВВП в 2016 г. составил 2306,0 млрд долл. (3,1% от общего ВВП) и, хотя это несколько ниже абсолютных показателей 2014 г., когда вклад туризма в ВВП был 2364,8 млрд долл. (3,1% ВВП) [6], но уже в 2017 г. этот показатель вырос и достиг 2570,1 млрд (3,2% ВВП). Ожидается, что вклад туризма в мировой ВВП вырастет на 4,0% по итогам 2018 г., а к 2028 г. достигнет 3890,0 млрд долл. (3,6% ВВП). Это, в первую очередь, отражает экономическую активность, связанную с деятельностью предприятий индустрии гостеприимства, таких как туристские фирмы, отели и иные средства размещения, экскурсионные бюро, авиакомпании и прочие транспортные предприятия.

По оценкам Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), общий вклад сферы туризма (с учетом мультипликативного эффекта) в мировой ВВП составил в 2016 г. 7613,3 млрд долл. (10,2% ВВП), он также несколько упал по сравнению с 2014 г. в абсолютном выражении, но вырос в относительном, когда общий вклад туристского сектора оценивался в 7863,5 млрд долл., а доля составляла 9,8% в мировом ВВП [6]. В 2017 г. уже наблюдался заметный рост и абсолютных, и от-

носительных значений вклада туризма в мировой ВВП: 8272,3 млрд долл., или 10,4% ВВП. Согласно прогнозам, общий вклад в ВВП вырастет на 4,0% в 2018 г., а к 2028 г. достигнет 12 450,1 млрд долл. (11,7% ВВП)¹.

Влияние сферы туризма на занятость также формирует позитивную динамику роста количества рабочих мест, связанных с удовлетворением потребностей туристов. Причем рост числа рабочих мест идет постоянно, так в 2014 г. занятых в туризме было 105,4 млн (3,6% от общей занятости)², в 2016 г. — 108,7 млн (3,6% от общей занятости), в 2017 г. — 118,5 млн (3,8% от общей занятости). Ожидается, что к 2028 г. число рабочих мест в сфере туризма достигнет 150,2 млн (4,2% от общей занятости населения). И это только «прямые» рабочие места³, а с учетом мультипликативного эффекта эта величина по разным оценкам колеблется от 250 до 400 млн чел. [2]. Исследования показывают, что 30 новых туристов, прибывающих в дестинацию, формируют одно дополнительное рабочее место. Авиаперевозки и индустрия туризма в общей сложности уже сейчас являются почти вторым по величине работодателем в мире и обладают огромным потенциалом увеличения числа работников⁴.

Туризм воспринимается весьма привлекательной сферой для инвестиционной деятельности. Инвестиции в 2016 г. составили 806,5 млрд долл. или 4,4% от общего объема инвестиций в мире, в 2017 г. — 882,4 млрд долл. или 4,5% объема инвестиций, а к 2028 г., по оценкам, этот показатель составит 1408,3 млрд долл. (5,1% от общего объема инвестиций)⁵.

Следует указать, что индустрия деловых встреч приносит крупным городам в 4 раза больше средств, чем организация других массовых мероприятий⁶. Хотя Россия сегодня не входит в число лидеров индустрии встреч (страна в рейтинге ICCA по числу проводимых конгрессных мероприятий занимала в 2017 г. 41-е место, Санкт-Петербург в рейтинге городов по числу проводимых в год мероприятий находился в 2017 г. на 86-м месте, Москва — на 78-м⁷), по данным, приведенным в «Российской газете», в 2015 г. объем рынка делового туризма в России достиг 670 млрд руб., что больше на 20% по сравнению с 2014 г., при этом позитивная динамика, по оценкам экспертов, должна сохраниться и в ближайшие пять лет⁸. По данным, приведенным С.П. Алексеевым, президентом Российской союза выставок и ярмарок в выступлении на конференции «Россия в фокусе» в рамках 85-го Конгресса Всемирной ассоциации выставочной деятельности (UFI) 2 ноября 2018 г., наблюдается рост доходов членов РСВЯ с 2012 г. по 2017 г., который составил в 2017 г. 50% к показателю 2012 г. и достиг 31 846,26 млн руб. [1].

Приведенные цифры подчеркивают наличие потенциала развития конгрессно-выставочной деятельности и расширения спектра услуг конгрессно-выставочной

¹ Travel & Tourism. Economic Impact 2018. URL: <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/regions-2018/world2018.pdf>; Travel & Tourism. Economic Impact 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/regions-2017/world2017.pdf> (дата обращения: 08.11.2018).

² The Travel & Tourism Competitiveness Report. World Economic Forum. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://ev.am/sites/default/files/WEF_TTCR_2017.pdf (дата обращения: 02.11.2018).

³ Travel & Tourism. Economic Impact 2018; Travel & Tourism. Economic Impact 2017.

⁴ The Travel & Tourism Competitiveness Report. World Economic Forum. 2017. С. 519.

⁵ Travel & Tourism. Economic Impact 2018; Travel & Tourism. Economic Impact 2017.

⁶ Портал ЭкспоФорум-Интернэшнл. Экономический эффект от событийных мероприятий обсудили на ПМЭФ 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://expoforum-center.ru/ru/news/bitva-za-kongressy-kak-za-olimpiadu-ekonomicheskij-effekt-ot-sobytijnyh-meropriyatij-obsudili-na-pmef/> (дата обращения: 30.10.2018).

⁷ ICCA Statistics Report Country & City Rankings. 2017. URL: <file:///C:/Users/3B69~1/AppData/Local/Temp/ICCA-1.pdf> (дата обращения: 28.10.2018).

⁸ Кривошапко Ю. Компании стали проводить меньше бизнес-мероприятий за рубежом // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 7092 (224).

индустрии в стране. В то же время, вопросы оценки общего вклада конгрессно-выставочной деятельности в экономику дестинации до конца не решены и требуют дальнейшего теоретического осмысления. Подобная оценка может и должна базироваться на исследовании мультипликативного эффекта, возникающего в дестинации, привлекательной для проведения международных и национальных мероприятий различной профессиональной направленности.

Методические подходы к оценке вклада туризма в экономику

В общем виде мультипликатор (макроэкономический) — это численный коэффициент, демонстрирующий, в какое количество раз изменятся агрегированные показатели экономического развития в связи с ростом инвестиций или объемов производства в анализируемом секторе экономики. В целом механизмы реализации мультипликативного эффекта выглядят весьма простыми: рост производства в отдельном секторе влечет рост затрат на промежуточную продукцию и услуги, необходимые для обслуживания растущей отрасли, что по цепочке формирует импульс для развития смежных отраслей и секторов экономики. Смежные отрасли генерируют рост объема затрат на необходимую им продукцию, и это приводит к росту практически всех смежных отраслей экономики (и не только смежных, поскольку доход используется для потребления уже за пределами самой отрасли), в результате происходит рост конечного потребительского спроса. Величина мультипликатора (*multiplier value*) отражает размер мультипликативного эффекта с учетом особых характеристик экономики, таких как уровень дохода и занятости населения, запасы природных и иных ресурсов, благоприятность предпринимательского климата, уровень инновационности экономики, компетентность составляющая трудовых ресурсов и пр.

Мультипликатор в туризме представляется как цепочка эффектов, формируемых изменением в уровне туристского (или связанного с ним) потребления. Мультипликативный эффект в туризме оценивают с помощью специальных моделей, которые могут быть применимы и к конгрессно-выставочной индустрии. Так, эффекты, получаемые непосредственно индустрией (туристской или иной), называются прямыми эффектами. Выгоды, получаемые компаниями, представляющими товары и услуги индустрии, являются непрямыми эффектами, они формируют общий доход туризма/дестинации (мы выше привели статистику прямых и не прямых доходов от туризма). В свою очередь, индуцированный эффект — это выгоды, полученные от повышения спроса на потребительские товары в результате повышения дохода домохозяйств в регионе, которые, в свою очередь, связаны с ростом отдельных сегментов экономики (например, туризма, конгрессно-выставочной индустрии и др.).

Отметим, что, несмотря на накопленный опыт, сама идея мультипликативных эффектов в туризме носит дискуссионный характер как в части собственно методического обеспечения, так и в части формирования и использования информационной базы [3]. В частности, методики статистической оценки туристских потоков, размер которых влияет на объем доходов от туристских услуг и связанных с ними сопутствующих услуг, не обеспечивают получения достаточно полной информации. В части методического обеспечения следует указать, что в научной литературе, как правило, рассматриваются четыре основные модели для оценки мультипликативных эффектов туризма: экономическая базовая модель; кейнсианская модель; модель «затраты-выпуск»; *ad-hoc* модель [9; 10]. Помимо них, также существуют другие модели, например, оценка мультипликативного эффекта на основе матрицы социального учета.

Экономическая базовая модель, хотя и распространена широко, но ограничена применительно к туризму. Это связано с тем, что модель и ее мультипликаторы оценивают общие эффекты для всей экономики, не позволяя проводить анализ на

отраслевом уровне или отдельных типах (прямых, косвенных и индуцированных) эффектов [15]. Другими недостатками модели являются: субъективное разделение экономической деятельности/секторов на основные и дополнительные; предположение о том, что все виды экспорта имеют одинаковый эффект мультипликатора независимо от сектора; использование предположения, что экономический рост зависит, главным образом, от экспорта [9]. Тем самым использование такой модели для оценки вклада конгрессно-выставочной индустрии в экономку дестинации будет ограничено ввиду сложности разграничения «туристской» и «конгрессной» составляющих, которые в реальной экономике взаимосвязаны через факторы делового туризма.

Кейнсианская модель мультипликатора сформулирована следующим образом: мультипликатор N указывает, что прирост общей суммы инвестиций вызывает увеличение дохода на величину, которая в N раз больше, чем прирост инвестиций, т.е. мультипликатор инвестиций равен отношению приращения дохода к приращению инвестиций [6]. В свою очередь мультипликаторы, рассчитываемые по кейнсианской модели, ограничены тем, что они не учитывают секторальных взаимодействий, что особенно важно для сферы туризма в целом и конгрессно-выставочной индустрии, в частности, как представляющих собой многоотраслевой комплекс (кластер).

Модель «затраты-выпуск» имеет определенные преимущества по сравнению с предыдущими двумя моделями. Некоторые из них заключаются в том, что она позволяет учитывать в анализе секторальные особенности, поскольку алгоритм оценки фокусируется на межсекторальных связях (что важно для конгрессно-выставочной и туристской индустрий); также важно, что модель позволяет разделить при оценке прямые, косвенные и индуцированные эффекты, тем самым адаптирует модель к конкретным целям анализа. Поэтому для сферы туризма и конгрессно-выставочных услуг модель «затраты-выпуск» выглядит наиболее привлекательной, позволяя учитывать отдельные виды расходов и анализировать их воздействие на экономику в разрезе отраслевых составляющих комплекса. Однако таблицы «затраты-выпуск» требуют большого количества данных, что делает их трудоемкими и дорогостоящими в использовании. Укажем, что в нашей стране в 2016 г. был разработан и применен методический подход к оценке показателя Валовой добавленной стоимости туристской индустрии и показателя Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в ВВП РФ, а также проведен расчет по этой методике с использованием базовых таблиц «затраты-выпуск» для оценки добавленной стоимости туристской индустрии на базе данных за 2011 г.¹

Учитывая, что статистический учет в туризме базируется на довольно сложной системе спутниковых счетов (или вспомогательных счетов туризма) [5], этот метод можно охарактеризовать как сбор информации, заключенный в 10 специализированных таблицах, важным аспектом при этом является качество данных. В целом можно указать, что спутниковые счета сегодня — это теоретический метод подсчета, который в реальной практике работает с некоторыми ограничениями. В то же время, ограничений модели можно избежать, построив более сложные таблицы «затраты-выпуск» [13; 15], которые, однако, требуют еще больше данных, сбор которых затруднен.

Специальная модель или ad-hoc модель Арчера позволяет: рассчитать туристские мультипликаторы для разных типологий (например, в соответствии с националь-

¹ Доклад о результатах деятельности федеральной службы государственной статистики в 2016 году и основных направлениях на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов. Росстат. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/kolleg/2017/dokl_070217.pdf (дата обращения: 03.11.2018).

ностью, типом размещения, видом транспорта, мотивацией/целью визита и т. д.) и секторальные мультипликаторы [9; 12]; анализировать прямые, косвенные и индуцированные эффекты на разных этапах, различных географических локальных, региональных и национальных уровнях; определять прямое воздействие на доходы и занятость. С другой стороны, на практике очень сложно включать все сектора экономики в специальную модель Арчера, в то время как выбор секторов, подлежащих включению, зависит от исследователя, проводящего анализ и, в существенной степени, от имеющегося финансирования.

Ключевая проблема сегодня состоит в том, что теоретически желаемые подходы к оценке региональных мультипликаторов зачастую «практически непрактичны». В некоторых случаях их расчет экономически нецелесообразен, трудно получить и систематизировать необходимые статистические данные, оценить их достоверность и полноту. Важным является и аспект выбора наиболее адекватных показателей, которые описывают все аспекты анализируемой сферы. Начиная с 2014 г., Росстат использует предложенную Министерством культуры РФ собирательную группировку видов экономической деятельности «Туризм» на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД 2). На основе этой группировки статистические службы формируют официальную статистическую информацию об основных экономических показателях в туризме, таких как занятость, финансовые результаты, инвестиции и др. Группы этих показателей были закреплены в Приказе Министерства культуры от 2014 г.¹

В собирательную группировку входят следующие отраслевые группы данных об экономической деятельности, связанной с туризмом: данные о размещении посетителей в разрезе таких средств размещения, как гостиницы и прочие места временного проживания, места краткосрочного проживания, кемпинги, жилые автофургоны и туристические автоприцепы и др.; данные о деятельности предприятий, представляющих услуги общественного питания (рестораны, доставка продуктов и готовых блюд, подача напитков); данные о деятельности транспортных предприятий (железнодорожные, авиационные, автомобильные, водные пассажирские перевозки); данные о деятельности туристских агентств и туроператоров, в том числе, об услугах по бронированию; данные о деятельности в сфере культуры (демонстрация кинофильмов; мероприятия в области исполнительских искусств, художественного творчества, культурные мероприятия, проводимые концертными залами, театрами, музеями, услуги природных заповедников и национальных парков и пр., а также организация конференций и выставок); данные о деятельности по организации спортивно-развлекательных мероприятий (организация спортивных событий, организация отдыха и развлечений, в том числе связанных с игорным бизнесом и пр.); данные о деятельности предприятий розничной торговли туристскими товарами (розничная торговля сувенирами, изделиями народных художественных промыслов, в том числе в художественных галереях, а также торговля спортивным оборудованием и спортивными товарами в специализированных магазинах и пр.); данные, характеризующие туристскую деятельность с учетом специфики России (организация страхования гражданской ответственности, страхование выезжающих путешественников и пр.)².

Разработка данной группировки и начало ее использования в сфере туризма, безусловно, является важным методическим вкладом в развитие системы оценки

¹ Приказ Минкультуры России от 25.03.2016 г. № 687 «Об утверждении собирательной классифицированной группировки видов экономической деятельности «Туризм» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.05.2016 г. № 42087) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71298162/> (дата обращения: 02.11.2018).

² Там же.

влияния туризма на экономику региона, привлекательного для туристов, однако, как видно из представленного отраслевого перечня, за рамками рассмотрения остается собственно конгрессно-выставочная деятельность. В собирательной группировке видов экономической деятельности «Туризм» только в рамках деятельности в сфере культуры отражена отдельной строкой «организация конференций и выставок». Однако возникает вопрос, насколько организация профессиональных (торговых) выставок должна попадать в систему показателей статистического учета работы предприятий сферы культуры?

Если отталкиваться от наименования группировки ОКВЭД-2, приведенной в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности ОК 029-2014 (в редакции 2018 г.)¹, то можно видеть, что фиксируемые в рамках данного подкласса выставки не относятся к выставкам в сфере культуры. В классификаторе указывается, что: «Подкласс 82.3 — Деятельность по организации конференций и выставок. Код ОКВЭД 82.30 — Деятельность по организации конференций и выставок ... включает: организацию, продвижение и/или управление событиями, например деловыми встречами, переговорами и выставками, собраниями, конференциями и съездами, включая подбор персонала для управления помещениями, в которых проходят эти события». Мы сталкиваемся с тем, что конгрессно-выставочная деятельность, связанная с крупными профессиональными торговыми ярмарочными мероприятиями, фактически попадает в рамках статистического учета в культурно-художественный блок выставок. В то же время, в этот подкласс выставок (код ОКВЭД 82.30) фактически не должны попадать художественные выставки. Торговые выставки — это массовое мероприятие, где на коммерческой основе демонстрируются и получают распространение товары, услуги и информация, которое проходит в четко установленные сроки, с определенной периодичностью и в заранее обусловленном месте [7]. Базовыми целями подобных выставок являются маркетинг и реклама, повышение эффективности продаж, расширение рынков сбыта, заключение новых контрактов и т. д.

Выставки, которые рассматривает Российский союз выставок и ярмарок (РСВЯ), имеют главной целью продвижение производителей тех или иных товаров на рынки, они реализуют маркетинговые задачи, формируют базу для расширения бизнес-контактов. В систематизацию и аудит конгрессно-выставочных мероприятий, который РСВЯ проводит с 2013 г., попадают именно отраслевые торговые выставки, среди которых выставки товаров народного потребления; продукции сельского хозяйства; гостиничного и ресторанного бизнеса; военной техники; туризма, спорта, отдыха; индустрии красоты; медицины и здоровья; нефтяного и газового бизнеса; электроники и электротехники, IT-технологии и другие специализированные «показы»².

Тем самым возникает парадоксальная ситуация — в государственном статистическом учете методологически закладывается совмещение двух принципиально различных видов деятельности в сфере выставочной индустрии: креативной (культурно-художественный) и профессионально-отраслевой (торгово-маркетинговый). Эти два вида выставок по-разному оказывают влияние на экономику дестинации: если художественные выставки в первую очередь формируют туристские потоки,

¹ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Министерство экономического развития РФ, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст (ред. от 10.07.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320(дата обращения: 25.10.2018).

² Статистический обзор 2017. Выставки, прошедшие аудит. Российский союз выставок и ярмарок. М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruelf.ru/_data/objects/0007/2006/file.72006.statistical_survey_2017_ru_web.pdf(дата обращения: 30.10.2018).

за счет чего растет доход от туристского потребления в дестинации, то выставки второго типа — торгово-маркетинговые, не только обеспечивают приток деловых туристов как потребителей на рынке дестинации, но и создают дополнительные факторы развития экономики дестинации через приток инвестиций, развитие инновационных индустрий, формирования кластеров компетенций [8] и т. д. Считаем, что было бы целесообразно в собирательную группировку видов экономической деятельности «Туризм» добавить как отдельную строку «Деятельность по организации конференций и выставок», что позволит вынести оценку вклада торговых выставок за рамки направления «Деятельность в сфере культуры».

Заключение

Завершая краткое рассмотрение подходов к оценке вклада конгрессно-выставочных услуг в развитие дестинации, считаем возможным предложить следующие основные группы показателей, по которым целесообразно проводить оценку вклада конгрессно-выставочной индустрии в экономику:

- группа экономических и социальных показателей: доля дохода от индустрии встреч в бюджете региона; темпы роста доходов; темпы и объемы привлечения инвестиций в развитие конгрессно-выставочной инфраструктуры в дестинации; доходы участников рынка в разрезе отраслей, включенных в сферу конгрессно-выставочных услуг¹; доходы участников рынка в смежных отраслях, не включенных напрямую в сферу конгрессно-выставочной деятельности (например, торговля, связь, коммунальное хозяйство, городской транспорт, обеспечение безопасности и т. п.); занятость населения в сфере конгрессно-выставочных услуг, создание дополнительных и новых рабочих мест в индустрии и в смежных отраслях;
- группа показателей, связанных с продвижением дестинации на национальные и мировые рынки: рост узнаваемости бренда дестинации в стране и в мире; рост инвестиционной привлекательности дестинации (инновационная восприимчивость); улучшение позиции региона в престижных отраслевых рейтингах (ICCA, Рейтинг событийного потенциала регионов ВНИЦ R&C и т. д.);
- группа бизнес-показателей: количество и сумма подписанных договоров на мероприятия и после него, объем инвестиций в рамках заключенных договоров; появление новых участников рынка за счет развития индустрии конгрессно-выставочных услуг; прирост объема деловых, культурных, торговых, туристских контактов с национальными и международными партнерами;
- группа показателей наукоемкости отраслей дестинации: создание кластера компетенций, который может стать центром притяжения как новых и перспективных технологий, так и центром притяжения высококвалифицированных специалистов в различных научно-технических областях; развитие инновационных индустрий, связанных с отраслевыми особенностями конгрессно-выставочных мероприятий; рост доли рабочих мест с высоким интеллектуальным потенциалом.

Учитывая то, что в индустрии встреч негативное влияние фактора сезонности выражено заметно меньше, чем в сфере туризма в целом, а доходы от делового туризма заметно выше, правительства многих стран мира, региональные и местные власти целенаправленно содействуют привлечению как можно большего числа крупных международных деловых мероприятий на свои территории, что стало сегодня общемировой тенденцией, а дальнейшее развитие подходов к оценке вклада

¹ Официальный сайт Всемирного совета по туризму и путешествиям //TheAuthorityonWorld-Travel&Tourism. World 2015 Economic Impact Report [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic%20impact%20research/regional%202015/world2015.pdf> (дата обращения: 04.11.2018).

да индустрии в экономику позволит более аргументировано формировать стратегии развития дестинаций делового туризма.

Литература

1. *Алексеев С. П.* Выставочная индустрия сегодня, тенденции и перспективы. Выступление на конференции «Россия в фокусе» в рамках 85-го Конгресса Всемирной ассоциации выставочной деятельности (UFI). 2018. 2 ноября.
2. *Аюшиева Л. К.* Занятость населения в туристической отрасли // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2–2. С. 132–135.
3. *Идзиев Г. И.* Мультипликативный эффект воспроизводства экономического потенциала региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 10 (343). С. 58–67.
4. *Карпова Г. А., Хорева Л. В.* Туристское потребление в системе социально-экономических отношений // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 37–47.
5. *Кошутин А. А., Антошкина В. В., Максимов Д. В., Фоменко Е. В.* Сателлитные счета в туризме // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2014. № 1. С. 58–61.
6. *Масюк Н. Н., Бушуева М. А.* Синергетический и мультипликативный эффекты в кластере [Электронный ресурс]. URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2012/08/масюк_бушуева.rtf (дата обращения: 15.10.2018).
7. *Симонов К. В.* Конгрессно-выставочные мероприятия как сочетание двух деловых форматов // Экономика, управление, финансы. Пермь : Зебра, 2015. С. 7–10 [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/133/7550/> (дата обращения: 18.11.2018).
8. *Хорева Л. В., Латыпова Е. В.* Кластеры компетенций в системе инновационного развития сферы услуг // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 2 (20). С. 59–65.
9. *Archer B. H.* The anatomy of a multiplier // Regional studies. 1976. Vol. 10. P. 71–77.
10. *Archer B. H., Owen C. B.* Towards a tourist regional multiplier // Regional studies. 1971. Vol. 5. P. 289–294.
11. *Ardaheha T., Elahe F., Elahe H.* Factors Affecting the Development of Tourism Industry in Iran // SSRN Electronic Journal. 2010. June [Электронный ресурс]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1622603 (дата обращения: 05.11.2018).
12. *Baaijens S. R., Nijkamp P., Montfort K.* Explanatory meta-analysis of tourist income multipliers. An application of comparative research to island economies // Regional Studies. 1998. Vol. 32 (9). P. 839–849 [Электронный ресурс]. URL: <https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/2033425/10421.pdf> (дата обращения: 18.11.2018).
13. *Bonn M., Harrington J.* A comparison of three economic impact models for applied hospitality and tourism research // Tourism Economics. 2008. Vol. 14 (4). P. 769–789.
14. *Cai J., Leung P., Mak J.* Tourism's forward and backward linkages // Journal of Travel Research. 2006. Vol. 45. P. 36–52.
15. *Loveridge S.* A Typology and Assessment of Multi-sector Regional Economic Impact Models // Regional Studies. 2004. Vol. 38, Is. 3. P. 305–317.

Об авторах:

Петров Александр Николаевич, заведующий специализированной кафедрой ПАО «Газпром», первый проректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, prognozplan@yandex.ru

Хорева Любовь Викторовна, профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, luhor@inbox.ru

Карпова Елена Геннадьевна, доцент кафедры сервисной и конгрессно-выставочной деятельности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, elenakarпова02@yandex.ru

Шокола Яна Владимировна, доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, shokola_yana@mail.ru

References

1. Alekseev S. P. Exhibition industry today, trends and perspectives. Speech at the conference «Russia in focus» in the frames of 85th UFI Congress (Union des foires international). 2018. 2nd November. (In rus)
2. Anjusheva L. K. Employment of population in travel industry // The Buryat State University Bulletin [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 2–2. P. 132–135. (In rus)
3. Idziev G. I. Multiplicative effect of economic capacity reproduction of the region // National interests: priorities and safety [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2016. T. 12. N 10 (343). P. 58–67. (In rus)
4. Karpova G. A., Horeva L. V. Tourist consumption in the system of the social and economic relations // The University scientific magazine [Universitetskii nauchnyi zhurnal]. 2012. N 2. P. 37–47. (In rus)
5. Koshutina A. A., Antoshkina V. V., Maximov D. V., Fomenko E. V. Satellite accounts in tourism // The Resort and recreational complex in the system of regional development: innovative approaches [Kurortno-rekreatsionnyi kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovatsionnye podkhody]. 2014. N 1. P. 58–61. (In rus)
6. Masyuk N. N., Bushuyeva M. A. Synergetic and multiplicative effects in a cluster. URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2012/08/масюк_бушуйева.rtf (Access date: 15.10.2018) (In rus)
7. Simonov K. V. Congress and exhibition events as combinations of two business formats // Economy, management, finance. Perm : Zebra, 2015. P. 7–10. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/133/7550/> (Access date: 18.11.2018). (In rus)
8. Horeva L. V., Latypova E. V. Clusters of competences in the system of the innovative development of services sector // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2014. N 2 (20). P. 59–65. (In rus)
9. Archer B. H. The anatomy of a multiplier // Regional studies. 1976. Vol. 10. P. 71–77.
10. Archer B. H., Owen C. B. Towards a tourist regional multiplier // Regional studies. 1971. Vol. 5. P. 289–294.
11. Ardahaey T., Elahe F., Elahe H. Factors Affecting the Development of Tourism Industry in Iran // SSRN Electronic Journal. 2010. June. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1622603 (Access date: 05.11.2018)
12. Baaijens S. R., Nijkamp P., Montfort K. Explanatory meta-analysis of tourist income multipliers. An application of comparative research to island economies // Regional Studies. 1998. Vol. 32 (9). P. 839–849. URL: <https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/2033425/10421.pdf> (Access date: 18.11.2018)
13. Bonn M., Harrington J. A comparison of three economic impact models for applied hospitality and tourism research // Tourism Economics. 2008. Vol. 14 (4). P. 769–789/
14. Cai J., Leung P., Mak J. Tourism's forward and backward linkages // Journal of Travel Research. 2006. Vol. 45. P. 36–52.
15. Loveridge S. A Typology and Assessment of Multi-sector Regional Economic Impact Models // Regional Studies. 2004. Vol. 38. Is. 3. P. 305–317.

About the authors:

Alexander N. Petrov, Head of the Specialized Department of PJSC Gazprom, First Vice-Rector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, prognozplan@yandex.ru

Lyubov V. Khoreva, Professor of the Department of Economics and Management in the Service Sector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, luhor@inbox.ru

Elena G. Karpova, Associate Professor of the Department of Service and Congress and Exhibition Activities of St. Petersburg State University of Economics, (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; elenakarpova02@yandex.ru

Yana V. Shokola, Associate Professor, Department of Economics and Management in the Service Sector, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; shokola_yana@mail.ru

Экспертная оценка соотношения затрат при строительстве нефтяной транспортной инфраструктуры в Арктике

Тутыгин А. Г.^{1, *}, Коробов В. Б.^{1, 2}, Губайдуллин М. Г.^{1, 3}, Чижова Л. А.¹

¹Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН, Архангельск, Российская Федерация; andgt64@yandex.ru

²Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Российская Федерация

³Северный арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

При оценках затрат на строительство и эксплуатацию объектов транспортной инфраструктуры на ранних стадиях инвестиционного процесса возникает проблема в формализации некоторых показателей факторов, влияющих на принятие решений. Временная невозможность выразить их в денежных или сопоставимых натуральных величинах приводит к возникновению неопределенности в соотношении между этими двумя группами факторов. На примере одного из объектов нефтяной транспортной инфраструктуры на территории АЗ РФ получены количественные оценки таких неопределенностей, величина которых оказалась весьма весомой и переменной в зависимости от рассматриваемой альтернативы. Авторами предложен подход, основанный на векторном представлении факторов, теории нечетких множеств и экспертных оценках, позволяющий выработать критерий предельной величины неопределенности, позволяющий принимать управленческие решения в задачах выбора. Построена соответствующая модель, дающая возможность вычисления такого критерия.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, транспортная инфраструктура, задача выбора, управленческое решение, модель, природно-экологические факторы, экономические факторы

Expert Assessment of a Ratio of Expenses at Construction of Oil Transport Infrastructure in the Arctic

Andrey G. Tutygin^{a, *}, Vladimir B. Korobov^{a, b}, Marcel H. Gubaidullin^{a, c}, Lyudmila A. Chizhova^a

^aFederal Center for Integrated Arctic Research named after Academician N. P. Laverov of Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russian Federation; andgt64@yandex.ru

^bInstitute of Oceanology named after P. P. Shirshov of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^cNorthern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

ABSTRACT

When assessing the cost of construction and operation of transport infrastructure in the early stages of the investment process, there is a problem in the formalization of some indicators of the factors influencing decision-making. The temporary impossibility to express them in monetary or comparable natural quantities leads to uncertainty in the ratio between these two groups of factors. On the example of one of the discussed objects of oil transport infrastructure in the territory of the Russian Arctic, quantitative estimates of such uncertainties are obtained, the value of which was very weighty and variable depending on the considered alternative. The authors propose an approach based on the vector representation of factors, fuzzy set theory and expert estimates, which allows developing a criterion of the limit value of uncertainty, allowing making management decisions in the problems of choice. The corresponding model giving the possibility of calculation of such criterion is constructed.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, transport infrastructure, selection problem, management decision, model, natural and environmental factors, economic factors

Затраты на строительство нефтяной транспортной — резервуарных парков, магистральных трубопроводов, отгрузочных терминалов и сопутствующих объектов, измеряются десятками и даже сотнями миллиардов рублей. Особенно дорогостоящими являются такие проекты в Арктике, где на их стоимость существенное влияние оказывают природные условия и экологическая ситуация.

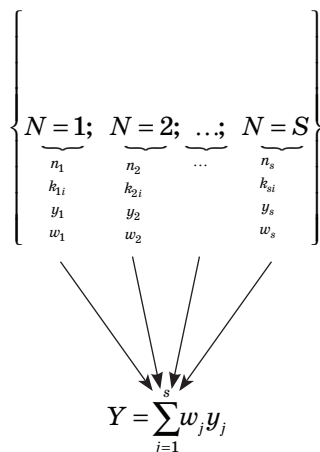
Практика показала, как и для других инфраструктурных проектов, что затраты можно существенно снизить, если предварительно рассмотреть несколько альтернатив, чтобы выбрать наиболее экономически эффективный и экологически целесообразный вариант. Одним из подходов к решению этой задачи является математическое моделирование. Однако, как показано в [1], для такого рода задач существует ряд методологических трудностей. Они заключаются в необходимости интегрирования большого количества уравнений, многочисленности входных данных, сложных природных условиях, которые далеко не просто формализовать традиционно используемой системой показателей. Эти трудности обусловлены тем обстоятельством, что такого рода открытые системы в принципе не имеют точного решения, и все попытки их описания в лучшем случае можно рассматривать как технические аппроксимации.

Выход из ситуации может быть найден посредством включения в базовую модель экспертных технологий, которые позволяют преодолеть ряд трудностей за счет экспертных оценок сложно формализуемых составляющих модели. В таких моделях все группы факторов могут быть исчерпывающе представлены векторами показателей и весовых коэффициентов, получаемых путем опросов экспертов. При этом число самих факторов не ограничено, поскольку не влияет на вычисления конечных интегральных показателей, что является, как отмечено выше, существенным ограничением на дифференциальные и аналогичные им модели.

Построим общую модель системы следующим образом. В пространстве факторов $R^{n_1} \times R^{n_2} \times \dots \times R^{n_s}$ введем вектор-факторы $F_j = (f_{j1}, f_{j2}, \dots, f_{jn_j}) \in R^{n_j}$. В первой свертке $\Phi: R^{n_1} \times R^{n_2} \times \dots \times R^{n_s} \rightarrow \mathbb{R}_+^S$, где $\Phi_j: F_j \rightarrow \sum_{i=1}^m k_{ji} f_{ji} = y_j$, а коэффициенты k_{pi} определяются внутри каждой группы, описываемой соответствующим вектор-фактором, $p = \overline{1, s}$. При этом $\sum_{i=1}^n k_{1i} = 1$, $\sum_{i=1}^m k_{2i} = 1$, ..., $\sum_{i=1}^l k_{si} = 1$.

Отображение $\Psi: \mathbb{R}_+^s \rightarrow \mathbb{R}_+$ задает вторую свертку:

$$(y_1, y_2, \dots, y_s) \rightarrow \sum_{j=1}^s w_j y_j, \quad \sum_{j=1}^s w_j = 1.$$

Этот случай был «идеальным» в том смысле, что все вектор-факторы полностью и однозначно определены. Однако в реальной жизни далеко не всегда показатели вектор-факторов известны, или известны с необходимой точностью. Кроме того, могут быть и скрытые факторы, выявление которых мы сейчас рассматривать не будем, чтобы чрезмерно не усложнять задачу.

Рассмотрим случай с наличием «неопределенных» факторов (скрытые факторы отнесём к этой категории). Переформатируем строку, содержащую $\sum_{j=1}^s n_j$ компонент, из $R^{n_1} \times R^{n_2} \times \dots \times R^{n_s}$ в вектор размерности $q + 1$ следующим образом. Соберем все «определенные» значения в первые q позиций, а последнюю координату зарезервируем под «неопределенность»:

$$\left(\underbrace{z_1, z_2, \dots, z_q}_{\text{зона определенности}}, \underbrace{z_0}_{\text{зона неопределенности}} \right),$$

где $z_1, z_2, \dots, z_q$ — числа из $\mathbb{R}_+$; z_0 — нечеткое число (по Л. Заде [2]).

Введем весовые коэффициенты v_1 и v_0 , где v_1 — доля «определенности» и v_0 — доля «неопределенности», $v_1 + v_0 = 1$; $v_1, v_0 \geq 0$. Тогда $Z = \sum_{j=1}^q z_j x_j$, где: x_j — весовые коэффициенты в зоне «определенности» $\sum_{j=1}^q x_j = 1$, $x_j > 0$. Итоговый показате

ль имеет вид $Q = v_1 Z + v_0 z_0$, в котором составляющая $v_0 z_0$ — нечеткое число. Пусть μ — функция принадлежности нечеткого множества, при этом $z_0 = \mu(\beta)$, где $\beta \in (\gamma, \delta)$. Тогда оценку $Q = v_1 Z + v_0 \mu(\beta)$ можно заменить на $Q' = v_1 Z + v_0 \varepsilon$, где $v_1 Z$ — число, а ε — некоторая численная оценка для соответствующего нечеткого множества A . Следуя подходу, предложенному в [3], в качестве такой оценки может быть выбрано, например, среднее значение нечёткого множества A , которое

рассчитывается как $\varepsilon(A) = \frac{\sum_{i=1}^N a_i \mu(a_i)}{\sum_{i=1}^N \mu(a_i)}$, где a_i — произвольное нечеткое множество,

в данном случае — это интервал, определяемый экспертным путем.

Для реализации модели нужно оценить соразмерность главной части $v_1 Z$ и ε . Покажем, как это можно сделать на конкретной задаче. В качестве примера возьмем проблему выбора альтернативы строительства нефтегазовой транспортной инфраструктуры для доставки углеводородов из Коротайхинской впадины до отгрузочного терминала. Отметим, что проблема несбалансированности показателей характерна также и для других экономических проблем в АЗ РФ [4].

На северо-востоке Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции в пределах Коротайхинской впадины имеется существенный резерв наращивания разведанной сырьевой базы углеводородов [5]. Он связан с вовлечением в освоение невос требованных перспективных нефтегазовых объектов зонального и локального уровня. Схема возможных альтернативных вариантов вывоза углеводородных ресурсов из Коротайхинской впадины приведена на рис. Южное направление (вар. 1) в сторону Усинска и северное направление до Варандейского терминала (вар. 2) предполагают трубопроводный транспорт нефти. Вар. 3 до Индиги следует рассматривать главным образом для вывоза природного газа.

Решить в первом приближении проблему выбора наиболее перспективной альтернативы можно посредством ранжирования факторов с учетом их весовых коэффициентов [6]. В этой задаче факторы разбиты на группы, часть из которых

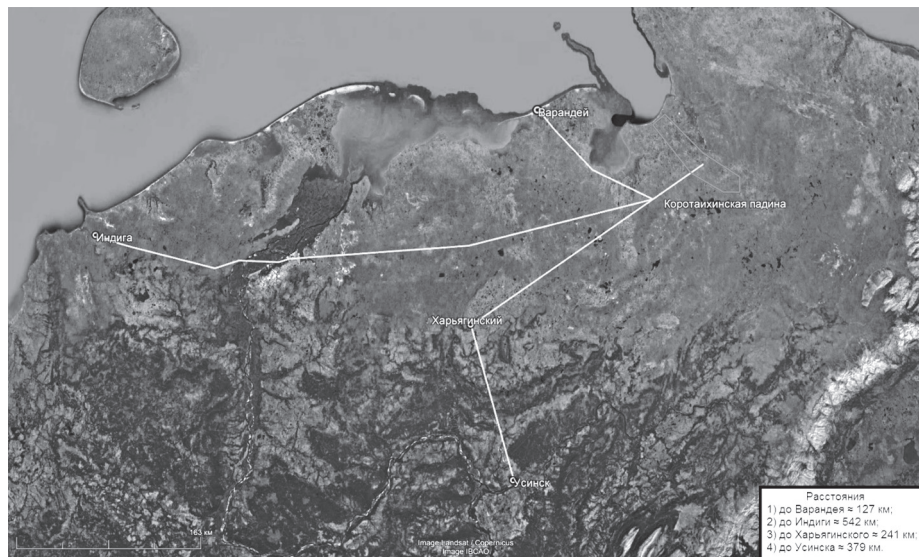

Рис. Схема альтернатив транспортировки нефтяных углеводородов из Коротайхинской впадины

Fig. The scheme of alternatives of transportation of oil hydrocarbons from the Korotaykha foredeep

можно оценить достаточно точно — экономические факторы. Другая часть — природно-экологические, точному расчету поддается с трудом.

В качестве интегрального показателя альтернативы выбраны ранговые оценки факторов с учетом их значимости. Расчеты проводятся по формуле $R = \sum_{i,j=1}^N k_i r_{ij}$,

где R — суммарная оценка ранга альтернативы; r_{ij} — ранг i -го фактора j -й альтернативы; k_i — весовые коэффициенты факторов. Обоснование факторов и расчет их весовых коэффициентов методом анализа иерархий выполнен в работах [7, 8, 9]. Ранжирование факторов по каждой альтернативе выполнено экспертным путем по принципу: чем хуже условия, тем выше ранг. При равенстве оценок в соответствии с рекомендацией Д. Химмельблау [10] ранги усреднялись. Исходные данные и результаты расчетов приведены в табл. 1.

Наилучшие показатели у первого варианта, наихудшие у второго, третий вариант занимает промежуточное значение.

Полученные результаты позволяют нам в первом приближении оценить соотношения между «нечеткими» составляющими — природно-экологическими факторами и «числовыми» — экономическими факторами. Для этого по вышеприведенной формуле оценки рангов необходимо рассчитать частные суммы рангов для природно-экологических и экономических факторов по каждой альтернативе и разделить их (табл. 2).

Как видим, величина этих соотношений достаточно значима и ее нельзя свести к погрешности метода оценки. При таких величинах вклада нечетко определяемых факторов у лиц, принимающих решения, возникает неуверенность при выборе варианта. Она основана на неуверенности в достаточности исходной информации: на последующих стадиях инвестиционного процесса приведение показателей к сопоставимым величинам может кардинально изменить ситуацию.

**Ранговое ранжирование альтернатив (принцип ранжирования —
чем хуже условия, тем выше ранг)**

Table 1. Rank ranging of alternatives (the principle of ranging — than worse conditions,
the rank is higher)

Факторы	ВК	Альтернативы		
		1	2	3
Экологические	9,5			
Особо охраняемые природные территории	3,88	1	2	3
Водоохранные зоны водотоков и водоемов	2,21	2	1	3
Зоны повышенной биопродуктивности	2,18	3	1.5	1.5
Степень загрязненности природной среды	1,02	1	2	3
Климатические	5.4	—	—	—
Ветровой режим	0,89	1	3	2
Температурный режим	1,14	1	3	2
Режим осадков	0,99	1	3	2
Опасные гидрометеорологические явления	2,26	1	3	2
Гидрологические	9,0			
Заболоченность территории	3,48	1	3	2
Переходы через водотоки и водоемы	2,70	2	1	3
Уровенный режим	1,10	1	3	2
Ледовый режим	1,52	2	3	1
Физико-географические и геологические	10,6			
Рельеф	2,28	3	1	2
Почвенные условия и грунты	1,50	1	3	2
Ресурсный потенциал	3,97	3	2	1
Криогенные процессы	2,83	1	3	2
Экзогенные процессы	2,68	1	3	2
Сейсмичность	2,30	2,5	1	2,5
Капитальные затраты	17,9			
Стоимость оборудования	6,57	1	3	2
Стоимость строительно-монтажных работ и услуг	5,81	1	3	2
Пошлины на импортное оборудование	2,91	1	3	2
Стоимость кредитных ресурсов	3,82	2.5	2.5	1
Получение доступа к источникам сырья	2,73	1	3	2
Текущие затраты	17,9			
Тарифы на электроэнергию для транспортировки	2,84	1	3	2
Стоимость фрахта	5,34	1	3	2
Стоимость услуг магистрального трубопровода	5,51	1	3	2
Размер акцизов, таможенных пошлин и НДС	3,79	1	2.5	2.5
Доходы	29,7			
Цена на нефть	13,46	2	2	2

Факторы	ВК	Альтернативы		
		1	2	3
Налоги, сборы во внебюджетные фонды	3,29	1	2	3
Валютный курс	4,98	1	3	2
Средний ранг		145.91	248.265	205.705
Результат		1	3	2

Таблица 2

**Соотношения между природно-экологическими
и экономическими факторами альтернатив**

Table 2. Ratios between natural, ecological, and economic factors of alternatives

Факторы	Альтернатива (вариант)		
	1	2	3
Природно-экологические	65,67	85,67	82,24
Экономические	80,24	162,595	123,465
Соотношение, %	81,8	52,7	66,6

Эта проблема — наличие неопределенности между двумя потоками информации, в последнее время приобретает всеобщий характер [11]. Связано это с отставанием теории в разработке соответствующих показателей влияющих факторов применительно к решаемым прикладным задачам, число которых стремительно увеличивается. А поскольку точного решения такого рода задач не существует в принципе, поиск приемлемого решения — числового значения критерия, может быть получен только экспертным путем — опросом лиц, принимающих решения. Эта проблема вполне решаема. Один из путей указан в настоящей статье, если представить экспертные оценки как нечеткие числа, что требует специальных исследований, выходящих за рамки настоящей публикации и планируется авторами в ближайшем будущем.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Предложенный подход позволяет свести все многообразие показателей, используемых при моделировании сложных систем, к конечному числу вектор-факторов. При этом возникают неопределенности, которые, по крайней мере, можно с наперед заданной точностью оценить сверху.
2. В рассмотренной задаче экономические факторы преобладают над природно-экологическими, причем это превосходство весьма заметное.
3. Соотношения между обычными числовыми оценками и нечеткой составляющей не являются постоянными и весьма различаются у разных альтернатив.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Разработка модели организации управления трансконтинентальными перевозками по высокоширотной трассе Северного морского пути». № гос. регистрации AAAA-A17-117033010116-2

Литература

1. Антипов Е. О., Тугугин А. Г., Коробов В. Б. Проблемы осуществления транспортировки грузов в Арктической зоне Российской Федерации морским путем // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 72–79.
2. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. М. : Мир, 1976.

3. Орлов А. И. Организационно-экономическое моделирование. Ч. 1. Нечисловая статистика. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009.
4. Павленко В. И., Меламед И. И., Куценко С. Ю., Тутыгин А. Г., Авдеев М. А., Чижова Л. А. Основные принципы сбалансированного социально-экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации // Власть. 2017. № 6. С. 7–17.
5. Сарычев В. В., Цыбин В. Ф., Губайдуллин М. Г. Нефтегазоперспективные комплексы Кортаихинской впадины Тимано-Печорской впадины / Сб. статей по материалам юбилейной конф., посв. 100-летию ПГУ «Геология и полезные ископаемые Западного Урала. Пермь : ПГНИУ, 2016. С. 112–116.
6. Коробов В. Б. Эколого-географическое обоснование экспертной оценки создания нефтяной транспортной инфраструктуры севера Тимано-Печорской провинции : дис. ... д-ра геогр. наук. М. : ИГ РАН, 2004.
7. Губайдуллин М. Г., Коробов В. Б., Сарычев В. В. Анализ значимости факторов, влияющих на развитие нефтяной транспортной инфраструктуры в северо-восточной части европейского севера России // Проблемы сбора, подготовки и транспорта нефти и нефтепродуктов. 2017. Вып. 4 (110). С. 138–145.
8. Губайдуллин М. Г., Коробов В. Б., Сарычев В. В. Факторы транспорта нефти // Деловой журнал Neftegaz.ru. 2017. № 3. С. 87–91.
9. Юдахин Ф. Н., Губайдуллин М. Г., Коробов В. Б. Экологические проблемы освоения нефтяных месторождений севера Тимано-Печорской провинции. Екатеринбург : УрО РАН, 2002.
10. Химмельблау Д. Анализ процессов статистическими методами. М. : Мир, 1973.
11. Джордан Д. Роботы / Джон Джордан: пер. с англ. М. : Издательская группа «Точка», 2017.

Об авторах:

Тутыгин Андрей Геннадьевич, заведующий лабораторией моделирования социально-экономических систем ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН» (Архангельск, Российская Федерация); кандидат физико-математических наук, доцент; andgt64@yandex.ru

Коробов Владимир Борисович, главный научный сотрудник лаборатории моделирования социально-экономических систем ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН» (Архангельск, Российская Федерация); директор Северо-Западного отделения Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва, Российская Федерация); доктор географических наук; korobov@atknnet.ru

Губайдуллин Марсель Галиуллович, главный научный сотрудник лаборатории моделирования социально-экономических систем ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН» (Архангельск, Российская Федерация); заведующий кафедрой транспорта, хранения нефти, газа и нефтегазопромыслового оборудования Северного арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация); доктор геолого-минералогических наук, профессор; m.gubaidulin@narfu.ru

Чижова Людмила Александровна, старший научный сотрудник лаборатории моделирования социально-экономических систем ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН» (Архангельск, Российская Федерация); кандидат экономических наук, доцент; chijova.mila@yandex.ru

References

1. Antipov E. O., Tutygin A. G., Korobov V. B. Problems of Implementation of Freights Transportation in the Arctic Zone of the Russian Federation by Sea // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 11. P. 72–79. (In rus)
2. Zade L. Concept of a linguistic variable and its application to adoption of approximate decisions. M. : World, 1976. 167 p. (In rus)
3. Orlov A. I. Organizational and economic modeling. Part 1. Non-numerical statistics. M. : BMSTU publishing house, 2009. 541 p. (In rus)
4. Pavlenko V. I., Melamed I. I., Kutsenko S. Yu., Tutygin A. G., Avdeev M. A., Chizhova L. A. Basic principles of the balanced social and economic development of territories of the Arctic zone of the Russian Federation // Power [Vlast']. 2017. N 6. P. 7–17. (In rus)

5. Sarychev V.V., Tsybin V.F., Gubaidulin M.G. Oil and gas potential complexes of the Korotai Kha foredeep of the Timan-Pechora foredeep / Collection of articles of the 100th anniversary of the PSU. "Geology and minerals of the Western Urals". Perm : PSSRU, 2016. P. 112–116. (In rus)
6. Korobov V.B. Ecological and geography justification of expert assessment of creation of oil transport infrastructure of the North of the Timan-Pechora province : Doctoral dissertation. M. : IG RAS, 2004. 422 p. (In rus)
7. Gubaidulin M.G., Korobov V.B., Sarychev V.V. The analysis of the importance of the factors influencing development of oil transport infrastructure in a northeast part of the European North of Russia // Problems of collecting, preparation and transport of oil and oil products [Problemy sbora, podgotovki i transporta nefti i nefteproduktov]. 2017. Issue 4 (110). P. 138–145. (In rus)
8. Gubaidulin M.G., Korobov V.B., Sarychev V.V. Oil transport factors // Business journal Neftegaz.ru [Delovoi zhurnal Neftegaz.ru]. 2017. N 3. P. 87–91. (In rus)
9. Yudakhin F.N., Gubaidulin M.G., Korobov V.B. Environmental problems of development of oil fields of the North of the Timan-Pechora province. Yekaterinburg : UB RAS, 2002. 314 p. (In rus)
10. Himmelblau D. Analysis of processes by statistical methods. M. : World, 1973. 957 p. (In rus)
11. Jordan J. Robots / John Jordan: translation from English M. : Publishing group Point , 2017. 272 p. (In rus)

About the authors:

Andrey G. Tutygin, Head of the Laboratory of Modeling socio-economic systems, Federal Center for Integrated Arctic Research named after academician N.P. Laverov Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation); PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; andgt64@yandex.ru

Vladimir B. Korobov, Chief Research Worker of the Laboratory of Modeling Socio-Economic Systems, Federal centre for integrated Arctic research named after academician N.P. Laverov Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation); Director of the Northwest branch, Institute of Oceanology named after P.P. Shirshov Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Doctor of Science (Geography); korobov@atknet.ru

Marcel H. Gubaidullin, Main researcher of the Laboratory of Modeling socio-economic systems, Federal centre for integrated Arctic research named after academician N.P. Laverov Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation); head of the Department of transport, storage of oil, gas and oilfield equipment, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation); Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor; m.gubaidulin@narfu.ru

Lyudmila A. Chizhova, Senior Scientific Worker of the Laboratory of Modeling socio-economic systems, Federal centre for integrated Arctic research named after academician N.P. Laverov Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation); PhD in Economics, Associate Professor; chijova.mila@yandex.ru

Результаты изменения социальной структуры общества при социализации земельной ренты как альтернативы налогообложению

Антончева О. А.^{1, *}, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Одной из важных теоретических и практических проблем является выбор способа социализации земельной ренты. Сложность его решения обусловлена, в том числе, дискуссионностью самого вопроса о необходимости такого рода социализации. Между тем, если земельная рента была бы переведена в общественное достояние, то полученных обществом объемов средств могло бы быть достаточно для финансирования расходов государственного бюджета, соответственно, налоги были бы отменены. Очевидно, что социальная структура общества вследствие таких институциональных преобразований изменится. Автор проекта социализации земельной ренты и замены ею налогов Генри Джордж считал, что в этом случае произойдет повышение удельного веса частных собственников (или же утвердится представление, что повышение удельного веса частных собственников произойдет). Результатом и реального, и лишь потенциального увеличения количества частных собственников, станет сокращение числа безработных, также до уровня, диктуемого рыночным равновесием, понизится удельный вес бедных. А количество бедных, обязанных своей бедностью искажениям рыночного равновесия, сократится до нуля. Социальные последствия проекта Джорджа описывались как идеальные общественные условия в доктринах *laissez-faire*, либертарианства и солидаризма. В уникальных исторических условиях эпохи Перестройки стало возможным измерить земельную ренту строго в соответствии с определениями Джорджа. Проект Джорджа, таким образом, был реализован симуляционным образом в условиях, близких к современным. Следовательно, выводы Джорджа об изменениях в социальной структуре общества вследствие социализации земельной ренты можно экстраполировать на современные условия, но с поправками на изменения, обусловленные спецификой постиндустриального общества.

В настоящей работе авторы ввели в теорию Джорджа новый параметр, обусловленный современными реалиями, и рассмотрели, как возникающая проблема решается современной экономической теорией, т.е. искажает ли решение проблемы ценности Джорджа или же вписывается в них. В случае положительного ответа на данный вопрос можно было бы сделать вывод о возможности экстраполяции социальных последствий проекта Джорджа и на современное общество. Таким параметром стала проблема уплотнительной застройки, естественная в силу увеличения производительности использования земли в случае гипотетической социализации земельной ренты, а решением проблемы — теория Р. Коуза. Поскольку апологетика Коузом специализированных прав собственности позволяет вписать в себя доктрину Джорджа, можно считать повышение удельного веса частных собственников — вследствие социализации земельной ренты — изменением социальной структуры общества.

Ключевые слова: земельная рента, социализация земельной ренты, замена налогов социализацией земельной ренты, социальная структура общества, изменение социальной структуры общества, частная собственность, право частной собственности, специализированное право собственности

A Socialized Land Rent as Alternative to Taxation and the Change of Social Structure

Olga A. Antoncheva^{a, *}, Tatiana E. Apanasenko^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

^bIndependent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

There are many ways to measure a land rent. During Perestroika there were historical conditions which allowed to measure a land rent as it was wanted by Henry George, the author of the project of socialization of a land rent as alternative to a taxation. (Among these conditions there is a finding of earth in public property, lack of the mechanism of pricing of the earth, partial privatization of the earth with its delivery for lease by a part of new owners). We cannot precisely measure change of social structure owing to socialization of a land rent as alternatives to taxation. But our methods coincide with George's methods. George as author of the project of socialization of a land rent precisely knew social consequences. For the sake of social consequences he also stated all this. According to George socialization of a land rent will lead to increase in specific weight of private owners and also those who one ready to become the private owner potentially, with those positive consequences what attributed to this phenomenon *laissez-faire*, libertarianism and solidarism. Destruction of poverty and unemployment goes a bonus.

If to enter into the picture of social prosperity painted by George modern realities, then the arising problems are solved by the doctrine of the specified property rights of R. Coase.

As George and Coase do not contradict each other in the apologetics of specification of the rights of a private property, such change of social structure owing to socialization of a land rent as increase in specific weight of private owners, it is possible to take for granted.

Keywords: land rent; socialization of a land rent; socialized land rent as alternative to taxation; social structure; change of social structure; private property, rights of a private property; the specialized property rights

Введение

При теоретически обоснованном намерении социализировать земельную ренту в качестве альтернативы налогообложению ради повышения социальной справедливости и экономической эффективности возникают практические задачи ее измерения. На этом этапе появляются некоторые трудности, поскольку методы определения величины земельной ренты не очевидны.

В настоящей работе мы рассмотрим методологию определения величины дифференциальной земельной ренты, применяемой российскими джорджистами эпохи Перестройки [10, 15, 16, 17]. Можно выделить и другие методы [3, 5–9, 12, 13, 18]. Однако подход российских джорджистов представляет наибольший интерес в связи с целями настоящей работы по двум причинам. Во-первых, он необычайно идеологически ярок, т. е. исходит из вполне определенной парадигмы со своими представлениями о социальной структуре общества; о политических, социальных и экономических ценностях; об участии элементов социальной структуры в экономических процессах и о том, как изменение в сфере экономических обменов между классами изменяет и социальное положение классов, и реализацию определенных политических ценностей. Другими словами, если рассматривать, как социализация земельной ренты изменит социальную структуру общества, сами предпосылки теории российских джорджистов уже содержат ответ на данный вопрос, нам остается только рассмотреть, насколько этот ответ согласуется с представлениями иных парадигм, исходящих из тех же идеологических ценностей. Во-вторых, российские джорджисты создавали свои теории в исторически абсолютно уникальной обстановке: земля все еще находилась в общественной собственности, хотя ее приватизация уже была предопределена целями государственной политики; механизма ценообразования земли еще не существовало. Эти обстоятельства необычайно обострили идеологическую чистоту джорджистского эксперимента: величина ренты определялась буквально по Джорджу, когда реальные обстоятельства не могли служить ограничителем чистой теории. Поэтому российских джорджистов с большим правом, чем любых других сторонников изъятия земельной ренты в пользу общества, можно отождествить

с самим Джорджем, и результаты изменения социальной структуры общества при социализации земельной ренты как альтернативы налогообложению мы будем рассматривать исходя из джорджистской перспективы.

Задачи настоящей работы:

- показать, что метод определения земельной ренты Джорджа был применен на практике в исторически уникальной обстановке буквально;
- рассмотреть социальные последствия социализации земельной ренты в доктрине Джорджа;
- определить место результата социальных изменений джорджистского преобразования общества в системе идеальных типов социально-политического устройства;
- сделать поправки к рецепту Джорджа, исходя из современных реалий, и определить место скорректированного результата изменений джорджистского преобразования общества в системе идеальных типов социально-политического устройства.

Проблемы измерения земельной ренты

Методы определения величины земельной ренты действительно не очевидны, хотя, например, Марк Блауг, исследователь творчества Генри Джорджа так не считает: «С технической точки зрения осуществить замысел Джорджа нисколько не труднее, чем провести различие между доходом и капиталом при взимании прогрессивного подоходного налога» [2, с. 78].

Однако сам Джордж [25, 26] существенно модифицировал определение ренты Рикардо, теорию которого он в целом принимал без критики, именно из-за того, что в определении Рикардо рента не поддавалась однозначному измерению.

В самом деле, согласно теории Рикардо, рента получается, потому что количество земли не беспредельно, а качество неодинаково. Если свободной земли больше, чем собственников, рента не возникает, так как никто не станет платить за землю, раз есть еще масса бесплатной, не обращенной в собственность земли. Рента получалась бы и тогда, когда землевладельцы отказались бы от нее, и цена сельскохозяйственного продукта не понизилась бы, потому что отказ землевладельцев от ренты не уменьшил бы количество труда, которое необходимо затрачивать на худших участках.

Самые худшие участки не дают ренты. Запас лучших земель ограничен. Земель на границе обработки достаточно для покрытия существующего спроса на земледельческие продукты. Но при росте населения повысится и спрос, тогда надо будет обратиться к еще худшим участкам, которые не будут давать ренты, но будут оплачивать труд и капитал, а в труде и капитале при данном состоянии спроса не будет недостатка. При этом те земли, которые были худшими до обращения к еще более худшим и не давали ренты, начнут ее давать.

Таким образом, источник ренты — то обстоятельство, что стоимость земледельческого продукта определяется затратами труда и капитала на **границе обработки**.

Эта граница в данном определении намечается только экстенсивно, путем последовательного расширения обрабатываемой площади. Рикардо указывает и интенсивный предел обработки, однако для вывода такого определения, которое даст метод измерения ренты, более интересен экстенсивный предел обработки Рикардо.

Определение ренты Рикардо: рента — это плата за существующие в ограниченном количестве естественные преимущества для тех, кто владеет их источником.

Джордж принимал определение Рикардо, согласно которому сумма земельной ренты определяется избытком производимой на ней продукции над тем, который может давать наименее плодородная земля, используемая таким же образом, часто называемая еще **«границей производства»**, но, однако, критиковал его, считая, что в такой формулировке закон ренты может представлять сложность даже

для образованного и пытливого человека, особенно для тех, кто привык мыслить не абстрактными, а конкретными категориями. Можно, например, услышать такое: «Где эта „границная земля“, покажите мне ее». Возможный путь обхода этой сложности, весьма непростой, когда дело доходит до городской земли, — рассматривать в первую очередь не землю, а процесс производства и обмена и сформулировать закон так. Земельная рента — это специфическая, не произвольная величина, представляющая собой доход на собственность сверх минимального дохода, при котором эту землю будет еще кто-нибудь арендовать. Богатство складывается из ренты, заработной платы и процента на капитал.

Так Джордж сформулировал определение ренты, при котором ее возможно измерять.

Критики Джорджа, однако, вообще не поняли, что он имел в виду, хотя данное непонимание можно списать и на умышленное, обусловленное классовой неприязнью. Главное обвинение проекта Джорджа состояло в том, что последний якобы угрожал конфискацией дохода от улучшения земель, приложения к ней капитала, другими словами, посягал на права частной собственности (на капитал, а не на землю), поскольку разграничить ренту, проистекающую от природных преимуществ земли, и ренту, обязанную своим существованием приложению к земле капитала, в методе измерения ренты Джорджем обнаружить невозможно. Однако Джордж стремился вычестить доходы от улучшения качества земельных участков из суммы земельной ренты, подлежащей изъятию в пользу государства. «Единый налог» был задуман для того, чтобы свести к нулю цену земли как пространства, не трогая рентные доходы от собственности, находящейся на этой земле, его целью было уравнивание всей собственности независимо от ее местоположения.

Джордж предлагал, чтобы землевладельцы раз и навсегда дали компенсацию за все рентные доходы, которые будут обложены налогом и начнут уходить в казну, тем самым его идея сводится к предложению взимать налог только с будущих приростов рентного дохода. А между тем, вся критика, направленная против Джорджа, требовала, чтобы он разграничил налог на цену участков и налог на улучшения.

«Точную сумму рентной стоимости назвать невозможно, так как она зависит от большого количества факторов» [15, с. 3].

Затруднились определить эту величину и сами руководители бизнеса. «В преддверии бесплатной приватизации земли в 1992 г. тем не менее существовал частный земельный рынок, хотя опрос новоявленных бизнесменов в январе 1993 г. показал, что сами они не понимают, что происходит, если речь заходит о разделении дохода на заработную плату, прибыль и ренту» [10, с. 11].

Буквальное определение ренты по Джорджу в эмпирических исследованиях 1990-х годов

Доказательство эффективности социализации земельной ренты в утилитаристских терминах, предпринятой российскими джорджистами эпохи Перестройки, состоит в следующем.

Рента приравнивается к арендной плате, берется со всех собственников, дифференцируется по основанию удачного положения земельного участка; сумма рент со всех земельных участков территориального образования сопоставляется с его бюджетом, и делается вывод, что рента способна заменить все налоги [10].

Если бы земля уже была в частной собственности, и уже заработал бы механизм ценообразования на нее, измерить ренту было бы сложнее; ведь наши исследователи исходили из гипотезы, что каждый экономический субъект, пользующийся землей, платит арендную плату государству, а дальше надо было только дифференцировать эту арендную плату по выгоде местоположения земельного участ-

ка; сам минимальный размер арендной платы определялся по прецеденту действительной арендной платы тем немногим собственникам земли, которым удалось одним из первых ее приватизировать.

Именно в таких условиях (земля не продавалась, а приватизировалась бесплатно) действовало допущение, что арендная плата тождественна плате за местоположение, а не за капитальные вложения, а ведь именно трудность разделить две последние категории и препятствует возможности измерить ренту буквально по Джорджу в каких бы то ни было иных исторических условиях.

Для нас здесь важно определение ренты.

Сами исследователи формулируют определение ренты так. Рентная стоимость — это сумма, которую готовы заплатить люди за выгоды, даваемые земельным участком вследствие его местоположения, возможных видов деятельности, инвестиций общества; за получение права пользоваться теми преимуществами, которые связаны с конкретным участком земли. Сумма, которую предприятие может предложить за подходящий участок, точно определяется на рынке и называется рентой.

В этом определении рента отождествляется с суммой, превышающей минимальную арендную плату. Это было верно в уникальных исторических условиях, когда земля была еще в общественной собственности и стоимость ее была равна нулю. Уникальные исторические условия, в которых рента могла быть отождествлена с разницей с минимальной арендной платой, позволили измерить ее по Джорджу абсолютно буквально. Ср. у Джорджа: «земельная рента — это специфическая непроизвольная величина, представляющая собой доход на собственность сверх минимального дохода, при котором эту землю будет еще кто-нибудь арендовать. У джорджистов минимальный доход — та часть дохода предприятия, которая превышает его затраты по оплате труда и капитала. Он и равен арендной плате (помним, что у нас парадигма, отрицающая эксплуатацию и неэквивалентный обмен между затратами факторов производства и доходов на них). Там, где этот минимальный доход равен арендной плате, и проходит рикардианская «граница обработки». Все, что сверх минимальной арендной платы, и образует земельную ренту.

Раз метод Джорджа был применен буквально, значит, и социальные последствия замены налогов рентой должны совпадать с теми, которые выводил из своего проекта сам Джордж.

Социальные последствия замены рентой налогов по Джорджу

По представлениям Джорджа, последствием социализации земельной ренты должно быть ни много ни мало, а наступление условий идеального рыночного равновесия, совершенной конкуренции, при которой не создается избытка рабочей силы, другими словами, автоматически ликвидируется безработица, и наступает конец невынужденной, т. е. не обусловленной законами рыночного равновесия бедности.

Ликвидация спекуляции на земельных ценах покончит как с экономическими кризисами, так и с несправедливостью присвоения незаработанного дохода.

Откроются возможности для приложения частной инициативы — за счет расширенного предложения свободных земель и отмены налогов.

Все перечисленные социальные последствия проекта Джорджа достаточно очевидны, кроме одного — ликвидации безработицы и бедности. В самом деле, картина, рисуемая Джорджем, укладывается скорее в ценностные представления идеологий *laissez-faire*, солидаризма [27, 28, 30] или либертарианства [20]; борьба же с бедностью и безработицей — это прерогатива идеологических парадигм, враждебных вышеперечисленным, опирающимся более на ценности кейнсианства, этатизма и социализма.

Схема уничтожения безработицы и бедности, согласно Джорджу, выглядит так.

До тех пор, пока существует возможность — или люди думают, что она существует — заработать на жизнь самим по себе, работая на себя, работодатели вынуждены платить наемным работникам соответственно не меньше, чем они, по их мнению, могли бы заработать сами на себя. Этот принцип верен, пока существуют незанятые земли, или пока люди думают, что они существуют. До этих пор средний уровень заработной платы не упадет ниже ожиданий, основанных на качестве аналогичных земель тех, кто собирается их занять.

Но что происходит, когда все земли заняты? Большинство людей вынуждено искать работу на предприятиях других. В этих обстоятельствах базовый уровень заработной платы упадет до низшего уровня, на который согласны ищущие работу.

Социализация земельной ренты кладет конец непроизводительному владению землей, эта мера заставит владельцев выставить на рынок все потенциально продуктивные земли в соответствии с текущими потребностями в них, делая их таким образом доступными на равных условиях всем, у кого есть желание и возможность использовать их, которые, в свою очередь, станут искать работников, а не наоборот. Заработная плата поднимется до своего естественного уровня, а именно, полного эквивалента стоимости, добавленной трудом, и с «непроизвольной» бедностью будет покончено.

Корректировка социального проекта Джорджа параметрами постиндустриального общества

Основным условием улучшения положения представителей наемного труда, по Джорджу, выступает, таким образом, представление о том, что свободным предпринимателем может стать каждый (за счет увеличившегося предложения свободных земель). В современных условиях для этого не обязательно требуется пространство, на котором можно разместить производственные мощности: часто достаточно персонального компьютера в помещении жилого фонда. Хотя, если иметь в виду большие масштабы предпринимательской деятельности, логика рассуждений Джорджа неуязвима, тем более что он настаивает даже не на реальной возможности предпринимательской деятельности для каждого, а только на представлении о такой возможности: этого достаточно для повышения уровня заработной платы даже без поддержки профсоюзов и прочих нерыночных факторов. Представления Джорджа об остальных факторах пришествия общества совершенной конкуренции — последствиях социализации земельной ренты также представляются реалистичными в современных условиях.

Проверка совместимости доктрины Джорджа с любой теорией, абсолютизирующей права собственности

Резкое ограничение возможностей непроизводительного использования земли приводит и к очевидным последствиям, ухудшающим жизнь людей. Например, к уплотнительной застройке. Рассмотрим, как данная проблема решается экономической теорией, и, если экономическая теория, способная данную проблему решить, окажется не противоречащей аксиоматическим посылкам и ценностям теории Джорджа, социальные последствия применения доктрин *laissez-faire*, солидаризма и либертарианства смело можно экстраполировать и на последствия замены налогов земельной рентой.

Оптимизацию проблемы уплотнительной застройки мы найдем в теории прав собственности Р. Коуза [22], в перечень которых входит право на безопасность, т.е. право на защиту от экспроприации благ, а также от вреда со стороны внешней среды. По Коузу, единственная проблема состоит в том, что право каждого на чистый воздух и красивый вид из окна не определено в виде специфицированных прав

собственности. Как только правомочия на качественное пространство, окружающее дома, будут закреплены за собственниками жилья, вступит в силу известное положение теоремы Коуза об интернализации внешних эффектов, т.е. принятия выгод и убытков, связанных с внешними эффектами, экономическими агентами, принимающими решение о вступлении в права собственности, что гарантирует оптимальное принятие решения каждым экономическим агентом; это решение является оптимальным и для рынка в целом.

Таким образом, проект Джорджа с его абсолютизацией частной собственности и разграничением собственности и тонкими различиями прав на доходы от нее, упованием на рыночное равновесие, гарантирующим отсутствие безработицы, как только оно достигнет своего чистого состояния, и естественным современным последствием в виде уплотнительной застройки легко вписался в систему Коуза¹ с ее апофеозом принцип *laissez-faire* и абсолютизацией положения о распространении прав частной собственности на те ресурсы, на которые они еще не распределены.

Выводы

Поскольку применение доктрины Коуза расширяет права частной собственности вместе с идеологическим шлейфом ценностей, который тянется за данным понятием, социальными последствиями замены налогов социализированной земельной рентой можно считать равновесное состояние рынка; процветание частной инициативы со всеми политическими последствиями, поскольку средний класс является опорой демократии [1, с. 508; 4; 11; 14; 19; 21; 23; 24, с. 3]; решение проблем безработицы и бедности без вмешательства в саморегулирующийся рынок. Социальная структура общества, соответственно, изменяется в направлении повышения удельного веса частных собственников.

Литература

1. Аристотель. Политика // Сочинения. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 375–644.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М. : Дело ЛТД, 1994.
3. Витивицкий В. В., Вакулина Ю. В. Земельная рента и системы измерения продуктивности в растениеводстве // Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК» (Киев). 2015. № 9 (251). С. 30–38.
4. Гончарова О. А. Место и роль среднего класса в формировании гражданского общества в России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
5. Данилов-Данильян В. И. Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и математические методы. 2004. № 3. С. 3–15.
6. Ильина Н. В., Светлов Н. М. К проблеме измерения абсолютной и дифференциальной земельной ренты // Землеустройство, землепользование и земельный кадастр: Материалы Всероссийской конференции молодых ученых и специалистов. М. : Государственный университет по землеустройству, 2004. С. 119–127.
7. Ильина Н. В., Светлов Н. М. Оценка размера земельной ренты в Московской области // Никоновские чтения. 2006. № 11. С. 384–387.
8. Кальней М. Я. Механизм паритетности доходов участников аграрного рынка на основе рентных отношений (на материалах Алтайского края) : дис. ... канд. экон. наук. Барнаул : Новосибирский государственный аграрный университет, 2008.
9. Кочергина Н. В. Математические методы измерения земельной ренты в сельском хозяйстве : дис. ... канд. экон. наук. М. : Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, 2006.
10. Роскошная Т., Харрисон Ф. Экономическое преобразование городов (на примере г. Костомукши Республики Карелии). СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград»; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.

¹ О попытках вписать систему Джорджа в систему Коуза см. [31, 32, 29].

11. Трофимова М. А. Проблемы и перспективы среднего класса как наиболее вероятной движущей силы политической модернизации современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 194–197.
12. Уваров Д. В. Применение математических методов при измерении земельной ренты // Ресурсосберегающие технологии при хранении и переработке сельскохозяйственной продукции: X международный научно-практический семинар. Орел: Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина, 2010. С. 158–159.
13. Уварова М. Н. Математические методы измерения земельной ренты в сельском хозяйстве // Ресурсосберегающие технологии при хранении и переработке сельскохозяйственной продукции: IX международный научно-практический семинар. Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина, 2009. С. 45–48.
14. Умов В. И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Полис. 1993. № 4. С. 26–40.
15. Харрисон Ф. Налоговая реформа и экономика города. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград»; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
16. Чистякова Т., Харрисон Ф. Земельная рента — стратегическое оружие России. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград»; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
17. Чистякова Т., Харрисон Ф., Смит Ф. Изменение системы налогообложения и монополизация промышленности. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград»; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
18. Щипанов Э. Ю. Экономико-статистическое исследование земельной ренты: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: АзовПечать, 2011.
19. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963.
20. Boaz D. Libertarianism: A Primer. N.Y.: The Free Press, 1998.
21. Breen R., Rottman D. Class analysis and class theory // Sociology: Sage publications. 1995. Vol. 29. N 3. P. 453–473.
22. Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, The University of Chicago Press, Vol. 3 (Oct., 1960): 1–44.
23. Ellul J. Histoire des institutions. V. 1. Paris, 1955.
24. Enelone J. The Spatial Theory of Voting: An Introduction. Cambridge, 1984.
25. George H. A Single Tax on Land Values. In: Gherity J. A. (ed.). Economic Thought: A Historical Anthology. L., 1965.
26. George H. Progress and Poverty. L., 1955.
27. Hayward J. E. S. Solidarist Syndicalism: Durkheim and DuGuit: Part I // Sociological Review. 1960. N 8. Is. 1. URL: <https://doi.org/10/1111/j.1467-954X.1960.tb02608.x>.
28. Hayward J. E. S. Solidarist Syndicalism: Durkheim and DuGuit: Part II // Sociological Review. 1960. N 8. Is. 2. URL: <https://doi.org/10/1111/j.1467-954X.1960.tb01134.x>.
29. Oryioe A. R., Alwang J., Tideman N. Child Labor and Household Land Holding: Theory and Empirical Evidence from Zimbabwe // World Development. 2017. Vol. 100. P. 45–58.
30. Thompson K. Emile Durkheim. L. : Routledge, 2002.
31. Tideman N. T. Integrating Land-Value Taxation with the Internalization of Spatial Externalities // Land Economics. Vol. 66. N 3, Private Markets, Public Decisions: An Assessment of Local Land-Use Controls for the 1990s (Aug. 1990). P. 341–355.
32. Tideman N., Plassmann F. Efficient bilateral taxation of externalities // Public Choice. 2017. Vol. 173. Is. I. P. 109–130. URL: <https://link.springer.com/article/10/1007/s11127-017-0466-4>. Accessed: 17.11.2018.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Aristotle. Politics // Works. V. 4. M. : Thought, 1983. P. 375–644. (In rus)
2. Blaug M. Economic theory in retrospect. M. : Business LTD., 1994. (In rus)

3. Vitivitsky V.V., Vakulina Yu.V. A land rent and the systems of measurement of efficiency in crop production // International research and production journal "Economy of APC" [Mezhdunarodnyi nauchno-proizvodstvennyi zhurnal «Ekonomika APK»] (Kiev). 2015. N 9 (251). P. 30–38. (In rus)
4. Goncharova O.A. The place and a role of the middle class in formation of civil society in Russia: dissertation abstract. M., 2005. (In rus)
5. Danilov-Danilyan V.I. Natural rent and management of use of natural resources // Economy and mathematical methods [Ekonomika i matematicheskie metody]. 2004. N 3. P. 3–15. (In rus)
6. Ilyina N.V., Svetlov N.M. To a problem of measurement of an absolute and differential land rent // Land management, land use and the land registry: Materials of the Russian conference of young scientists and experts [Zemleustroistvo, zemlepol'zovanie i zemel'nyi kadastr: Materialy Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov]. M. : The State University on land use planning, 2004. P. 119–127. (In rus)
7. Ilyina N.V., Svetlov N.M. Assessment of the size of a land rent in the Moscow region // Nikonov readings [Nikonovskie chteniya]. 2006. N 11. P. 384–387. (In rus)
8. Kalney M.Ya. The mechanism of parity of income of participants of the agrarian market on the basis of the rent relations (on materials of Altai Krai): Dissertation. Barnaul : Novosibirsk State Agricultural University, 2008. (In rus)
9. Kochergina N.V. Mathematical methods of measurement of a land rent in agriculture: dissertation. M. : Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 2006. (In rus)
10. Roskoshnaya T., Harrison F. Economic transformation of the cities (on the example of Kostomuksha the Republics of Karelia). SPb. : Ecograd research center; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
11. Trofimova M.A. Problems and prospects of the middle class as most probable driving force of political modernization of modern Russia // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki.]. 2014. N 12 (50): in 3 parts II. P. 194–197. (In rus)
12. Uvarov D.V. Application of mathematical methods at measurement of a land rent // Resource-saving technologies at storage and processing of agricultural products: X international scientific and practical seminar [Resursosberegayushchie tekhnologii pri khraneni i pererabotke sel'skokhozyaistvennoi produktsii: Kh mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii seminar]. Orel : Orel State Agricultural University of N.V. Parakhin, 2010. P. 158–159. (In rus)
13. Uvarova M.N. Mathematical methods of measurement of a land rent in agriculture // Resource-saving technologies at storage and processing of agricultural products: The IX international scientific and practical seminar [Resursosberegayushchie tekhnologii pri khraneni i pererabotke sel'skokhozyaistvennoi produktsii: IKh mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii seminar]. Orel : Orel State Agricultural University of N.V. Parakhin, 2009. P. 45–48. (In rus)
14. Umov V.I. Russian middle class: social reality and political phantom // Political Researches [Polis]. 1993. N 4. P. 26–40. (In rus)
15. Harrison F. Tax reform and city economy. SPb. : Ecograd research center; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
16. Chistyakova T., Harrison F. A land rent — strategic weapon of Russia. SPb. : Research center Ecograd; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
17. Chistyakova T., Harrison F., Smith F. Change of a system of taxation and demonopolization of the industry. SPb. : Research center Ecograd; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
18. Shchipanov E.Yu. Economical and statistical research of a land rent: theoretical and methodological aspect. Rostov-on-Don: Azov Press, 2011. 252 p. (In rus)
19. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963.
20. Boaz D. Libertarianism: A Primer. N.Y. : The Free Press, 1998.
21. Breen R., Rottman D. Class analysis and class theory // Sociology: Sage publications. 1995. Vol. 29. N 3. P. 453–473.
22. Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, The University of Chicago Press. Vol. 3 (Oct., 1960): 1–44, doi: 10.1086/466560.
23. Ellul J. Histoire des institutions. V. 1. Paris, 1955.
24. Enelone J. The Spatial Theory of Voting: An Introduction. Cambridge, 1984.
25. George H.A Single Tax on Land Values. In: Gherity J A. (ed.). Economic Thought: A Historical Anthology. L., 1965.
26. George H. Progress and Poverty. L., 1955.
27. Hayward J.E.S. Solidarist Syndicalism: Durkheim and DuGuit: Part I // Sociological Review. 1960. N 8. Is. 1. URL:<https://doi.org/10/1111/j.1467-954X.1960.tb02608.x>.

28. Hayward J. E. S. Solidarist Syndicalism: Durkheim and DuGuit: Part II // Sociological Review. 1960. N 8. Is. 2. URL:<https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1960.tb01134.x>.
29. Oryioe A. R., Alwang J., Tideman N. Child Labor and Household Land Holding: Theory and Empirical Evidence from Zimbabwe // World Development. 2017. Vol. 100. P. 45–58.
30. Thompson K. Emile Durkheim. L. : Routledge, 2002.
31. Tideman N. T. Integrating Land-Value Taxation with the Internalization of Spatial Externalities // Land Economics. Vol. 66. N 3, Private Markets, Public Decisions: An Assessment of Local Land-Use Controls for the 1990s (Aug. 1990). P. 341–355.
32. Tideman N., Plassmann F. Efficient bilateral taxation of externalities // Public Choice. 2017. Vol. 173. Issue 1. P. 109–130. URL:<https://link.springer.com/article/10.1007/s11127-017-0466-4>. Accessed: 17.11.2018.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanasenko2008@mail.ru

Доступность услуг высшего образования: понятие и методики оценки

Блинова Т. Н.^{1, *}, Федотов А. В.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Дальневосточный институт управления РАНХиГС), Хабаровск, Российская Федерация; blinova-82@rambler.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье проанализированы различные методологические подходы к определению доступности услуг высшего образования, предложена их классификация на четыре группы по критериям: обеспечения равных возможностей получения людьми высшего образования, компиляционному (учет множества влияющих на доступность факторов), структурному (по доступности элементов системы высшего образования, составляющих в совокупности систему) и вероятностному (доступность как вероятность получить высшее образование или поступить на обучение). Показано, что первые три подхода рассматривают доступность услуг высшего образования как степень удовлетворения спроса на них. Вероятностный подход учитывает при определении доступности услуг высшего образования как спрос, так и предложение, что наиболее точно отражает сущность понятия доступности. Рассмотрены российские и зарубежные методики оценки доступности услуг высшего образования в целом, ее отдельных видов, приводятся и обосновываются авторские методики. Показано, что для ряда составляющих комплексного понятия доступности (социальной, финансовой, интеллектуальной и медицинской) методики их оценки проработаны достаточно детально, наименее исследованной остается методика оценки и управления территориальной доступностью услуг высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, определение доступности услуг высшего образования, виды доступности услуг высшего образования, методики оценки доступности услуг высшего образования, методики оценки отдельных составляющих доступности услуг высшего образования

Availability of Higher Education Services: the Concept and Methods of Evaluation

Tatyana N. Blinova^{a, *}, Alexander V. Fedotov^b

^a Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Far-East Institute of Management, Branch of RANEP), Khabarovsk, Russian Federation; Blinova-82@rambler.ru

^b Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Different methodological approaches to determining the accessibility of higher education services have been analyzed, and their classification into four groups has been proposed by the criteria: ensuring equal opportunities for people to receive higher education, compilation (accounting for a variety of factors affecting accessibility), structural (for accessibility elements of the higher education system, system) and probabilistic (accessibility as a chance to get a higher education or go on training). It is shown that the first three approaches consider the availability of higher education services as the degree of satisfaction of demand for them. The probabilistic approach takes into account, when determining the accessibility of higher education services, both demand and supply, which most accurately reflects the essence of the notion of accessibility. The Russian and foreign methods of assessing the accessibility of higher education services in general, its separate types are considered, author's methods are given and justified. It is shown that for a number of compo-

nents of the integrated concept of accessibility (social, financial, intellectual and medical), the methods for their evaluation have been worked out in sufficient detail, the least studied is the methodology for assessing and managing the territorial accessibility of higher education services.

Keywords: higher education, definitions of accessibility of higher education services, types of accessibility of higher education services, methods for assessing the accessibility of higher education services, methods for assessing the individual components of accessibility of higher education services

Проблема доступности высшего образования в российском научном сообществе стала подниматься относительно недавно — в конце 90-х годов XX в. Одними из первых исследователей, обратившихся к ее изучению, были В. И. Чупров, Д. Л. Константиновский, Е. Л. Омельченко, Е. Л. Лукьянова, Б. В. Дубин, Л. Д. Гудков, А. Г. Левинсон, Я. М. Рощина, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, О. Я. Дымарская и др. [4, 8, 9, 10, 14]. В течение 20 лет к проблеме доступности высшего образования ученые подходили с различных сторон, что привело к появлению множества точек зрения к трактовке данной дефиниции. По нашему мнению, подходы к определению доступности высшего образования можно разделить на четыре группы (табл. 1).

Наиболее распространенным подходом, в рамках которого трактуют доступность высшего образования в нашей стране, является подход обеспечения равных возможностей получения людьми высшего образования. Его сущность сводится к тому, что доступность рассматривается через призму равенства доступа к получению высшего образования всеми индивидами независимо от факторов, дифференцирующих их (социального и материального положения, территориального размещения и пр.). Данного подхода придерживаются такие авторы, как Т. П. Евсеенко, А. С. Ключев, В. В. Фурсова, В. И. Шкатулла [6, 7]. Так, Т. П. Евсеенко трактует доступность высшего образования как «совокупность реальных условий обеспечения равных возможностей для получения высшего образования индивидами независимо от их экономического положения», А. С. Ключев — как «возможность выбора различными социальными группами высшего учебного заведения, а также зачисления и обучения в нем».

В рамках компиляционного подхода к вопросу доступности высшего образования В. И. Сухочев, М. С. Рахманова подходят с точки зрения учета влияния всех факторов (видов) доступности: организационных, экономических, территориальных, академических [12]. В своей работе «Методика оценки доступности высшего образования» М. С. Рахманова пишет, что «доступность высшего образования — это совокупность организационных, экономических и академических факторов, а также финансовых и интеллектуальных возможностей и способностей абитуриентов, обеспечивающих им поступление в вузы и получение высшего образования».

Через доступность основных структурных элементов системы высшего образования (вузов, вступительных испытаний, образовательных программ и стандартов) Е. А. Аникина, Е. В. Лазарчук, В. И. Чечина рассматривают доступность высшего образования в пределах структурного подхода [1]. Авторы утверждают, что «доступность высшего образования — это доступность основных структурных элементов высшего образования, а именно высших учебных заведений, которые предоставляют услуги высокого качества, независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов, реализующих образовательные программы и государственные образовательные стандарты различного уровня и направленности, для основной массы населения независимо от социально-экономических факторов, а также доступность вступительных экзаменов, образовательных программ и образовательных стандартов с интеллектуальных позиций для основной массы населения».

Вероятностный подход к трактовке доступности высшего образования базируется либо на вероятности зачисления абитуриента в вуз (С. А. Беляков), либо на вероят-

Подходы к определению доступности высшего образования
 Table 1. Approaches to determining the accessibility of higher education

Подход	Критерий отнесения к группе	Примеры определений доступности	
		Авторы	Определения
Подход равных возможностей	Доступность как обеспечение равных возможностей получения высшего образования	А. С. Ключев	«Доступность высшего образования — это возможность выбора различными социальными группами высшего учебного заведения, а также зачисления и обучения в нем»
		Т. П. Евсеенко	«Доступность высшего образования — это совокупность реальных условий обеспечения равных возможностей для получения высшего образования индивидами независимо от их экономического положения»
		В. И. Шкатулла	«Общедоступность образования — это обеспечение доступа к образованию вне зависимости от факторов, различающих людей»
		В. В. Фурсова	«Общая доступность высшего образования — это комплекс возможностей по поступлению в высшие учебные заведения и по успешному завершению обучения»
		Ха Ванг Хоанг	«Доступность высшего образования — это равенство возможностей получения высшего образования для представителей различных социальных слоев и групп, которые дифференцированы по показателям социально-экономического статуса, культурного капитала семьи, территориальной, этнической и гендерной принадлежности»
Компильационный подход	Доступность как совокупность внешних по отношению к системе высшего образования условий, каждое из которых влияет на доступность	В. И. Сухочев	«Общая доступность высшего образования — это совокупность условий, обеспечивающих абитуриентам в комплексе организационную, территориальную, финансовую, ценовую и академические доступности высшего образования»
		М. С. Рахманова	«Доступность высшего образования — это совокупность организационных, экономических и академических факторов, а также финансовых и интеллектуальных возможностей и способностей абитуриентов, обеспечивающих им поступление в вузы и получение высшего образования»

Подход	Критерий отнесения к группе	Примеры определений доступности	
		Авторы	Определения
Структурный подход	Доступность высшего образования как совокупность доступностей отдельных элементов системы высшего образования, составляющих в совокупности систему высшего образования	Е. А. Аникина, Е. В. Лазарчук, В. И. Чечина	«Доступность высшего образования — это доступность основных структурных элементов высшего образования, а именно высших учебных заведений, которые предоставляют услуги высокого качества, независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов, реализующих образовательные программы и государственные образовательные стандарты различного уровня и направленности, для основной массы населения независимо от социально-экономических факторов, а также доступность вступительных экзаменов, образовательных программ и образовательных стандартов с интеллектуальных позиций для основной массы населения»
Вероятностный подход	Доступность как вероятность получить высшее образование или поступить на обучение	Я. М. Рощина	«Фактическая (реальная) доступность высшего образования — это вероятность (шанс) получить высшее образование»
		С. А. Беляков	«Доступность высшего образования характеризуется вероятностью для абитуриента занять место в вузе (бесплатное или по договору с полным возмещением затрат)»

Источник: [1, 6, 7 11, 12]; Доступность высшего образования. Сборник статей [Электронный ресурс]. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F560128183/sbornik_novyi__2docx.pdf; Методика оценки доступности высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/80/309/1758.php> (дата обращения: 16.06.2018).

ности уже получения высшего образования (Я. М. Рощина) [2, 11]. С. А. Беляков утверждал, что «доступность высшего образования характеризуется вероятностью для абитуриента занять место в вузе (бесплатное или по договору с полным возмещением затрат)». Изменение доступности, как пишет автор, соответственно, может происходить в двух случаях: при возрастании (снижении) числа мест, на которые осуществляется прием на обучение, либо если сокращается (растет) число желающих обучаться на выделенных местах. Я. М. Рощина, в свою очередь, в статье «Доступность высшего образования: по способностям или по доходам?» [11] отмечает, что «фактическая (реальная) доступность высшего образования — это вероятность (шанс) получить высшее образование».

Первые три подхода (подход обеспечения равных возможностей получения людьми высшего образования, компиляционный и структурный), по нашему убеждению, имеют существенный недостаток, заключающийся в том, что они рассматривают доступность высшего образования лишь с одной стороны — со стороны абитуриента (его глазами), иными словами — со стороны спроса на него. Данные подходы не учитывают тот факт, что во многом доступность высшего образования для абитуриента зависит от предложения, которое формируют образовательные учреждения.

туриента обеспечивает государство, создающее государственные вузы и филиалы, условия для открытия негосударственных вузов и филиалов, выделяющее финансирование и пр., т.е. не учитывают предложение. Лишь вероятностный подход рассматривает доступность высшего образования с двух сторон — сторон спроса и предложения. В связи с этим считаем, что именно этот подход наиболее точно отражает сущность дефиниции «доступность услуг высшего образования». Однако определения, предложенные С.А. Беляковым и Я.М. Рощиной, требуют уточнения.

Так, С.А. Беляков рассматривал доступность высшего образования только с точки зрения возможности абитуриенту быть зачисленным в образовательную организацию высшего образования, упуская из виду доступность для обучающегося освоения образовательной программы и, как следствие, получения самого высшего образования. Можно сказать, что С.А. Беляков говорил не столько о доступности высшего образования, сколько о доступе к высшему образованию (вероятность поступления на обучение по программе высшего образования). Я.М. Рощина в отличие от С.А. Белякова рассматривает доступность высшего образования более широко: как «вероятность (шанс) получить высшее образование» (вероятность поступления на обучение по программе высшего образования и успешного завершения обучения в установленные сроки). Эта точка зрения представляется нам более верной.

По нашему мнению, не совсем корректно рассматривать доступность высшего образования обобщенно. Абитуриенты в большинстве своем хотят получить доступ не просто к высшему образованию, а к высшему образованию по конкретному направлению подготовки или даже по конкретной образовательной программе. При этом они могут рассматривать несколько образовательных программ (направлений подготовки) в качестве возможных для поступления. В основном это образовательные программы одной укрупненной группы специальностей и направлений подготовки.

В связи с этим наряду с доступностью высшего образования в трактовке Я.М. Рощиной было бы целесообразно выделять профильную доступность услуг высшего образования, которую также следует трактовать в рамках вероятностного подхода. О таком виде доступности говорил В.И. Сухочев [12], называя его академической доступностью образовательной программы, однако рассматривал данный термин за пределами вероятностного подхода.

По нашему мнению, под профильной доступностью услуг высшего образования следует понимать вероятность получения индивидом высшего образования по конкретной образовательной программе высшего образования.

По мнению отдельных авторов (Е.А. Аникиной, Е.В. Лазарчук, В.И. Чечиной, В.И. Сухочева), можно выделить следующие виды доступности услуг высшего образования (критерий классификации не называется; его, по нашему мнению, можно обозначить как «в зависимости от факторов, влияющих на доступность услуг высшего образования»): экономическую (финансовую), социальную, территориальную (организационную), интеллектуальную и физическую (личностную), академическую.

Экономическая (финансовая) доступность услуг высшего образования определяется рядом экономических факторов: уровнем дохода семьи, стоимостью обучения в вузе, сопутствующими расходами на получение высшего образования (оплата услуг репетиторов, обучение на подготовительных курсах, содержание ребенка в период обучения в вузе и т.п.). Под данной дефиницией В.И. Сухочев понимает совокупность экономических условий, обеспечивающих финансовые возможности индивидов или их домохозяйств оплатить все расходы, связанные с поступлением в вуз и получением высшего образования для себя или для члена семьи на платной (в отношении финансовой доступности платной образовательной услуги) либо бюджетной основе (если речь идет о доступности бюджетной образовательной услуги) без использования заемных средств [13]. Немного иначе финансовую доступность выс-

шего образования трактует Е. В. Богомолов — «возможность финансирования расходов на получение образования при данном уровне доходов или как степень финансовой обеспеченности расходов на образование доходами» [3].

Социальную доступность высшего образования определяют статус семьи, уровень образования и квалификация родителей, национальность и культурные различия абитуриентов и их семей.

Территориальная (организационная) доступность услуг высшего образования зависит от региона проживания, уровня его урбанизации, количества и территориального размещения вузов и филиалов, дислоцированных в регионе, размера населенных пунктов. Как пишет в своей диссертации уже упоминаемый В. И. Сухочев, «организационная доступность вузов — это совокупность организационно-материальных условий, обеспечивающих на территории страны достаточное количество вузов и учебных мест в них для всех потенциальных и фактических абитуриентов, желающих поступить в высшие учебные заведения» [12]. При этом автор отдельно выделяет подвиды организационной доступности. Интересным представляется разделение данного вида доступности на доступность в разрезе субъекта РФ и доступность в разрезе федеральных округов. Особенно актуально такое выделение для территорий Дальнего Востока России.

Что касается академической доступности высшего образования, то авторы, которые ввели в научный оборот данный вид доступности (Е. А. Аникина, Е. В. Лазарчук, В. И. Чечина), не предложили ее определение, а лишь перечислили факторы, ее образующие [1]. По их мнению, академическая доступность высшего образования определяется перечнем образовательных программ, по которым предлагается обучение в вузах, количеством бюджетных мест, наличием льгот и преимуществ при поступлении в вуз, доступными формами образования, инфраструктурой вуза (наличием/отсутствием общежитий, их размером и пр.), информированностью абитуриента о возможностях обучения по различным образовательным программам в различных образовательных организациях высшего образования. Как можно заметить, спектр этих факторов достаточно широк и не всегда может быть отнесен к «академическим» — например, наличие общежитий, что приводит к размытости трактовки академической доступности высшего образования. В связи с этим, по нашему убеждению, понятие академической доступности высшего образования требует либо уточнения, либо разделения на несколько видов (подвидов).

Под интеллектуальной и физической доступностью высшего образования понимается интеллектуальная и физическая способность абитуриента освоить образовательную программу высшего образования. Речь идет о том, что не все потенциальные абитуриенты способны пройти весь курс обучения в высшей школе в установленные законодательством нормативные сроки. Услуги высшего образования в сравнении с прочими образовательными услугами характеризуются наиболее высокой сложностью потребления, что может порождать проблемы в освоении образовательных программ уровня бакалавриата, специалитета, магистратуры у недостаточно подготовленных абитуриентов, студентов. Кроме того, состояние здоровья также может ограничивать возможность потребления услуг высшего образования отдельными людьми. По нашему мнению, вместо термина «физическая доступность» целесообразно использовать дефиницию «медицинская доступность» в силу того, что первый можно спутать с территориальной либо организационной доступностью.

Стоит отметить, что рассмотренные виды доступности услуг высшего образования взаимосвязаны. К примеру, абитуриенты, проживающие не по месту дислокации вуза (территориальная доступность), в случае отсутствия или нехватки места в общежитии (академическая доступность) вынуждены будут снимать квартиру (финансовая доступность).

Считаем важным также выделять и другие виды доступности услуг высшего образования в зависимости от объекта:

- доступность зачисления в образовательную организацию высшего образования;
- доступность освоения образовательной программы высшего образования.

Доступность услуг высшего образования в целом будет складываться из данных видов доступности.

Профильную доступность услуг высшего образования также можно классифицировать по критериям, на основе которых предлагается выделять те или иные виды доступности услуг высшего образования в целом.

Для целей исследования вопросов управления доступностью высшего образования важное значение имеют применяемые методики оценки доступности. Среди российских методик оценки доступности услуг высшего образования в целом можно выделить методики С. А. Белякова, С. А. Рахмановой.

Отталкиваясь от собственной трактовки доступности высшего образования, С. А. Беляков в своей монографии «Модернизация образования в России: совершенствование управления» [2] предлагал определять ее по следующей формуле:

$$Д = З_в / \Pi_з,$$

где $Д$ — доступность высшего образования; $З_в$ — численность зачисленных в вуз, чел.; $\Pi_з$ — число поданных заявлений о зачислении в вуз, ед.

При этом автор сам указывал, и мы с ним согласны, что существенным недостатком данного подхода является кратный счет заявлений, поданных абитуриентами в несколько учебных заведений. Принимая во внимание право подачи абитуриентами заявлений в пять вузов России и в каждом вузе на три специальности (направления подготовки)¹, использование при оценке доступности услуг высшего образования показателя «число поданных заявлений о зачислении в вуз» не совсем корректно.

Доступность высшего образования в отношении вузов, реализующих программы развития, предлагает оценивать М. С. Рахманова. Для этих целей в качестве информационной базы она предлагает использовать отдельные показатели мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, а также данные, включаемые в отчеты по реализации программ стратегического развития (рис. 1). В конечном итоге автор выводит показатель «Суммарный уровень доступности высшего образования в регионе», на основе которого ранжирует вузы в рамках групп (классические университеты; инженерно-технические вузы; гуманитарно-педагогические и другие вузы) по трем направлениям: с высоким, средним и низким уровнем доступности высшего образования.

Данная методика, хотя и предполагает оценку общей доступности высшего образования в пределах региона, но не может быть применена в отношении всех образовательных организаций высшего образования (а только тех, которые реализуют программы стратегического развития).

Помимо методик оценки доступности высшего образования в целом российскими авторами предлагаются также методики оценки отдельных видов такой доступности.

А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова в работе «Доступность высшего образования в регионах России» [5] оценивают финансовую доступность высшего образования. Для этих целей они используют показатель, учитывающий:

¹ Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.10.2015 г. № 1147 // Электронная информационно-правовая система «Консультант Плюс».

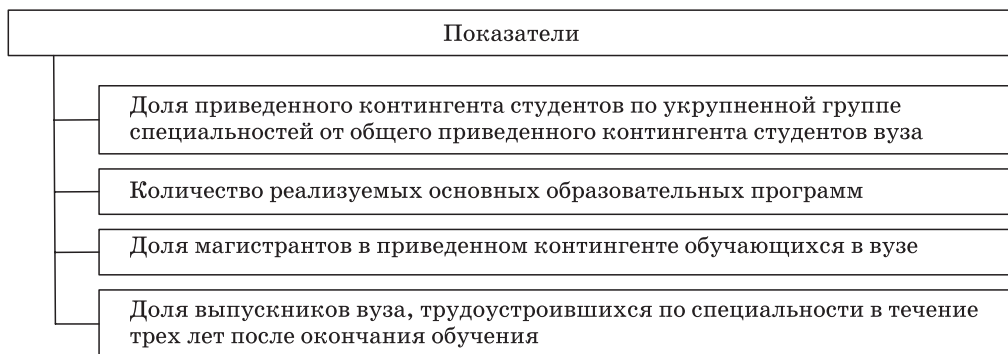

Рис. 1. Показатели, используемые в методике М. С. Рахмановой при расчете доступности высшего образования

Fig 1. Indicators used in the methodology of M. S. Rakhmanova in calculating the accessibility of higher education

Источник: Методика оценки доступности высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/80/309/1758.php> (дата обращения: 28.11.2018).

- среднюю годовую стоимость обучения в вузах региона, взвешенную на долю платных мест в общем объеме подготовки;
- стоимость годовой аренды однокомнатной квартиры в регионе, взвешенную на долю студентов, не обеспеченных местом в общежитии, от общего числа студентов, нуждающихся в нем;
- годовую величину прожиточного минимума.

Включаемым в расчет показателям присваиваются веса, и их сумма соотносится со средними региональными доходами на одного члена домохозяйства. Таким образом, показатель финансовой доступности высшего образования авторский коллектив рассчитывает по формуле:

$$\Phi = (0,5С \cdot СП + 0,25А \cdot АО + 0,25ПМ) / Д \cdot 100,$$

где С — средняя стоимость обучения в регионе в течение двух семестров; СП — доля платных мест в общем объеме подготовки в регионе; А — стоимость годовой аренды однокомнатной квартиры в регионе; АО — доля студентов, не обеспеченных местом в общежитии, в общем числе студентов, нуждающихся в нем; ПМ — величина прожиточного минимума, умноженная на 12 мес; Д — средние региональные годовые доходы домохозяйств на одного члена домашнего хозяйства.

Хотя А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова называют предложенный ими показатель показателем финансовой доступности высшего образования, по существу, это показатель, оценивающий финансовую доступность одного года обучения по программе высшего образования.

В. И. Сухачев обосновывает необходимость применения различных методик определения уровня финансовой доступности высшего образования в зависимости от трех составляющих:

- используемого для расчета показателя;
- условий поступления абитуриента (бюджет или с оплатой стоимости);
- месторасположения вуза относительно места проживания абитуриента.

Информация о его подходах к оценке уровня финансовой доступности высшего образования сведена в табл. 2.

Показатели уровня финансовой доступности высшего образования, предлагаемые В. И. Сухачевым [13]

Table 2. Indicators of the level of financial accessibility of higher education, proposed by V. I. Sukhachev

Условие	Формула расчета	Показатели
Обучение индивида, проживающего не в месте дислоцирования вуза, на платной основе по показателям среднедушевых доходов	$D_{\text{ф}} = (C_{\text{д}} / (C_{\text{о}} + C_{\text{ж}} + \Pi_{\text{м}})) \cdot 100$	$D_{\text{ф}}$ — уровень финансовой доступности высшего образования, %; $C_{\text{д}}$ — среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.; $C_{\text{ж}}$ — стоимость оплаты за найм жилья в месяц, руб.; $\Pi_{\text{м}}$ — прожиточный минимум в регионе, руб.; $З_{\text{с}}$ — начисленная среднемесячная заработная плата, руб.; $C_{\text{о}}$ — стоимость обучения в месяц, руб.
Обучение индивида, проживающего в месте дислоцирования вуза, на платной основе по показателям среднедушевых доходов	$D_{\text{ф}} = (C_{\text{д}} / (C_{\text{о}} + \Pi_{\text{м}})) \cdot 100$	
Обучение индивида, проживающего не в месте дислоцирования вуза, на бюджетной основе по показателям среднедушевых доходов	$D_{\text{ф}} = (C_{\text{д}} / C_{\text{ж}} + \Pi_{\text{м}}) \cdot 100$	
Обучение индивида, проживающего в месте дислоцирования вуза, на бюджетной основе по показателям среднедушевых доходов	$D_{\text{ф}} = (C_{\text{д}} / \Pi_{\text{м}}) \cdot 100$	
Обучение индивида на платной основе по показателям среднемесячной заработной платы (индивид сам оплачивает свое обучение)	$D_{\text{ф}} = (З_{\text{с}} / (C_{\text{о}} + \Pi_{\text{м}})) \cdot 100$	

Как видно из табл. 2, в формулах определения уровня финансовой доступности высшего образования В. И. Сухочев использует показатель «прожиточный минимум в регионе». По нашему мнению, использовать данный показатель не совсем корректно, так как это приводит к искусственному завышению показателя доступности высшего образования. Вместо него целесообразно применять показатель, учитывающий реальные расходы населения на питание, одежду и пр.

В. И. Богомолов оценку финансовой доступности услуг высшего образования (исходя из понимания сущности данного понятия) предлагает оценивать соотношением расходов на обучение в вузе с медианной (а не средней, как В. И. Сухочев) заработной платой в стране, утверждая, что последняя составляющая позволяет учитывать неравномерность распределения доходов в экономике [3].

К вопросу оценки территориальной (организационной) доступности высшего образования обращались такие авторы, как В. И. Сухочев, А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова.

А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова [5] подошли к анализу территориальной доступности высшего образования путем оценки усредненных минимальных расстояний от районного центра региона до ближайшего населенного пункта внутри региона, в котором дислоцирована образовательная организа-

ция высшего образования либо ее филиал. Это позволило авторам определить место каждого региона Российской Федерации по данному показателю, измеряемому в километрах, и на основе этого сгруппировать регионы в пять групп (расстояния от 8 до 63 км; 63–121; 12–160; 160–278; 278–474 км соответственно).

По нашему мнению, показатель внутрирегиональной территориальной удаленности от вузов, на котором основывается данная методика, не является исчерпывающим для целей оценки территориальной доступности услуг высшего образования, соответственно, может представлять интерес в случае дополнения его иными показателями, отбор и обоснование которых требуют соответствующего анализа и обоснования.

Более широко к оценке территориальной доступности высшего образования подошел В. И. Сухачев. Он предложил выделять доступность региональных вузов в разрезе региона и федерального округа. Для этих целей ученый предложил использовать показатель уровня доступности региональных вузов, рассчитываемый по формуле [13]:

$$D_T = (K_{MT}/K_{AT}) \cdot 100,$$

где D_T — уровень доступности региональных вузов, %; K_{MT} — количество учебных мест для абитуриентов в вузах региона РФ; K_{AT} — количество абитуриентов вуза региона РФ.

Произведя расчет показателя уровня доступности региональных вузов по федеральным округам, автор пришел к выводу о том, что «ни в одном федеральном округе доступность государственных вузов не была обеспечена» [13] (год исследования не ясен).

На наш взгляд, применение данного показателя имеет ряд ограничений. Во-первых, с недавнего времени в лицензии, выдаваемой образовательной организации высшего образования, не указывается предельная численность контингента, на основе которой можно было бы вычислить количество учебных мест для абитуриентов (путем вычитания из предельной численности контингента численности обучающихся). Во-вторых, необъективную картину дает и информация о цифрах приема, размещаемая на официальных сайтах вузов и публикуемая в правилах приема. Дело в том, что заявляемые вузами цифры приема абитуриентов на договорной основе не являются ограничением для набора абитуриентов. Как правило, вузы зачисляют на договорной основе всех абитуриентов, готовых платить за обучение и прошедших минимальный порог по результатам ЕГЭ, несмотря на превышение заявленных цифр приема по данной основе поступления. Кроме того, показатель «уровень доступности региональных вузов» не позволяет оценить доступность высшего образования в пределах страны в целом. Такую возможность не заявляет и сам автор, да и применение данного показателя для России в силу неравномерности размещения вузов и населения по территории страны даст усредненное значение, которое вряд ли дает объективную картину, учитывающую территориальное распределение населения. А относительно высокая мобильность абитуриентов, наблюдаемая последние годы¹, накладывает существенные ограничения на применение предложенного В. И. Сухачевым показателя для России в целом для целей оценки территориальной доступности высшего образования в регионах.

Среди российских и зарубежных авторов, изучающих проблему оценки доступности высшего образования, есть немало исследователей, предлагающих методики оценки социальной доступности услуг высшего образования. Учитывая, что

¹ Введение ЕГЭ повысило мобильность выпускников [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663806.html> (дата обращения: 25.06.2018).

проблема оценки социальной доступности высшего образования лежит скорее в плоскости социологических исследований, нежели экономических, вопросы социальной доступности в настоящей статье не рассматриваются.

Среди зарубежных методик оценки доступности высшего образования можно отметить методику канадских исследователей из Института образовательной политики, применяемую с целью разработки рейтинга стран по показателю доступности высшего образования. Для целей оценки они предложили использовать 4 индикатора, каждому из которых присвоили весовой коэффициент (табл. 3).

Помимо данной методики, вышеупомянутый коллектив канадских исследователей в 2010 г. проводил анализ финансовых возможностей получения образования (можно приравнять к анализу финансовой доступности) в 14 странах мира. Для этих целей учеными использовались 6 индикаторов, основанных на 5 различных комбинациях затрат (стоимости обучения, расходах на проживание и питание, грантов и стипендий, кредитов, налоговых затрат). Каждому индикатору присваивался вес (табл. 4).

Российские ученые сходятся во мнении, что применение иностранных методик оценки уровня доступности высшего образования в России нецелесообразно [3, 5, 13]. Это объясняется существенными различиями как систем высшего образования нашей страны и прочих стран, так и существенными отличиями социально-экономических условий, влияющих на составляющие доступности высшего образования.

Таблица 3

**Индикаторы доступности высшего образования методики
канадских исследователей**

Table 3. Indicators of accessibility of higher education methods of Canadian researchers

Индикатор	Описание	Весовой коэффициент, %
Показатель участия молодежи в высшем образовании	Процент студентов в возрастной группе внутри страны с наиболее высоким показателем охвата	25
Показатель достигнутого уровня образования молодежи	Доля населения в возрасте от 25 до 34 лет, завершившая обучение по программе высшего образования (третичного образования типа А по международной классификации), %	25
Индекс социального равенства (EEI)	Отражает соотношение преобладающего социально-экономического статуса студентов и соответствующей характеристики населения (соотношение процента мужчин с высшим образованием в возрасте 45–65 лет и процента студентов вузов, отцы которых имеют высшее образование)	40
Индекс гендерного паритета	Отражает соотношение мужчин и женщин среди студентов вузов	10

Источник: Методологические аспекты социально-экономических измерений высшего образования и конкурентоспособности университетов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-sotsialno-ekonomicheskikh-izmereniy-vysshego-obrazovaniya-i-konkurentosposobnosti-universitetov> (дата обращения: 05.07.2018).

Таблица 4

Индикаторы финансовой доступности образования методики исследователей канадского Института образовательной политики

Table 4. Indicators of financial accessibility of the education of the methodology of the researchers of the Canadian Institute of Educational Policy

Индикаторы	Вес индикатора, % от среднего дохода
Собственные расходы	25
Чистая стоимость	25
Собственные расходы после налогообложения	15
Чистая стоимость после налоговых вычетов	15
Совокупные затраты	10
Непосредственные затраты на образование	10

Источник: Методологические аспекты социально-экономических измерений высшего образования и конкурентоспособности университетов.

Таким образом, российские и зарубежные авторы, в научном плане обращающиеся к вопросам управления доступностью услуг высшего образования, как правило, рассматривают либо отдельный вид (виды) доступности, либо вообще не предлагают методик ее (их) оценки, либо их методики учитывают не все факторы, определяющие тот или иной вид доступности услуг высшего образования, либо же их методики не могут быть применены в российских условиях.

Отталкиваясь от вероятностного подхода к пониманию сущности дефиниции «доступность услуг высшего образования», оценить ее, по нашему мнению, можно путем определения отношения численности обучающихся к численности молодежи (в возрасте 17–29 лет). Данный показатель (назовем его коэффициентом доступности услуг высшего образования) чем-то схож с предлагаемым канадскими исследователями индикатором «показатель участия молодежи в высшем образовании», о котором мы упоминали выше. Предлагаемый уточненный показатель адаптирован под российскую статистическую информацию, необходимую для его расчета, в соответствующих органах государственного управления имеется вся необходимая статистическая информационная база.

Своего рода мерилom интеллектуальной доступности услуг высшего образования для абитуриента могут служить результаты Единого государственного экзамена либо вступительных испытаний, проводимых вузами самостоятельно. Доступным обучение по конкретной образовательной программе высшего образования будет для абитуриента в тех случаях, если он:

- в сумме набрал такое количество баллов ЕГЭ или баллов по вступительным испытаниям, проводимым вузами самостоятельно (в совокупности с баллами, начисляемых за индивидуальные достижения), которое ему хватило для зачисления на бюджетную основу (для абитуриентов, подававших заявления на бюджетную основу поступления);
- по результатам каждого вступительного испытания (ЕГЭ или внутривузовского испытания) превысил минимально установленный проходной балл (для абитуриентов, подававших заявление на договорную основу поступления).

Для обучающихся критерием интеллектуальной доступности услуг высшего образования может выступать факт освоения (не освоения) дисциплин учебного плана образовательной программы в установленные законодательством нормативные сроки. В связи с этим можно говорить отдельно об интеллектуальной доступ-

ности высшего образования для обучающегося (для студентов, продолжающих обучение) и для выпускника вуза (если студентом освоены все структурные элементы образовательной программы).

Медицинскую доступность высшего образования целесообразно оценивать состоянием здоровья человека, не накладывающим ограничения на его обучение в вузе. Подтверждением такой доступности будут выступать соответствующие медицинские справки. Очевидность данного факта влечет за собой отсутствие необходимости глубокой научной проработки вопроса методики оценки медицинской доступности услуг высшего образования.

Таким образом, доступность услуг высшего образования следует трактовать как вероятность получения индивидом высшего образования. При этом следует выделять профильную доступность услуг высшего образования, трактуемую как вероятность получения индивидом высшего образования по конкретной образовательной программе высшего образования. В зависимости от факторов, влияющих на доступность высшего образования, можно выделять несколько видов доступности услуг высшего образования: экономическую (финансовую), социальную, территориальную (организационную), интеллектуальную и медицинскую (личностную). Большинство авторов предлагают оценивать доступность услуг высшего образования в разрезе каждого вида доступности. При этом вопросы оценки финансовой, интеллектуальной и медицинской доступности, на наш взгляд, решены; анализу социальной доступности также посвящено немало научных работ, которые лежат в плоскости социологической науки. Требуемыми детальной научной проработки остаются методики оценки территориальной доступности услуг высшего образования.

Литература

1. Аникина Е. А., Лазарчук Е. В., Чечина В. И. Доступность высшего образования как социально-экономическая категория // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12. С. 355–358.
2. Беляков С. А. Модернизация образования в России: совершенствование управления. М. : МАКС Пресс, 2009.
3. Богомолов Е. В. Финансовая доступность высшего образования: Россия vs США // *Вестник финансового университета*. 2015. № 1. С. 97–102.
4. Доступность высшего образования в России / отв. ред. С. В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М., 2004.
5. Доступность высшего образования в регионах России / А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2016.
6. Евсеев Т. П. Доступность высшего образования в условиях формирования рынка образовательных услуг // *Экономика образования*. 2007. № 3. С. 114–132.
7. Ключев А. С. Информационный бюллетень «Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования». Екатеринбург, 2006.
8. Константиновский Д. Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000 году) / под ред. В. Н. Шубкина. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
9. Омельченко Е. Л. Анализ доступности высшего образования для социально-уязвимых групп // *Доступность высшего образования в России*. М. : НИСП, 2002.
10. Рощина Я. М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? // Я. М. Рощина. Проблемы доступности высшего образования / отв. ред. С. В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М. : «СИГНАЛЬ», 2003. С. 94–149.
11. Рощина Я. М. Доступность высшего образования: по способностям или по доходам? // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1. С. 69–79.
12. Сухочев В. И. Доступность высшего образования в условиях перехода к экономике знаний // *Креативная экономика*. 2009. Т. 3. № 9. С. 8–16.

13. Сухочев В.И. Методология формирования организационно-экономического механизма оценки доступности и качества высшего образования : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Уфа, 2011. 38 с.
14. Шишкин С.В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление. 2005. № 1 (34). С. 80–88.

Об авторах:

Блинова Татьяна Николаевна, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права Дальневосточного института управления РАНХиГС (Хабаровск, Российская Федерация); blinova-82@rambler.ru

Федотов Александр Васильевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; fedotovfedotov@gmail.com

References

1. Anikina E.A., Lazarchuk E.V., Chechina V.I. Availability of the higher education as social and economic category // Basic researches [Fundamental'nye issledovaniya]. 2014. N 12. P. 355–358. (In rus)
2. Belyakov S.A. Modernization of education in Russia: improvement of management. M. : MAX. Press, 2009. (In rus)
3. Bogomolov E.V. Financial availability of the higher education: Russia vs USA // Bulletin of the financial university [Vestnik finansovogo universiteta]. 2015. N 1. P. 97–102. (In rus)
4. Availability of the higher education in Russia / Ex. edition of S. V. Shishkin. Independent Institute of social policy. M., 2004. (In rus)
5. Availability of the higher education in regions of Russia / A. D. Gromov, D. P. Platonova, D. S. Semenov, T. L. Pyrova; National Research University "Higher School of Economics", Institute of education. M. : HSE, 2016. 32 p. (In rus)
6. Evseenko T.P. Availability of the higher education in the conditions of formation of education market // Education Economy [Ekonomika obrazovaniya]. 2007. N 3. P. 114–132. (In rus)
7. Klyuev A. S. Newsletter "Monitoring of Regional Problems of Education Availability". Yekaterinburg, 2006. (In rus)
8. Konstantinovskiy D. L. Dynamics of inequality. The Russian youth in the changing society: orientations and ways in education (from the 1960th years till 2000) / under the editorship of V. N. Shubkin. M. : Editorial URSS, 1999. (In rus)
9. Omelchenko E. L. The analysis of availability of the higher education to social and vulnerable groups // Availability of the higher education in Russia. M. : IISP, 2002. (In rus)
10. Roshchina Ya. M. Inequality of access to education: what do we know about it? // Ya. M. Roshchina. Problems of availability of the higher education / ex. edition of S. V. Shishkin. Independent institute of social policy. M. : "SIGNAL", 2003. P. 94–149. (In rus)
11. Roshchina Ya. M. Availability of the higher education: on abilities or on income? // University management: practice and analysis [Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz]. 2005. N 1. P. 69–79. (In rus)
12. Sukhochev V. I. Availability of the higher education in the conditions of transition to economy of knowledge // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2009. V. 3. N 9. P. 8–16. (In rus)
13. Sukhochev V. I. Methodology of formation of the organizational and economic mechanism of assessment of availability and quality of the higher education: doctoral dissertation abstract. Ufa, 2011. 38 p. (In rus)
14. Shishkin S. V. Availability of the higher education to the population of Russia: what is shown by results of researches // University management [Universitetskoe upravlenie]. 2005. N 1 (34). P. 80–88. (In rus)

About the authors:

Tatyana N. Blinova, Associate Professor of Department of Management and Entrepreneurship of Far-East Institute of Management, Branch of RANEPa (Khabarovsk, Russian Federation); blinova-82@rambler.ru

Alexander V. Fedotov, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Professor; fedotovfedotov@gmail.com

Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт

Палий К. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; paly-design@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Каждая страна имеет уникальный опыт в области охраны материальных объектов культурного наследия. Сохранение наследия является неотъемлемым условием экономического развития любого государства. Большинство современных стран активно популяризирует свое культурное наследие с целью привлечения профессионалов и экспертов в области обеспечения сохранности объектов культурного наследия, прикладывает усилия по организации и сотрудничеству в данной области. Изучение зарубежного опыта сохранения культурного наследия продолжает оставаться актуальным для выявления положительных моментов этого рода деятельности и возможного дальнейшего его использования. Многие страны накопили ценные методики и располагают собственными моделями охранной деятельности в сфере культурного наследия. Особое место в мировом опыте сохранения культурного наследия занимают европейские страны (Франция, Италия, Великобритания), которые за вековую практику выработали эффективные механизмы охранной деятельности государства.

В статье рассматриваются основные модели государственного регулирования в сфере охраны, распоряжения и использования материальных объектов культурного наследия, выявляется специфика законодательной базы, организационно-экономического обеспечения и роль общественных организаций. Подводятся выводы о том, что основы культурной политики европейских стран — это децентрализация управления в сфере культуры, а также создание действенных механизмов государственно-частного партнерства и отлаженное взаимодействие основных субъектов, участвующих в мероприятиях по охране культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана культурного наследия, культурная политика, европейский опыт, государственно-частное партнерство, децентрализация

Realization of the Policy in the Field of Conservation of Material Cultural Heritage Objects: European Experience

Kristina R. Paliy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; paly-design@yandex.ru

ABSTRACT

Each country has a unique experience in the protection of material cultural heritage sites. The preservation of heritage is an essential condition for the economic development of any state. Most modern countries are actively promoting their cultural heritage in order to attract professionals and experts in the field of preservation of cultural heritage sites, making efforts to organize and cooperate in this field. The study of foreign experience in preserving cultural heritage continues to be relevant for identifying the positive aspects of this kind of activity and its possible further use. Many countries have accumulated valuable techniques and have their own models of security activities in the field of cultural heritage. A special place in the world experience of preserving cultural heritage is occupied by European countries (France, Italy, Great Britain), which have developed effective mechanisms of security activity of the state over the centuries of practice.

The article discusses the main models of state regulation in the field of protection, disposal and use of material objects of cultural heritage, reveals the specifics of the legislative framework, or-

ganizational and economic support and the role of public organizations. It concludes that the foundations of the cultural policy of European countries are the decentralization of cultural management, as well as the creation of effective mechanisms of public-private partnership and well-functioning interaction of the main actors involved in the protection of cultural heritage.

Keywords: cultural heritage, protection of cultural heritage, cultural policy, european experience, private-state partnership, decentralization

В декабре 2017 г. на Европейском культурном форуме в Милане 2018 г. был объявлен Годом культурного наследия в Европе. Главная цель Года культурного наследия заключается в повышении осведомленности граждан о значимости объектов культурного наследия. 2018 г. призван заострить внимание общественности на богатстве объектов культурного наследия Европы, подчеркнуть их роль в формировании имиджа европейских стран. В рамках проведения тематического года становится актуальным вопрос изучения опыта европейских стран в области проведения культурной политики по сохранению объектов культурного наследия.

В Европе живут и работают в условиях рыночной экономики десятилетиями, поэтому у них накоплен достаточно богатый опыт в области сохранения объектов культурного наследия. В этой связи есть необходимость более предметно познакомиться с этим опытом, в частности, рассмотреть специфику государственного участия в решении вопросов по обеспечению сохранности объектов культурного наследия.

Исходным условием разработки политики в сфере культуры является достижение согласия в отношении приоритетности целей культурного развития между государственными, творческими и общественными силами.

Цели культурной политики характеризуются следующим образом:

1. Цели деятельности высшего уровня государственного управления должны совпадать с интересами региональных и местных органов управления, а также интересами общественных организаций в сфере культуры.
2. Политика в сфере культуры предполагает действия по материально-техническому обеспечению функционирования культуры.
3. Политика в сфере культуры предполагает распределение финансовых, административных и творческих ресурсов.
4. Политика в сфере культуры предполагает стратегическое планирование участия государства в культурной деятельности.

Одним из основных направлений культурной политики является сохранение наследия.

Государственная политика по сохранению материальных объектов культурного наследия включает в себя совокупность целей, задач, приоритетных направлений, стратегических программ и плановых мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, основывающихся на комплексном подходе к решению вопросов государственной охраны, непосредственного сохранения, распоряжения и использования объектов культурного наследия. Такая политика предусматривает не только обеспечение сохранности объектов культурного наследия, но и реализацию культурной, научной, образовательной и воспитательной функций.

Согласно типологии канадских ученых (Гарри Х. Шартран и Клэр Мак-Кафи) [1], возможны четыре основные роли государства в отношении культурного наследия.

1. «Архитектор» — помощь социально-культурной сфере со стороны государства является частью его программы по повышению благосостояния общества. Поддержка государства выражается в долгосрочном прямом финансировании. «Архитектор» курирует социально-культурную сферу через свои правительственные организации — министерства или отделы культуры. Решение о размерах и адресности субсидий принимают правительственные структуры. Пример, Франция и Италия.

2. «Инженер» — все средства осуществления культурной деятельности находятся во владении и распоряжении государства. Оно поддерживает искусство, отвечающее его политическим целям.
3. «Помощник» — государство акцентирует внимание на поддержке и развитии некоммерческого профессионального и любительского творчества. Государство не вмешивается в содержательные процессы культурной деятельности, а с помощью налоговых льгот стимулирует финансирование культурной сферы отдельными лицами и корпорациями. Инструменты управления в данном случае ограничены определением размеров налоговых льгот.
4. «Патрон» — государство поощряет художественное мастерство с помощью стипендий и грантов. Типичный пример — Великобритания. Государство финансирует социально-культурную сферу «на расстоянии вытянутой руки». Оно определяет лишь общий уровень поддержки социально-культурной сферы, выделяя соответствующие финансовые средства. Распределяет их между конкретными организациями независимая от правительства организация (Совет, Фонд и т.п.).

На сегодняшний день к инструментарию государственного финансирования сферы культуры принято относить:

- административное регулирование (осуществляется путем квотирования и лицензирования, контроля над доходами и ценами, учетными процентами и др. Этот метод имеет силу приказа и обычно не опирается на экономические интересы и стимулы);
- правовое регулирование (реализовывается в рамках законотворческой деятельности посредством системы норм и правил);
- прямое экономическое регулирование (носит адресный характер и осуществляется в форме целевого финансирования территорий и организаций);
- косвенное экономическое регулирование (носит безадресный характер и предполагает использование рычагов налоговой, кредитно-денежной и внешнеэкономической политики).

На основании вышеуказанных критериев попробуем проанализировать формы и методы государственного регулирования сферы по сохранению объектов культурного наследия за рубежом.

Проблема обеспечения сохранности культурного наследия в Европе актуализировалась в начале XX в. и связана она была с промышленной революцией, которая началась в Великобритании и быстро распространилась в другие страны. Все страны, которые пережили промышленную революцию, задались вопросами, почему происходит утрата культурного наследия и как предотвратить этот процесс. Постепенно проблемы сохранения историко-культурного наследия стали выходить на передний план и страны занялись активным поиском и разработкой эффективных механизмов государственного регулирования сферы охраны культурного наследия.

В этой связи интересно изучить опыт европейских стран, основная законодательная база которых была уже сформирована к началу XX века, а именно остановиться на следующих странах европейской группы: Италии, Франции и Великобритании.

Они разные по особенностям административно-политического устройства, по традициям, сложившимся в связи с отношением к историческому наследию. Однако все они имеют некую общую базу — Конвенции ЮНЕСКО. Начиная с 1954 г. было положено начало формированию системы международно-правовых норм в области охраны памятников истории и культуры (Европейская конвенция об охране археологического наследия¹, Конвенция об охране всемирного культур-

¹ Европейская конвенция об охране археологического наследия (Лондон, 06.05.1969, для СССР вступила в силу 14.02.1991) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Конвенция_EC_1992.pdf/ (дата обращения: 28.09.2018).

ного и природного наследия¹, Конвенция об охране архитектурного наследия Европы² и др.).

Охрана культурного наследия в политике *Италии* является одним из приоритетных направлений. Италия — лидер списка Всемирного наследия ЮНЕСКО по числу находящихся на ее территории памятников.

Одной из первых Италия стала разрабатывать концепцию охраны национально-го культурного наследия, итогом работы стал Закон № 1089 от 1 июня 1939 г. «Об охране предметов, представляющих художественный и творческий интерес»³. Охрана культурного наследия гарантируется и Конституцией Италии.

Во второй половине XX в. стала складываться система государственных органов и институтов, которые занимались вопросами культурного наследия страны.

В 1974 г. в Италии создается Министерство культурного наследия и окружающей среды (Декрет-закон № 657 от 14 декабря 1974 г. «Об образовании Министерства культурного достояния»⁴). В 2013 г. правительство возлагает на Министерство решение вопросов туризма, поэтому оно реорганизуется, теперь вопросами культурного наследия страны занимается Министерство культурного наследия, культурной деятельности и туризма (пп. 2 и 3 ст. 1 Закона № 71 от 24 июня 2013 г., вступил в силу 26 июня 2013)⁵. Но в соответствии с Декрет-законом № 86 от 12 июля 2018 г. структура Министерства очередной раз меняется и происходит образование Министерства культурного наследия, культурной деятельности⁶.

Вопросы сохранения культурного наследия страны также находятся в ведомстве и других министерств, так Министерство общественных работ с 1950 г. контролирует выполнение строительно-реставрационных работ в Италии. Достаточное внимание вопросам культурного наследия уделяет Министерство сельскохозяйственной, продовольственной, лесной и туристической политики, которое занимается разработкой туристических и культурных маршрутов. Министерство гражданской защиты также уделяет значительное внимание вопросам охраны культурного наследия, в частности покрывает расходы, связанные с восстановлением исторических памятников, пострадавших в результате стихийных бедствий.

Независимый орган по оценке эффективности (L'Organismo Indipendente di Valutazione della Performance (OIV)) был создан в 2009 г., согласно ст. 14 законодательного указа 27 октября 2009 г., п. 150⁷.

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16.11.1972, для СССР вступила в силу 12.01.1989) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).

² Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (Гранада, 03.10.1985, для СССР вступила в силу 01.06.1991) [Электронный ресурс] // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Конвенция_EC_1985.pdf/ (дата обращения: 01.06.2018).

³ Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник. М.: Институт Наследия, 1999. 96 с.

⁴ Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 14 dicembre 1974, n. 657, concernente la istituzione del Ministero per i beni culturali e ambientali. (GU n.43 del 14-2-1975) [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1975-01-29;5@originale> / (дата обращения: 29.09.2018).

⁵ Legge 24 giugno 2013, n. 71 [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2013-06-24;71@originale/> (дата обращения: 28.09.2018).

⁶ Decreto-legge 12 luglio 2018, n. 86 [Электронный ресурс] // Gazzetta Ufficiale URL: <http://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/07/12/18G00113/sg/> (дата обращения: 28.09.2018).

⁷ Decreto legislativo 27 ottobre 2009, n. 150 [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2009-10-27;150!vig/> (дата обращения: 22.09.2018).

OIV в соответствии с вышеупомянутым Законодательным декретом № 150/2009, с изменениями, внесенными в мае 2016 г., наделен следующими обязанностями:

- осуществляет контроль над реализацией положений, содержащихся в правовых актах, а также оценивает соответствие между достигнутыми результатами и назначенными целями;
- контролирует общее функционирование системы оценки, ее прозрачность;
- незамедлительно сообщает о проблемах, которые могут быть выявлены в компетентных правительственных и административных органах, а также в Счетной палате и Департаменте государственного управления;
- предоставляет ежегодную оценку высшего руководства;
- поощряет выполнение обязательств;
- проверяет результаты и передовые методы поощрения;
- координирует в рамках стратегического планирования и экономико-финансового планирования подготовку доклада по отчетам исполнения бюджета;
- вносит свой вклад в деятельность по представлению отчетности в Счетную палату по общим мерам, принятым Министерством.

В 2014 г. был образован Высший совет по культурному наследию и ландшафту (Consiglio Superiore per i Beni culturali e Paesaggistici). Высший совет является консультативным органом Министерства в области культурного и ландшафтного наследия. Совет управляющих консультирует по национальным программам культурного и ландшафтного наследия, международным соглашениям о культурном наследии; стратегическим планам развития культуры и культурного наследия, законодательным и административным актам, касающимся предмета культурных и ландшафтных объектов, а также по вопросам общего характера, имеющих особое значение в отношении предмета культурного наследия и ландшафта.

Совет состоит из председателя и восьми видных деятелей из мира культуры, выдвинутых министром⁸.

Основными субъектами культурной политики Италии являются:

- 1) государство, оно отвечает за охрану культурного наследия внутри страны и за развитие культурных связей с зарубежными странами;
- 2) регионы (региональные департаменты культуры) отвечают за охрану культурного наследия региона;
- 3) провинции (департаменты культуры провинций) координируют охранную деятельность в сфере культуры на своей территории;
- 4) муниципалитеты (муниципальными департаментами культуры), управляют культурными институтами и защищают национальное наследие на местах.

Несмотря на стабильную работу правительственных органов, государство не в силах обеспечить в одиночку эффективную охрану достояния. Поэтому современный этап культурной политики Италии характеризуется стремлением к созданию системы отношений «государство — частный и корпоративный сектора». Законом от 8 октября 1997 г. № 352 «Положение о культурных ценностях»⁹, Законодательным декретом от 29 октября 1999 г. № 490 «Единый текст положения законодательства

⁸ Consiglio Superiore per i Beni culturali e Paesaggistici [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente. URL: <http://www.beniculturali.it/mibac/export/MiBAC/sitoMiBAC/MenuPrincipale/Ministero/Consiglio-Superiore/index.html/> (дата обращения: 29.09.2018).

⁹ Legge 8 ottobre 1997, n. 352 Disposizioni sui beni culturali. (GU n.243 del 17-10-1997 — Suppl. Ordinario n. 212) [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente URL: http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1997-10-17&atto.codiceRedazionale=097G0387&queryString=%3FmeseProvvedimento%3D%26formType%3Dricerca_semplice%26numeroArticolo%3D352%26numeroProvvedimento%3D352%26testo%3D%26annoProvvedimento%3D1997%26giornoProvvedimento%3D8¤tPage=1/ (дата обращения: 28.09.2018).

по вопросам культурных ценностей и ценностей окружающей среды»¹ регулируются механизмы государственно-частного партнерства, а в целом децентрализация управления сферой культуры.

Большую роль в вопросах защиты памятников культурного наследия в Италии играют общественные организации. Например, в 1955 г. с целью оказания помощи в сохранении культурного наследия, была создана организация «Italia Nostra» («Наша Италия»)². Организация занимается разработкой новых решений и законодательных актов в области охраны культурного наследия, ведет наблюдение за состоянием памятников архитектуры, изучает их, предотвращает попытки вандализма, популяризирует значение памятников. Средства организации составляют членские взносы и добровольные пожертвования. А по состоянию на 5 октября 1999 г. был подписан меморандум³ с четырьмя основными общественными объединениями (ARCI, Auser, Archeoclub и Legambiente) с целью развития бизнеса в области культурного наследия. Протокол, открытый для подписания любых добровольных ассоциаций, обеспечивает новую основу для отношений между Министерством и миром волонтерства.

Государство с середины 1990-х годов стало проводить политику, направленную на привлечение частного сектора к процессу финансирования национального достояния. Уже сегодня больше половины культурного наследия Италии находится в частном владении, и государство стимулирует частные инвестиции по средствам вычета расходов на реставрацию и поддержку культурных ценностей, организацию выставок, проведение научных исследований из налоговой декларации⁴.

На современном этапе в Италии развивается культурное спонсорство. Основными спонсорами выступают банки, предприятия и страховые компании.

Среди европейских стран *Франция* по праву лидер в области поддержки культуры. Страна одной из первых включила вопросы изучения и сохранения культурного наследия в сферу государственной ответственности. Уже в 1791 г. была учреждена Комиссия по сохранению памятников, разработавшая стратегию создания сети по всей стране, затем в 1830 г. — Главная инспекция по охране исторических памятников, а в 1837 г. — Комитет искусств и памятников, одной из целей которого была публикация описи всех памятников, которые существовали ранее и продолжали существовать на территории Франции.

Основной закон, регулирующий проекты по охране культурного наследия, появился в 1913 г. (закон «Об исторических памятниках» от 31 декабря 1913 г.)⁵.

¹ Decreto legislativo 29 ottobre 1999, n. 490 Testo unico delle disposizioni legislative in materia di beni culturali e ambientali, a norma dell'articolo 1 della legge 8 ottobre 1997, n. 352. (GU n.302 del 27-12-1999 — Suppl. Ordinario n. 229) [Электронный ресурс] // normativa il portale della legge vigente URL: http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1999-12-27&atto.codiceRedazionale=099G0542&queryString=%3FmeseProvvedimento%3D%26formType%3Dricerca_semplice%26numeroArticolo%3D%26numeroProvvedimento%3D490%26testo%3D%26annoProvvedimento%3D1999%26giornoProvvedimento%3D29¤tPage=1/ (дата обращения: 28.09.2018).

² Italia Nostra: Associazione Nazionale per la tutela del Patrimonio Storico, Artistico e Naturale della Nazione: official site. Roma [Электронный ресурс] // URL: <http://italianostra.org> (дата обращения: 18.05.2017).

³ Protocollo di intesa fra il Ministero per i Beni e le Attività Culturali e le Associazioni Archeoclub d'Italia — Arci — Auser — Legambiente [Электронный ресурс] // Ministero per i Beni Culturali URL: http://www.beniculturali.it/mibac/multimedia/MiBAC/documents/1226399062746_PROTOCOLLOINTESA_MiBAC_VOLONTARIATO.pdf/ (дата обращения: 28.09.2018).

⁴ Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 41.

⁵ Loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000315319/> (дата обращения: 28.09.2018).

С тех пор политика властей в отношении культурного достояния практически не менялась [2].

Во Франции охрана наследия осуществляется одновременно на нескольких уровнях: в ходе международного сотрудничества, в рамках государственной охраны памятников истории и культуры, в практической деятельности органов муниципального управления и общественных организаций.

Все вопросы охраны культурного наследия находятся в ведении Министерства культуры, ряда его представительств и подведомственных структур (рис.).

Министерство культуры выполняет следующие задачи:

- поддержка в реализации региональных и местных программ по охране объектов культурного и исторического наследия и прилегающих к историческим памятникам территорий;
- обеспечение охраны, управления и мониторинга объектов, включенных в Список всемирного наследия;
- оказание содействия в разработке политики в области охраны культурного наследия;
- проведение консультаций с Министерством окружающей среды, энергетики и моря, с Национальным агентством по реконструкции городов и Национальным агентством по жилищному строительству по разработке процедур, имеющих отношение к охраняемому району.

В рамках Министерства культуры существуют:

- Библиотека архитектуры и наследия, которая отвечает за сбор, инвентаризацию, хранение и предоставление документов в области изучения вопросов культурного наследия. Документальный фонд включает архивы, планы, фотографии, книги и периодические издания.
- Исследовательская лаборатория исторических памятников, которая отвечает за проведение научных и технических исследований в области сохранения объектов культурного и исторического наследия.

Согласно принципам децентрализации власти, в каждом регионе и в каждом департаменте Франции действуют местные представительства Министерства культуры. Эти службы реализуют культурную политику, проводимую государством⁶.

Региональные управления по делам культуры (Les directions régionales des Affaires culturelles (DRAC)) осуществляют действия по защите, сохранению и наблюдению за зданиями и движимыми объектами, защищенными в соответствии с законодательством об исторических памятниках. Они также вносят свой вклад в общественную миссию по охране, сохранению и укреплению городских и ландшафтных комплексов.

Региональные управления по делам культуры в своем составе имеют департаменты архитектуры и наследия, а также региональные отделы по сохранению исторических памятников.

Департаменты архитектуры и наследия (Les unités départementales de l'architecture et du patrimoine (UDAP))⁷ обладают компетенциями по разработке законодательных норм, применимых к охраняемым зонам, в соответствии с законами о градостроительстве, наследовании и окружающей среде. Также они предоставляют рекомендации по заявкам на получение разрешений на работу в охраняемых зонах.

⁶ Loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques Version consolidée au 30 septembre 2018 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGIARTI000032860329&cidTexte=LEGITEXT000006074236/> (дата обращения: 28.09.2018).

⁷ Les unités départementales de l'architecture et du patrimoine [Электронный ресурс] // Accueil Ministère — Ministère de la Culture URL: <http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Monuments-historiques-Sites-patrimoniaux-remarquables/Acteurs-et-partenariats/Services-et-etablissements-de-l-Etat/Services-du-ministere-en-region/> (дата обращения: 29.09.2018).

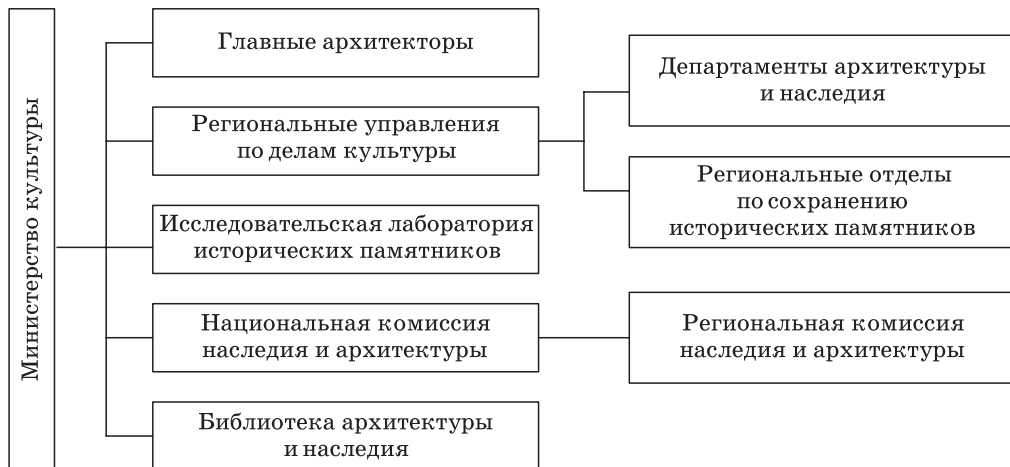

Рис. Органы государственного управления Франции, ответственные за сохранение объектов культурного наследия
 Fig. State bodies of France responsible for preservation of objects of cultural heritage

Региональные отделы по сохранению исторических памятников входят в состав большинства Региональных управлений по делам культуры. Отдел контролирует применение законов, касающихся исторических памятников, координирует реализацию политики по защите культурного наследия, организует мониторинг объектов культурного наследия, а также инструктирует по проведению работ в охраняемых зонах.

Под председательством министра культуры функционируют Национальная и Региональная комиссии наследия и архитектуры.

Национальная комиссия наследия и архитектуры (la Commission nationale du patrimoine et de l'architecture (CNPA)). В соответствии со статьей L. 611-1 Кодекса о Наследии¹. Национальная комиссия консультирует по вопросам создания, управления и мониторинга документов планирования, созданных с целью защиты и сохранения наследия. Она также консультирует по вопросам продажи или распоряжения французским наследием государства, обладающей исторической или культурной ценностью. Комиссия может предлагать любые меры для обеспечения защиты и сохранения наследия, также может просить государство инициировать процедуру классификации или регистрации исторических памятников в соответствии со статьями L. 621-1, L. 621-25, L. 622-1, L. 622-20, L. 631-1 или L. 631-2 настоящего Кодекса.

Региональная комиссия наследия и архитектуры (les commissions régionales du patrimoine et de l'architecture (CRPA)). В соответствии со статьей L. 611-2 Кодекса о Наследии Комиссии проводят консультации с региональной комиссией по вопросам наследия и архитектуры в части вопроса создания и мониторинга градостроительных документов².

¹ Code du patrimoine Version consolidée au 14 septembre 2018 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=3DE72E5554F10CF83190CF766B82ABCE.tplgfr29s_1?cidTexte=LEGITEXT000006074236&dateTexte=20180930/ (дата обращения: 29.09.2018).

² Code du patrimoine Version consolidée au 14 septembre 2018 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=3DE72E5554F10CF83190CF766B82ABCE.tplgfr29s_1?cidTexte=LEGITEXT000006074236&dateTexte=20180930 (дата обращения: 28.09.2018).

Региональная комиссия по наследию и архитектуре в своей структуре имеет три отдела:

1. Отдел по защите архитектуры (отвечает за охрану исторических памятников).
2. Отдел по ведению архитектурных проектов и строительных работ (компетентен в области архитектурного проектирования, исследований и строительных работ).
3. Отдел по защите подвижных объектов (отвечает за защиту, сохранение, исследования подвижных объектов, как исторических памятников)¹.

Во Франции сложилась довольно стройная система охраны исторических памятников вне зависимости от формы их собственности. В основу этой системы положено сотрудничество государства и собственника по ключевым вопросам охраны объектов культурного наследия, в частности стимулирование к надлежащему содержанию и популяризации памятников².

Непрерывно расширяется сфера ответственности местных властей, так с 2004 г. в их ведение передано право управления местным историческим наследием. В городах Франции охрана культурных памятников является частью местного плана по урбанизму (PLU), разрабатываемого в соответствии с государственным Кодексом градостроительства. Данный план делит территорию на секции, в каждой из которых определено разрешенное планирование застройки. На долгосрочную перспективу город принимает план по благоустройству и развитию, что позволяет устанавливать приоритеты в реставрации тех или иных объектов культурного наследия и эффективно использовать имеющиеся финансовые ресурсы³.

Во Франции сложилась достаточно четкая система охраны исторических памятников, в основу которой положена система государственно-частного партнерства по ключевым вопросам охраны объектов культурного наследия. Приватизация памятников культуры является одним из наиболее распространенных способов привлечения частных инвестиций на их реставрацию и содержание. В рамках сложившейся системы собственник принимает на себя обязательства по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия. Помимо строгих обязательств государством предусмотрены разнообразные меры налогового стимулирования владельцев памятников культуры. Система благотворительности также является одним из дополнительных финансовых ресурсов для сохранения объектов культурного наследия. Закон от 1 августа 2003 г. «О патронате, ассоциациях и фондах» и Указ от 11 февраля 2009 г. «О благотворительных фондах» способствовали развитию спонсорской помощи. Введены налоговые льготы для предприятий, участвующих в сохранении объектов культурного наследия, отнесенных к разряду национального достояния. Кроме налоговых льгот во Франции существует система грантов, направленных на поощрение проектов реставрации и реконструкции. Размер гранта напрямую зависит от того, насколько проект выгоден в коммерческом плане. Данный вид финансирования осуществляется, как правило, региональными и муниципальными властями⁴.

¹ les commissions régionales du patrimoine et de l'architecture [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?idSectionTA=LEGISCTA000034353446&cidTexte=LEGITEXT000006074236> (дата обращения: 28.09.2018).

² Чирвинская Е. Д. Франция: государство и культурное наследие // Культура: управление, экономика, право. 2010. № 4. С. 29–31.

³ Андриевская Н. Слушается дело особняка Ламбер. О системе охраны памятников Франции // Московское наследие. 2010. № 2. С. 145.

⁴ Ивашиненко Н. Н., Стрелков Д. Г. Историко-культурное наследие городов как фактор активизации гражданского самосознания [Электронный ресурс] / Н. Н. Ивашиненко, Д. Г. Стрелков // Вестник Нижегородского института управления: электронное научное издание. Вып. № 3-2013. URL: http://niu.ranepa.ru/nauka/?page_id=3941 / (дата обращения: 28.09.2018).

Система грантов, налоговых льгот и субсидий, поощрение патронажных действий отдельных лиц и предприятий регулируется следующими законами: Налоговым кодексом¹, Кодексом наследия², Законом № 2016-925 от 7 июля 2016 г. относительно свободы создания, архитектуры и наследования³, Законом № 2004-809 от 13 августа 2004 г. о местных свободах и обязанностях⁴, Указом № 69-131 от 6 февраля 1969 г. о распределении субсидий на содержание и ремонт зданий, включенных в дополнительную инвентаризацию исторических памятников⁵, Приказом от 1 февраля 2011 г., устанавливающим условия вознаграждения главных архитекторов исторических памятников за их исследовательскую, консультационную и мониторинговую деятельность и шкалу, применимую к операциям генерального подрядчика по реставрационным работам по перечисленным памятникам истории, принадлежащим государству⁶.

В Великобритании начиная с середины XX в. был принят ряд законов, посвященных различным аспектам охраны памятников: закон о правах местных органов управления в отношении исторических зданий 1962 г.⁷, закон о пустующих церквях и иных культовых сооружениях 1969 г., закон о планировании городского и сельского строительства 1947, 1954, 1959, 1968, 1971 и 1990 гг.⁸, закон о национальном наследии 1980, 1983, 1996, 1997, 2002 гг. (с последующими изменениями)⁹, закон об исторических зданиях и памятниках старины 1953 г.¹⁰, закон о пустующих церквях и иных культовых сооружениях 1969 г.¹¹

¹ Code général des impôts Version consolidée au 1 septembre 2018 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006069577&dateTexte=20181011> (дата обращения: 02.10.2018).

² Code du patrimoine Version consolidée au 1 octobre 2018 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006074236> (дата обращения: 02.10.2018).

³ LOI n° 2016-925 du 7 juillet 2016 relative à la liberté de la création, à l'architecture et au patrimoine [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032854341&categorieLien=id> (дата обращения: 02.10.2018).

⁴ Loi n° 2004-809 du 13 août 2004 relative aux libertés et responsabilités locales URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000804607&categorieLien=cid> (дата обращения: 02.10.2018).

⁵ Décret n° 69-131 du 6 février 1969 relatif à l'attribution des subventions pour les travaux d'entretien et de réparation des édifices inscrits sur l'inventaire supplémentaire des monuments historiques et pour les travaux d'entretien et de mise en valeur dans les sites inscrits, classés ou dans les zones protégées [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?cidTexte=JPDF0702196900001423&categorieLien=id (дата обращения: 02.10.2018).

⁶ Arrêté du 1er février 2011 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023561027&categorieLien=id> (дата обращения: 02.10.2018).

⁷ Local Government (Records) Act, 1962 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/10-11/56> (дата обращения: 28.09.2018).

⁸ Town and Country Planning Act, 1947, 1954, 1959, 1968, 1971, 1990 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.legislation.gov.uk/all?title=Town%20and%20Country%20Planning%20Act> (дата обращения: 28.09.2018).

⁹ National Heritage Act, 1980, 1983, 1996, 1997, 2002 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <http://www.legislation.gov.uk/all?title=heritage> (дата обращения: 28.09.2018).

¹⁰ Historic Buildings and Ancient Monuments Act, 1953 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/1-2/49> (дата обращения: 28.09.2018).

¹¹ Redundant Churches and Other Religious Buildings Act, 1969 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/22> (дата обращения: 28.09.2018).

Охраной недвижимых памятников Великобритании занимается Министерство культуры, СМИ и спорта (Department for Digital, Culture, Media & Sport (DCMS)), которое осуществляет свои полномочия с помощью местных органов. В его компетенции утверждение охранных зон и списков памятников, имеющих статус общегосударственных.

Совет по искусству Англии (Arts Council England) является исполнительным неправительственным государственным органом. Он поддерживает различные виды культурной деятельности, работает над тем, чтобы сохранить в Великобритании объекты, имеющие особое культурное значение, что включает в себя принятие решений по предоставлению налоговых льгот частным лицам и организациям, которые приобретают культурные объекты¹.

Большой лотерейный фонд (the Big Lottery Fund (BIG)) является исполнительным государственным органом Министерства культуры, СМИ и спорта. Ежегодно выдает деньги для реализации проектов в области здравоохранения, культуры, образования и окружающей среды. Большой лотерейный фонд управляется советом. Совет отвечает за определение долгосрочной стратегии Фонда. Он делегирует повседневную работу организации руководителю и его управленческой команде². Национальной лотереи в Великобритании предшествовало множество государственных программ по стимулированию благотворительности и вовлечению частного сектора в поддержку культуры [3].

Распределителем средств выступает Фонд распределения средств Национальной лотереи (National Lottery Distribution Fund), который направляет средства в равных пропорциях ряду негосударственных независимых органов, главной функцией которых было выделение грантов конечным адресатам (проектам), в том числе, в области наследия — Фонд Наследия (The Heritage Lottery Fund)³.

Фонд наследия (вневедомственный государственный орган в правительстве Соединенного Королевства) аккумулирует часть средств национальной лотереи. Фонд был учрежден Актом о Национальной лотерее 1993 г. и стал частью Национального мемориального фонда наследия (National Heritage Memorial Fund), основанного в 1980 г. с принятием Закона о национальном наследии⁴. Фонд наследия был создан с целью разделить государственные поступления и средства, вырученные от продажи лотерейных билетов⁵.

Подводя итоги, стоит отметить, что государства Европы имеют похожую модель управления процессом сохранения наследия. Государственная система исполнительной власти европейских стран имеет общие черты, которые заключаются в разветвлении органов исполнительной власти на местном уровне, и в делегировании основных полномочий не только муниципальным властям, но и общественным организациям. Для европейской модели характерно наличие эффективного законодательства, регулирующего данную сферу, а также властных структур, наделенных необходимыми полномочиями с целью контроля исполнения законов в этой сфере.

¹ Arts Council England [Электронный ресурс] // Arts Council England. URL: <https://www.artscouncil.org.uk/supporting-arts-museums-and-libraries/supporting-collections-and-cultural-property> (дата обращения: 28.09.2018).

² The Big Lottery Fund [Электронный ресурс] // National Lottery Awards for All England. URL: <https://www.biglotteryfund.org.uk/about> (дата обращения: 28.09.2018).

³ The Heritage Lottery Fund [Электронный ресурс] // Heritage Lottery Fund. URL: <https://www.hlf.org.uk/about-us/what-we-do> (дата обращения: 28.09.2018).

⁴ National Heritage Act 1980 [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/17/contents/> (дата обращения: 28.09.2018).

⁵ National Heritage Memorial Fund [Электронный ресурс] // National Heritage Memorial Fund. URL: <http://www.nhmf.org.uk> (дата обращения: 28.09.2018).

Также стоит отметить, что четкая и продуманная финансовая политика, развернутая система экономических поощрений граждан, прямо или косвенно принимающих участие в восстановлении памятников истории и культуры, приносят положительные результаты в деле сохранения объектов культурного наследия исторических городов. И в Англии, и в Италии, и во Франции государство осуществляет прямые денежные вливания на конкретные исторические объекты, находящиеся в частном владении. В целом можно сказать об укреплении отношений между государством и частным сектором в работе по сохранению культурного наследия.

Можно сделать следующий вывод, европейская модель сохранения культурного наследия имеет основу, которая определяется наличием законодательной базы, позволяющей осуществлять прямое взаимодействие трех основных субъектов (публично-правовых образований, юридических лиц, физических лиц), без которых невозможно сформировать общую экономическую подоснову. При отсутствии хотя бы одного элемента в модели происходят сбои, негативно влияющие на инвестиционную привлекательность использования материальных объектов культуры. Только при наличии и взаимодействии всех элементов государство имеет возможность сохранять на должном уровне свое наследие.

Литература

1. *Востряков Л. Е.* Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей // Научные труды СЗАГС. 2011. Т. 2. Вып. 1. С. 42–52.
2. *Косенко С.* Политика культуры или культура политики: опыт Франции. М. : Восток-Запад, 2008.
3. *Музычук В. Ю.* Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты / В. Ю. Музычук; Российская акад. наук, Ин-т экономики. СПб. : Нестор-История, 2013.

Об авторе:

Палий Кристина Романовна, аспирант факультета государственного и муниципального управления, специалист организационного отдела юридического факультета, старший преподаватель кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); paly-design@yandex.ru

References

1. Vostriyakov L. E. Cultural policy: approaches and concepts of the western researchers // Scientific works of SZAGS [Nauchnye trudy SZAGS]. 2011. V. 2. Issue 1. P. 42–52.
2. Kosenko S. Policy of culture or culture of policy: experience of France. Moscow: East-West, 2008. 239 p.
3. Muzychuk V.Yu. State support of culture: resources, mechanisms, institutes / V.Yu. Muzychuk; Russian academy of sciences, Institute of Economy. St. Petersburg: Nestor History, 2013. 280 p.

About the author:

Kristina R. Paliy, Graduate student of the Faculty of State and Municipal Administration, Specialist of the Organizational Department of the Faculty of Law, Senior lecturer of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); paly-design@yandex.ru

Евразийский союз: инструменты управления и интеграции

Саблина Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель проведенного в статье исследования — изучить особенности инструментов управления и интеграции ЕАЭС на современном этапе его существования.

Методы исследования: проблемно-теоретический, хронологический, системный, историко-сравнительный.

Результаты: разработаны предложения по совершенствованию существующих инструментов управления и интеграции ЕАЭС.

Выводы: на данном этапе развития инструменты управления и интеграции в рамках Евразийского союза вполне работоспособны, однако в силу изменений в мире, как политических и социально-экономических, так и технологических, возможны инновации и усовершенствования в данном отношении, способные увеличить эффективность функционирования ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), единое экономическое пространство, интеграция, информатизация, механизм управления

Eurasian Union: Instruments of Management and Integration

Yulia V. Sablina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The aim of the study: to study the features of management tools and integration of the EAEU at the present stage of its existence.

Research methods: problem-theoretical, chronological, systemic, historical-comparative.

Results: proposals to improve the existing management and integration tools of the EAEU have been developed.

Conclusions: at this stage of development, the management and integration tools within the Eurasian Union are quite efficient, but due to changes in the world, both political and socio-economic and technological, innovations and improvements in this regard are possible, which can increase the efficiency of the EAEU functioning.

Keywords: Eurasian economic Union (EAEU), common economic space, integration, informatization, management mechanism

Введение

В условиях глобализации и мирового финансового кризиса возможностью преодолеть существующие трудности следует определить процесс международной экономической интеграции, который подразумевает международное объединение экономик государств в общий рынок, с постепенной отменой ограничений (тарифных и нетарифных), приводящей к унификации экономической политики и к иным последствиям.

В рамках международной экономической интеграции Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), созданное в 2000 г., членами которого стали Армения, Беларусь, Россия, Кыргызстан и Казахстан, стало одним из наиболее серьезных многосторонних интеграционных союзов государств, которые развиваются на постсоветском пространстве достаточно динамично [21, с. 61]. Десятилетие деятельности данного союза государств дало возможность определить его потенциал в рамках укрепления взаимовыгодных для всех членов торгово-экономических связей, в также повышения эффективности экономик государств и устойчивого их развития.

В 2011 г. в связи с изменениями в международной политике и общей тенденцией к глобализации в рамках всей планеты В.В. Путиным была сформулирована «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [20]. То есть данное объединение должно было стать центром интеграционных процессов в рамках данного региона. С данной концепцией согласился и Н.А. Назарбаев, Президент Казахстана, добавив, что созрела необходимость создания «конкурентоспособного глобального экономического объединения» [16, с. 107].

Учредительный Договор ЕАЭС был подписан главами государств-учредителей 29 мая 2014 г. (РФ, РБ, РК), по своей международно-правовой сути данный договор — учредительный договор международной организации. Важным является тот факт, что в соответствии с правовым регулированием в ЕАЭС господствует принцип равенства членов (в отличие от, например, ЕС) [23, с. 210]. Таким образом, 1 января 2015 г. на смену ЕврАзЭС пришел ЕАЭС. Первоначально его членами стали Казахстан, Белоруссия и РФ. 2 января присоединилась Армения, а 12 августа того же года — Киргизия.

Интеграция как процесс определяется взаимодействием участников в различных сферах путем создания интеграционных союзов в той форме, что станет соответствовать целям и возможностям государств-участников интеграции [19, с. 75]. Нужно назвать цель создания ЕАЭС, которая определена в рамках кооперации, всесторонней модернизации, увеличения для каждой из стран-участников конкурентоспособности экономики, а также создания условий, при которых возможно в интересах повышения жизненного уровня стабильное развитие их населения [18, с. 65].

Экономическую интеграцию в ЕАЭС знаменовала либерализация торговли товарами стран-участниц. Данное действие было определено появлением общего таможенного тарифа для участников ЕАЭС по отношению к иным государствам [8, с. 152]. Также был установлен принцип свободы межгосударственного передвижения производственных факторов и произведена унификация макроэкономической политики стран-участниц. Необходимо также отметить создание органов управления надгосударственного уровня, которые на сегодняшний день стали иметь и политический характер [2, с. 27].

Материалы и методы

В данном исследовании использовано 26 библиографических источников по истории становления ЕАЭС до данного этапа. В частности, раскрывающих существующие органы управления данной организации, характер представительства от всех стран, входящих в ЕАЭС.

При работе над данной статьей были использованы принципы объективности, историзма, детерминизма, а также, наряду с общенаучными, и частно-научные методы: хронологический, проблемно-теоретический, историко-сравнительный, системный.

Результаты

Е. М. Кузьмина утверждает, что «в ЕАЭС объединились страны с различными объемами экономик, экономическими законодательствами и уровнем открытости экономик, что изначально ставит некоторые внутренние ограничения для его развития» [17, с. 48]. В целом, руководящие органы ЕАЭС продублированы с ЕврАзЭС (кроме Суда ЕврАзЭС), к ним относятся: Евразийский межправительственный совет; Высший Евразийский экономический совет; Суд Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия [6, с. 55]. Последняя была создана в 2011 г. и ей подконтрольны около 170 функций ЕАЭС. В данный институт включены совет, в который входят по вице-премьеру от каждого государства-участника, и коллегия, включающая еще по 3 представителя [5, с. 263].

Выше было сказано о создании в рамках ЕАЭС органов управления надгосударственного уровня. Для того чтобы достичь работы их с максимальной эффективностью, странами-членами были разработаны и подписаны отдельные соглашения, которые регламентировали деятельность данных институтов с момента создания [12, с. 10].

С. А. Глазьевым утверждается, что процесс экономической интеграции в евразийском пространстве необратим, что предполагает смену периода неустойчивости до второго десятилетия 21 века функционированием наднациональных структур в устойчивом состоянии. В частности, ученый отмечает работу наднационального органа, «Комиссии Таможенного союза» (с 2012 г. «Евразийской экономической комиссии») [11, с. 224]. Интересно отметить, что данный институт смог принять на данный момент в результате консенсуса более 2000 решений, однако неподтвержденных текстом Договора [1, с. 40]. Наднациональным полномочиям дает описание п. 2 ст. 103 Договора, где указано, что по завершении гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков странами-участницами будет принято решение о функционале и полномочиях наднационального органа по регулированию финансового рынка, причем создан он должен быть в 2025 г. в городе Алма-Ата.

Необходимо отметить, что 11 апреля 2017 г. был подписан, а с начала 2018 г. вступил в действие Таможенный кодекс ЕАЭС. После вступления технического регламента Таможенного союза производитель может выбрать для производства продукции любой тип стандарта из входящих в перечень к регламенту: межгосударственные стандарты или национальные стандарты любого государства, входящего в Таможенный союз. Например, белорусское предприятие имеет право производить свою продукцию по стандартам РФ и продавать в Белоруссии без дополнительного подтверждения соответствия [22, с. 161].

Еще в 2006 г. был создан Казахстаном и РФ с целью реализации серьезных инвестиционных проектов Евразийский банк развития (ЕАБР). Позже в состав участников ЕАБР вступили Республика Армения и Республика Беларусь. Сегодня также участниками являются Кыргызская Республика и Республика Таджикистан. В уставном капитале ЕАБР доли государств-участников распределены неравномерно: РФ принадлежит 65,97%; РК — 32,99%; РБ — 0,99%; Республике Таджикистан — 0,03%, а Кыргызской Республике и Республике Армения — по 0,01%. Руководство планирует в период 2018–2022 гг. увеличить объем текущего инвестиционного портфеля ЕАБР до 3,6 млрд долл. с 2,3 млрд долл., причем общая стоимость новых проектов банка за данный период должна быть в пределах 4,6 млрд долл.¹

Необходимо отметить также функционирование «Евразийского делового совета», который объединяет представителей предпринимательских кругов государств-чле-

¹ Официальный сайт Евразийского банка развития [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org> (дата обращения: 15.08.2018).

нов ЕАЭС. Например, на заседании от 8 августа 2018 г. были определены самые важные препятствия на рынке ЕАЭС на данный период времени, такие как взаимное признание документов об оценке соответствия средств связи, в том числе, мобильных телефонов и планшетов, доступ в отдельных сферах к госзакупкам, при наличии административных правонарушений запрет въезда в страны ЕАЭС, назревшая необходимость гармонизации требований к подготовке водителей, а также иные вопросы внутреннего рынка ЕАЭС¹.

Таким образом, можно констатировать, что ЕАЭС в качестве интеграционного образования — это международная организация региональной экономической интеграции, которая характеризуется правосубъектностью международного уровня, что, с правовой точки зрения, позволяет определить его в качестве юридического лица, обладающего международной правосубъектностью². Органы его управления — Евразийская экономическая комиссия и Высший евразийский экономический совет. Высшим наднациональным органом ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет [7, с. 260].

Обсуждение

Нельзя не согласиться с мнением И.В. Андроновой, которая утверждает, что «ЕАЭС потенциально — крайне мощный геополитический, экономический, а также идеологический проект» [3, с. 8]. Н. С. Зияддулаев отмечает, что «в нынешнем виде ЕАЭС представляет собой гораздо менее продвинутый интеграционный проект, нежели задумывалось ранее. Не случайно вместо «Евразийского союза» появился «Евразийский экономический союз», сконцентрировавшийся лишь на экономическом сотрудничестве» [14, с. 5]. Однако для решения всех стоящих перед ним задач необходимо осуществление экономической реструктуризации и модернизации [15, с. 56].

ЕАЭС осуществляется скоординированная политика в рамках союза в тех отраслях экономики, которые определяются договором и международными договорами, созданными в рамках ЕАЭС. Данное объединение дало возможность близким географически государствам выйти на качественно иной уровень взаимодействия в области экономики, что, в свою очередь, формирует инновационные для стран-членов Евразийского союза конкурентные преимущества в современном мире под знаком глобализации [13, с. 27]. Конечно, также нужно помнить о ведущей роли РФ в ЕАЭС при условии обострившихся отношений с ЕС, США и их союзниками [24, с. 171].

Инструменты управления и интеграции в рамках Евразийского союза вполне работоспособны, однако в силу изменений в мире, как политических и социально-экономических, так и технологических, необходимо отметить ряд возможных преобразований и усовершенствований в данном отношении, способных увеличить эффективность функционирования ЕАЭС.

В частности, ведущими сегодня в мире являются тенденции всемерной информатизации вкупе с развитием концепции электронного управления [26, с. 40]. Это делает сверхважной для эффективности функционирования ЕАЭС разработать общую

¹ Государства-члены определили очередные наиболее чувствительные препятствия на рынке ЕАЭС, которые рассмотрят на Совете ЕЭК 24 августа [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕАК URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-08-2018-1.aspx> (дата обращения: 15.08.2018).

² Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст. 4 (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 15.08.2018).

для стран-участниц технологию электронного управления. Без сомнения, сотрудничество стран-участниц Союза в данной сфере будет решать задачу минимизации временных ресурсов в деле процесса их интеграции в рамках единой экономической зоны. В частности, Л.А. Видясова отмечает, что «совместные и согласованные усилия стран-участниц ЕАЭС в сфере изменения институциональных и других факторов могут создать основу для формирования единой информационно-коммуникационной среды на пространстве ЕАЭС» [9, с. 73]. Перспективным является развитие системы электронной идентификации граждан стран-участниц ЕАЭС, что позволит максимально упростить интеграцию в области управления перемещениями населения данных государственных образований [4, с. 73].

В плане интеграции серьезным вопросом становится введение единой валюты в рамках ЕАЭС [10, с. 52], что повысило бы функционал экономического взаимодействия стран-участниц при одновременном понижении зависимости последних от валют традиционных, таких, как евро и доллар. Однако пока среди участников нет на данный счет единой точки зрения. Решению этой задачи могло бы способствовать создание Комиссии по вводу расчетной денежной единицы.

Не менее важен «зеленый свет» для ТНК в рамках стран-участниц [25, с. 435], чему может помочь создание Комиссии по межгосударственным совместным предпрятиям и финансово-промышленным группам. Главное же заключено в том, что эффективность евразийской интеграции на данный момент времени — решающий фактор подъема экономики РФ и всех стран-участниц ЕАЭС, а также, во многом, и СНГ.

Литература

1. Азанов Б. К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2014. № 8(75). С. 39–48.
2. Азанов Б. К. Евразийский союз Белоруссии, Казахстана, России — какое будущее? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5(72). С. 26–33.
3. Андропова И. В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 2. С. 7–23.
4. Болгов Р. В., Мисников Ю. Г., Филатова О. Г., Чугунов А. В. Системы электронной идентификации граждан в сравнительной перспективе // Межотраслевая информационная служба. 2015. № 2 (171). С. 71–76.
5. Бугорская О. Л., Зубков С. А. Органы управления евразийского экономического союза // Парадигмальные основания государственного управления: сравнительный анализ опыта регионов стран СНГ: сб. статей. Курск : КАГиМС, 2015. С. 262–266.
6. Буторина О. В., Захаров А. В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция. 2015. № 2. С. 52–68.
7. Бутылкина В. Д. Совершенствование институциональной основы и правовой базы ЕАЭС // Студент: наука, профессия, жизнь: сб. статей. Омск : ОГУПС, 2016. С. 256–262.
8. Бутылкина В. Д. Тенденции развития таможенного регулирования: правовая база интеграционных процессов ЕАЭС // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: сб. статей. СПб : Стратегия будущего, 2016. С. 151–153.
9. Видясова Л. А., Чугунов А. В., Видясов В. Ю. Развитие электронного управления в странах евразийского экономического союза: прогресс, вызовы и перспективы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 1. 2017. С. 66–80.
10. Владыцкий А. С. Евразийский союз: новая модель интеграции // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2013. № 662. С. 47–52.
11. Глазьев С. Ю. Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой. М., 2014.
12. Жумабаева М. Е., Бородаев В. Е. Евразийский экономический союз: правовая характеристика // Международный правовой курьер. 2016. № 1(13). С. 9–14.

13. Зиядуллаев Н. С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 25–37.
14. Зиядуллаев Н., Зиядуллаев С. Евразийский экономический союз в контексте Российской интеграционной стратегии // Общество и экономика. 2016. № 8. С. 5–16.
15. Касенкина М. А., Марцева Т. Г., Баркова А. В. Евразийская экономическая комиссия как инструмент Евразийской интеграции // Правовые, социально-экономические и гуманитарные аспекты организационного развития в сфере образования, науки и бизнеса: сб. статей. Ставрополь : Логос, 2016. С. 54–56.
16. Костенко О. В. Евразийская экономическая интеграция: предыстория, текущая ситуация и перспективы развития // Образование, наука и вызовы современности: сб. статей. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2016. С. 106–111.
17. Кузмина Е. М. Евразийский экономический союз в новых экономических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94). С. 45–53.
18. Левша И. Л. Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы интеграционного сотрудничества // Актуальные проблемы и перспективы развития внешнеторговой деятельности: сб. статей. Брянск : БГУ им. ак. И. Г. Петровского, 2014. С. 64–67.
19. Никитина Т. А. Теоретические подходы к анализу Евразийской интеграции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 8. С. 72–78.
20. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/news/502761> (дата обращения: 15.08.2018).
21. Сынова Е. М. Финансово-правовые аспекты сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза // Право в современном мире: сб. статей. Донецк : ДНУ, 2018. С. 61–64.
22. Сынова Е. М. Формирование нормативно-правовой базы предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе // Вестник ДНУ. 2017. № 2. С. 159–165.
23. Темаева Ю. С. К вопросу об источниках права Евразийского союза // Символ науки. 2016. № 9–1 (21). С. 210.
24. Тенетко А. А. Евразийский экономический союз: вопросы идеологии // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: сб. статей. Челябинск : Издательство ЧФ РАНХиГС, 2015. С. 166–172.
25. Тенетко А. А. Регулятивный механизм интегративного образования «Евразийский экономический союз»: проблемы и перспективы // Экономика и бизнес. Взгляд молодых. 2016. № 1. С. 431–435.
26. Филатова О. Г., Чугунов А. В. Электронное управление в процессах евразийской интеграции // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: сб. статей. СПб. : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015. С. 40–42.

Об авторе:

Саблина Юлия Валерьевна, аспирант, ведущий специалист факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sablina-yuv@sziu.ranepa.ru

References

1. Azanov B. K. Contract on the Eurasian Economic Union: complex legal analysis // Eurasian law journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2014. N 8(75). P. 39–48. (In rus)
2. Azanov B. K. The Eurasian Union of Belarus, Kazakhstan, Russia — what future? // Eurasian law journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2014. N 5(72). P. 26–33. (In rus)
3. Andronova I. V. Eurasian Economic Union: potential and restrictions for regional and global leadership // Messenger of the international organizations: education, science, new economy [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2016. N 2. P. 7–23. (In rus)
4. Bolgov R. V., Misnikov Yu. G., Filatova O. G., Chugunov A. V. The systems of electronic identification of citizens in comparative prospect // Interindustry information service [Mezhotraslevaya informatsionnaya sluzhba]. 2015. N 2(171). P. 71–76. (In rus)
5. Bugorskaya O. L., Zubkov S. A. Governing bodies of the Eurasian Economic Union // Paradigmaly bases of public administration: comparative analysis of experience of regions of the CIS countries: collection of articles. Kursk : KASMS, 2015. P. 262–266. (In rus)

6. Butorina O.V., Zakharov A.V. On scientific basis of the Eurasian Economic Union // Eurasian integration [Evraziiskaya integratsiya]. 2015. N 2. P. 52–68. (In rus)
7. Butylkina V.D. Improvement of an institutional basis and legal base EEU // Student: science, profession, life: collection of articles. Omsk : OSTU, 2016. P. 256–262. (In rus)
8. Butylkina V.D. Trends of development of customs regulation: legal base of integration processes of EEU // State and business. Modern problems of economy: collection of articles. SPb. : Strategy of the future, 2016. P. 151–153. (In rus)
9. Vidyasova L.A., Chugunov A.V., Vidyasov V.Yu. Development of e-government in the countries of the Eurasian Economic Union: progress, calls and prospects // Bulletin of the international organizations: education, science, new economy [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2017. N 1. 2017. P. 66–80. (In rus)
10. Vladysky A.S. Eurasian Union: new model of integration // MSLU Bulletin. Social sciences [Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki]. 2013. N 662. P. 47–52. (In rus)
11. Glazyev S. Yu. Current problems and the fundamental principles of the Eurasian (Post-Soviet) economic integration / under the editorship of Yu. M. Osipov, A.Yu. Arkhipov, E. S. Zotova. M., 2014. 564 p. (In rus)
12. Zhumabayeva M. E., Borodaev V. E. Eurasian Economic Union: legal characteristic // International legal courier [Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er]. 2016. N 1(13). P. 9–14. (In rus)
13. Ziyadullayev N. S. EEU: between policy and economy // Problems of the theory and practice of management [Problemy teorii i praktiki upravleniya]. 2014. N 11. P. 25–37. (In rus)
14. Ziyadullayev N., Ziyadullayev S. Eurasian Economic Union in the context of the Russian integration strategy // Society and economy [Obshchestvo i ekonomika]. 2016. N 8. P. 5–16. (In rus)
15. Kasenkina M. A., Martseva T. G., Barkova A. V. The Eurasian economic commission as the instrument of the Eurasian integration // Legal, social and economic and humanitarian aspects of organizational development in education, science and business: collection of articles. Stavropol : Logos, 2016. P. 54–56. (In rus)
16. Kostenko O. V. Eurasian economic integration: background, current situation and prospects of development // Education, science and calls of the present: collection of articles. Rostov-on-Don : SFU, 2016. P. 106–111. (In rus)
17. Kuzmina E. M. Eurasian Economic Union in new economic conditions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. N 10(94). P. 45–53. (In rus)
18. Levsha I. L. Eurasian Economic Union: problems and prospects of integration cooperation // Current problems and prospects of development of the foreign trade activity: collection of articles. Bryansk : Bryansk State Academician I. G. Petrovskii University, 2014. P. 64–67. (In rus)
19. Nikitina T. A. Theoretical approaches to the analysis of the Eurasian integration // Bulletin of the Transbaikal State University [Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2016. N 8. P. 72–78. (In rus)
20. Putin V. V. The new integration project for Eurasia — the future which is born today [An electronic resource] // the Website of the Izvestia newspaper. URL: <https://iz.ru/news/502761> (date of the address: 15.08.2018). (In rus)
21. Synkova E. M. Financial and legal aspects of cooperation within the Eurasian Economic Union // Law in the modern world: collection of articles. Donetsk : DNU, 2018. P. 61–64. (In rus)
22. Synkova E. M. Formation of a regulatory framework of business activity in the Eurasian Economic Union // DNU Bulletin [Vestnik DNU]. 2017. N 2. P. 159–165. (In rus)
23. Temayeva Yu. S. To a question of sources of law of the Eurasian Union // Science Symbol [Simvol nauki]. 2016. N 9-1(21). P. 210. (In rus)
24. Tenetko A. A. Eurasian Economic Union: ideology questions // Profile and professional education in the conditions of modern polycultural space: collection of articles. Chelyabinsk : Chelyabinsk branch of RANEPa publishing house, 2015. P. 166–172. (In rus)
25. Tenetko A. A. Regulatory mechanism of integrative association Eurasian Economic Union: problems and prospects // Economy and business. Look of young people [Ekonomika i biznes. Vzgl'yad molodykh]. 2016. N 1. P. 431–435. (In rus)
26. Filatova O. G., Chugunov A. V. E-government processes of the Eurasian integration // Sociocultural environments and the communicative strategy of information society: collection of articles. SPb. : Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, 2015. P. 40–42. (In rus)

About the author:

Yulia V. Sablina, Graduate Student, Leading specialist of the Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); sablina-yuv@sziiu.ranepa.ru

Рецензия на книгу В. Л. Квинта «Вглядываясь в будущее: изыскания пророков, предсказателей, лидеров и стратегов»

The Review of the Book by Vladimir L. Kvint "Gazing into the Future:
a Study of Prophets, Visionaries, Leaders and Strategists"

Квинт В. Л. Вглядываясь в будущее: изыскания пророков, предсказателей, лидеров и стратегов : открытая лекция / В. Л. Квинт ; Сев.-Зап. ин-т упр. РАНХиГС. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. — 28 с.

ISBN 978-5-89781-618-7

Предлагаемая книга посвящена актуальной научной проблеме, имеющей большую практическую значимость. Современное состояние развития общества характеризуется высокой степенью неопределенности перспектив его дальнейшего развития. В этой связи существует острая потребность в разработке методов и технологий прогнозирования и эффективного управления в самых разных сферах общественной жизни. Автор предлагает оригинальную и интересную версию исторического развития, выделяя четыре группы исторических деятелей, оказавших большое влияние на ход истории: пророки, предсказатели, лидеры и стратеги. При этом подчеркивается особенно важная роль, которая принадлежит наиболее активным представителям этих групп — лидерам и стратегам.

Можно согласиться с общим выводом автора о том, что роль профессиональных стратегов в современных условиях чрезвычайно важна и востребована. В этой связи представляется весьма конструктивной постановка проблемы специальной подготовки представителей этой категории. Вопрос о роли пророков и предсказателей представляется более спорным и проблематичным, так как в качестве исторических примеров нередко приводятся фигуры и образы из

далекого прошлого, чье реальное существование и деятельность нельзя считать строго научно обоснованным.

С психологической точки зрения интересными и перспективными представляются идеи автора о качествах, которыми должны обладать профессиональные стратеги (стратегическое мышление, видение будущего и интуиция). Тем самым подспудно ставится задача диагностики и профессионального отбора людей, обладающих данными качествами. Вместе с тем подчеркивается необходимость профессиональной подготовки таких специалистов в области методологии прогнозирования и стратегирования, умения использовать глубокие знания об объекте в практической деятельности.

Высказанные автором идеи представляются особенно актуальными в связи с активно обсуждаемыми в современном научном сообществе проблемами глобальных вызовов будущего, неопределенности, нестабильности и слабой прогнозируемости перспектив развития мирового сообщества. Особую актуальность в современных условиях представляют идеи об активной позиции человека в условиях глобальных рисков и неопределенности, развиваемые в психологии в рамках субъектного подхода. На смену представлениям о жесткой и однозначной детерминации исторического развития общества приходят идеи самоопределения личности и группы в непрерывно меняющихся условиях, понимание того, что будущее каждого человека, социальных сообществ и человечества в целом зависит во многом от тех выборов, которые они сами делают и за последствия которых они принимают и несут ответственность. И особенно важная роль (и связанная с ней социальная ответственность) возлагается на людей, готовящих и принимающих наиболее важные решения, разрабатывающих и реализующих стратегию развития общества.

Об авторе:

Позняков Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН (Москва, Российская Федерация); pozn_v@mail.ru

About the author:

Vladimir P. Poznyakov, Doctor of Science (Psychology), Professor, Chief researcher of Laboratory of psychology of labor, ergonomics, engineering and organizational psychology of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); pozn_v@mail.ru

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2018 г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

От главного редактора

№ 9, 10, 11,
12, с. 8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Борщевский Г. А. Государственная отраслевая политика и эффективность государственной службы (на примере отрасли здравоохранения) № 9, с. 11

Меркулов В. М. Методы и формы координации № 11, с. 11

Приятелев В. В. Проектный подход к формированию управленческих команд на муниципальном уровне № 1, с. 8

Шамахов В. А., Межевич Н. М. Внешнеполитическое сотрудничество в практиках Союзного государства и вызовы международной политики № 10, с. 11

Яновский В. В., Исаев А. П., Нещерет А. К. О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении № 7, с. 8

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив № 10, с. 19

Бажуков В. И. «Миротворческая» операция НАТО в Боснии и Герцеговине (1992–1995): концепция и реальность № 1, с. 34

Балашов А. И., Захаренко Г. А. Зачем открывать закрытое здравоохранение? № 6, с. 33

Баранец С. Н. Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели (часть первая) № 6, с. 41

Баранец С. Н. Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели (часть вторая) № 7, с. 32

Баранец С. Н. Политические условия и направленность эволюции местной власти в современной России: от местничества и самоуправства к социальноответственной муниципальной общности № 10, с. 27

Белов В. В., Белова Е. В. Проблема создающего организационного лидерства в современной российской политике № 5, с. 30

Борщенко В. В. Оценка манипуляционного потенциала интернета в политической сфере № 8, с. 20

- Васильева Ю. В.* Сравнительный анализ правовых оснований, регулирующих принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, предусмотренных Федеральными законами от 28.08.1995 № 154-ФЗ и 06.10.2003 № 131-ФЗ № 11, с. 24
- Вафин А. М.* Преемственность как микрополитика современных компаний № 9, с. 36
- Возжеников А. В., Цыбаков Д. Л., Филонов В. И.* Ремилитаризация мировой политики в контексте национальной безопасности современной России № 1, с. 16
- Десятниченко Д. Ю., Десятниченко О. Ю.* Опыт, проблемы и перспективы практической реализации концепции «Открытого Правительства» в РФ № 12, с. 25
- Елсуков М. Ю., Барсболд Б.* Политика государственного протекционизма в странах с различным уровнем экономического развития № 8, с. 8
- Иштван Тожа, Янош Салай.* Геостратегия у юго-восточных ворот ЕС № 6, с. 20
- Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Противодействие идеологии современного терроризма № 5, с. 8
- Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Современная демократия и политические лидеры № 7, с. 17
- Клюев А. В., Ляшко С. В.* Профилактическая деятельность по обеспечению правопорядка и законности в Санкт-Петербурге (по материалам социологического исследования) № 6, с. 8
- Ковалев А. А.* Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации № 6, с. 53
- Ковалев А. А.* О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны № 2, с. 24
- Ковалев А. П., Лёвкин И. М., Науменко К. А.* Космические информационные технологии в арктической политике Евросоюза № 5, с. 42
- Коростелев С. В.* К определению феномена терроризма: влияние на следия Нюрнбергского трибунала № 5, с. 19
- Коростелев С. В.* Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма № 4, с. 16
- Косов Ю. В., Николаенко А. В.* Политическое управление развитием Арктики (Анализ основных этапов становления) № 1, с. 23
- Кривко М. А.* Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях № 7, с. 43
- Курочкин А. В., Бабюк И. А.* Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания № 2, с. 8
- Малик Е. Н., Соколов В. В.* Приоритеты реализации государственной молодежной политики в Орловской области № 1, с. 51
- Мирошников С. Н.* Государственное управление инвестиционной привлекательностью и инфраструктурным развитием территорий: проблемы и решения № 9, с. 29
- Орлова И. А.* Транснациональная среда мировой политики как фактор развития международного процессуального права № 10, с. 38

<i>Орлова И. А., Пацек М.</i> Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования	№ 4, с. 8
<i>Орлова И. А., Мишальченко Ю. В., Пацек М.</i> Неопределенность регулирования в борьбе с экстремизмом в международном и национальном праве	№ 12, с. 18
<i>Прошина Е. М.</i> К вопросу о формировании новой политической науки в современной России	№ 7, с. 49
<i>Разуваев Н. В., Трегубов М. В.</i> Правовая наука и развитие образовательных компетенций юриста	№ 1, с. 42
<i>Фирсов В. В.</i> Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе	№ 3, с. 8
<i>Шалаева А. А., Алёхина И. С.</i> Правозащитные организации: понятие и проблемы классификации	№ 5, с. 53
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Глобальная политика и глобальная экономика: некоторые тенденции 2018 года	№ 12, с. 11
<i>Шедий М. В.</i> Методы научного анализа коррупционных отношений	№ 2, с. 15

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Андреева Е. С.</i> Анализ восприятия интеграционных процессов в армянском обществе	№ 3, с. 22
<i>Бек И.</i> Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции	№ 1, с. 56
<i>Бек И.</i> Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции (<i>продолжение</i>)	№ 2, с. 32
<i>Бек И.</i> Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции (<i>окончание</i>)	№ 3, с. 14
<i>Глиттова Я., Торопыгин А. В.</i> Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия	№ 12, с. 33
<i>Кузнецова А. Е.</i> Экологические положения для торговых соглашений с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС)	№ 5, с. 59
<i>Саблина Ю. В.</i> Государственность как проблема евразийской идеологии	№ 8, с. 31
<i>Саблина Ю. В.</i> Представления евразийцев о развитии советского государства в годы НЭПа	№ 2, с. 63
<i>Шамахов В. А., Корягин П. А., Кунтишев Р. А.</i> Технология блокчейн как фактор глобальной модернизации международных процессов таможенного регулирования. Внедрение цифровой системы распределенных реестров в Таможенном союзе стран ЕАЭС	№ 6, с. 63

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

<i>Амиров Р. А.</i> Экспорт образовательных услуг как важнейший фактор повышения конкурентоспособности и экономического развития страны	№ 8, с. 71
<i>Амиров Р. А., Егоров Е. В.</i> Цифровая экономика и актуальные задачи ее кадрового обеспечения России	№ 9, с. 42
<i>Баранец С. Н.</i> Местная власть в политической системе российского региона: проблемы управленческих взаимодействий и современные теоретические модели	№ 12, с. 48

- Белов В. И., Василевский Д. А.* Развитие промышленного сектора как основа роста экономики Российской Федерации № 5, с. 102
- Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А.* Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития № 2, с. 43
- Бойко И. В.* Пространственная и технологическая диверсификация российской экономики № 6, с. 68
- Бочуров А. А., Курбанов А. Х., Литвиненко А. Н.* Вопросы экономической безопасности в оборонно-промышленном комплексе № 3, с. 41
- Гагарина Г. Ю., Мирошников С. Н.* Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования № 12, с. 79
- Гетман А. Г.* Актуальные вопросы управления рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности № 10, с. 64
- Григорьева К. Д.* Инструменты государственной поддержки инновационного развития в Ленинградской области № 4, с. 94
- Григорьева К. Д.* Лекарственное импортозамещение — перспективное направление развития российской экономики № 5, с. 137
- Дегтярева О. В.* Социопсихологические и гендерные факторы, повлиявшие на симпатии и антипатии избирателей к кандидатам в президенты Ю. Тимошенко и В. Януковича № 11, с. 101
- Душко Димитриевич.* Перспективы и проблемы привлечения китайских инвестиций в экономику Сербии № 6, с. 88
- Елсуков М. Ю., Амиров Р. Р.* Государственное управление занятостью населения в условиях кризиса экономики № 11, с. 81
- Елсуков М. Ю., Гороева М. Ш.* Государственное регулирование рынка алкогольной продукции: социально-экономический эффект и развитие регионов Российской Федерации (на примере Кабардино-Балкарской республики) № 8, с. 51
- Жиряева Е. В.* Экономические и политические результаты членства Российской Федерации в ВТО: оценка на базе теорий международных организаций № 3, с. 52
- Жиряева Е. В., Наумов В. Н.* Оценка глобальных и глокальных торговых потоков в торговле субъектов Северо-Западного федерального округа № 5, с. 113
- Запорожан А. Я.* Эволюция финансового рынка. Криптовалюта № 5, с. 77
- Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Особенности формирования инновационной экономики в некоторых азиатских странах: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации № 11, с. 59
- Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Некоторые особенности формирования инновационной экономики в странах ЕС и в США: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации № 12, с. 59
- Исаев А. П., Васильева Т. В.* О мерах по регулированию использования цифровых технологий в финансовой сфере № 9, с. 51
- Казакова М. В.* Факторы конвергенции и дивергенции в мировой экономике: краткий обзор № 7, с. 96
- Казанцева А. Н., Плотников В. А.* Развитие системы внутреннего контроля в современных компаниях: теоретические подходы и предложения по совершенствованию № 10, с. 99

Калинский О. И. Рекомендации по внедрению модели управления деловой репутацией (гудвиллом) на промышленных предприятиях	№ 4, с. 71
Каранатова Л. Г., Евсюков А. В. Определение групп субъектов социального туризма	№ 4, с. 63
Каранатова Л. Г., Евсюков А. В. Отображение политики протекционизма в современной туристской отрасли	№ 6, с. 102
Ковалев С. П., Сороколетов П. В. Реализация государственного контроля и регулирования в здравоохранении при переходе к цифровой экономике	№ 4, с. 53
Короткова Т. Л., Болормаа Б. Формирование стратегии социально-экономического развития распределительной сети потребительских товаров	№ 5, с. 86
Коткова К. Б., Пронякина Е. Д. Глобальное управление в деятельности ООН как механизм реализации концепции устойчивого развития	№ 4, с. 101
Кроливецкая С. М. Перспективы развития экспортного потенциала высшего образования Российской Федерации	№ 12, с. 73
Круглов В. В., Лабудин А. В., Медников В. В. О некоторых проблемах экономического образования	№ 4, с. 27
Кузьменков А. М., Плотников В. А., Рукинов М. В. Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты	№ 11, с. 71
Куклина Е. А. Инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса на основе реализации модели максимизации добавленной стоимости	№ 4, с. 39
Курзенов В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Чернейко Д. С. Технология обеспечения развивающихся экономических систем профессиональными кадрами	№ 2, с. 55
Левашенко А. Д., Ермохин И. С., Лебедева С. К. Присоединение России к декларации ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях 1976 г.: новые возможности для продвижения национальных интересов	№ 1, с. 70
Моисеев Р. А., Ралков А. А., Тихомиров Д. В. Подходы к определению ставки дисконтирования в проектном финансировании: отечественный и международный опыт	№ 7, с. 69
Орлов Е. В. Формирование организационной структуры управления социально-экономическим развитием региона на базе использования некоммерческой концессии (на примере Костромской области)	№ 5, с. 130
Петров А. Н., Хорева Л. В., Карпова Е. Г., Шокола Я. В. Вклад конгрессно-выставочных услуг в экономику дестинации: развитие методики оценки	№ 12, с. 100
Полякова А. А., Кожанчикова Н. Ю., Дударева А. Б. Современные тенденции функционирования рынка страховых услуг России	№ 10, с. 70
Попова Л. В., Субботина К. В. Особенности формирования стратегии прямых иностранных инвестиций Японии в XXI веке	№ 12, с. 91
Родионова Е. С., Сауренко Т. Н., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. Модель и метод календарного планирования логистических процессов перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса	№ 11, с. 109
Румянцева С. Т., Ходачек В. М. Приоритеты развития экономической базы и налогового потенциала высокоурбанизированных регионов	№ 8, с. 39

<i>Савельева М. В.</i> Коучинг как инструмент развития команды	№ 5, с. 69
<i>Смиренникова Е. В., Уханова А. В., Воронина Л. В.</i> Оценка состояния окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в российской Арктике	№ 9, с. 59
<i>Томаев А. О., Каукин А. С.</i> Моделирование рынка внутренних российских пассажирских авиаперевозок	№ 4, с. 85
<i>Тутыгин А. Г., Коробов В. Б.</i> Экспертная оценка соотношения затрат при строительстве нефтяной транспортной инфраструктуры в Арктике	№ 12, с. 110
<i>Халин В. Г., Чернова Г. В.</i> Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски	№ 10, с. 46
<i>Харчилава Х. П.</i> Подходы к оценке качества корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием	№ 10, с. 84
<i>Цацулин А. Н.</i> Оценочные технологии в сфере обращения предметов искусства (история оценки рыночной стоимости одной русской картины)	№ 11, с. 44
<i>Чернышов А. Н.</i> Взаимодействие государства и НКО: возможности, механизмы, проблемы и пути их решения	№ 10, с. 89
<i>Шамахов В. А., Межевич Н. М.</i> Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики	№ 11, с. 35
<i>Шамахов В. А., Исаев А. П., Яновский В. В.</i> Критические факторы окружающей среды в стратегии развития Арктической зоны	№ 3, с. 28
<i>Шамахов В. А., Кудряшов В. С.</i> Формирование туристского водного кластера в Санкт-Петербурге: анализ и перспективы развития	№ 7, с. 56
<i>Шунаев А. М.</i> Опыт борьбы с коррупцией в Южной Корее и Сингапуре	№ 3, с. 65
<i>Щербакова Д. В., Медведь А. А.</i> Факторы инвестиционной привлекательности регионов России	№ 11, с. 119
<i>Щербакова Н. В., Хайкин М. М.</i> Город как объект эколого-экономических исследований: пример российских городов	№ 7, с. 82
<i>Щитинский В. А., Минина М. В.</i> Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации	№ 6, с. 77

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

<i>Абрамов А. С.</i> Проблемные вопросы и перспективы внедрения технологии декларирования процедуры таможенного транзита в электронной форме как инструмента повышения качества таможенных услуг	№ 2, с. 80
<i>Абрамов А. С., Дмитриев А. А.</i> Разработка концепции выявления и оценки рисков как инструмента повышения эффективности электронного декларирования таможенного транзита	№ 9, с. 100
<i>Александров В. Б.</i> Архетипы провинциального сознания как проблема информационной политики	№ 5, с. 143
<i>Александров В. Б.</i> О природе русского либерализма	№ 3, с. 72
<i>Антонов Я. В.</i> Концепция системы электронной миграции	№ 8, с. 106
<i>Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.</i> Социализация земельной ренты как способ реконструкции социальной структуры в интересах обеспечения экономической эффективности	№ 11, с. 145
<i>Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.</i> Результаты изменения социальной структуры общества при социализации земельной ренты как альтернативы налогообложению	№ 12, с. 118

<i>Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В.</i> Возможности цифровизации экономических дисциплин в учебном процессе	№ 9, с. 109
<i>Байер Ю. П., Руиз-Мартинес Ф.-Х.</i> Россия накануне Чемпионата мира по футболу-2018: влияние стратегической коммуникации на политическую систему в ходе глобальных спортивных мероприятий	№ 2, с. 65
<i>Барabanов А. А., Кайнов В. И.</i> Третейский суд как альтернативный способ разрешения споров в сфере бизнеса: история и современность	№ 11, с. 139
<i>Барabanов А. А., Прошина Е. М.</i> Институциональные проблемы формирования российской модели социального партнерства	№ 4, с. 124
<i>Белов В. И., Степанова Т. В.</i> Сравнительная характеристика качества жизни населения в современной России: проблемы и пути решения	№ 10, с. 126
<i>Блинова Т. Н., Федотов А. В.</i> Доступность услуг высшего образования: понятие и методики оценки	№ 12, с. 128
<i>Вульфович Р. М.</i> Мобильность как определяющий фактор качества жизни	№ 9, с. 79
<i>Глушченко О. А.</i> Опыт лингвистического портретирования современного чиновника	№ 4, с. 116
<i>Горбатова Н. В., Рябова Т. Г.</i> Место детской прессы в государственной информационной политике Российской Федерации: проблемы и перспективы	№ 4, с. 130
<i>Гущ В. В., Прошина Е. М.</i> Пенсионная реформа: взгляд из регионов	№ 11, с. 156
<i>Десятниченко Д. Ю., Десятниченко О. Ю., Шматко А. Д.</i> О проекте стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации (анализ задач и направлений их решения)	№ 1, с. 84
<i>Исаев А. П., Фомина И. А.</i> Приоритетные проекты развития зоны Арктики. Восстановление Северного морского пути	№ 8, с. 96
<i>Исаев А. П., Васильева Т. В.</i> Национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России	№ 11, с. 132
<i>Кавеев К. А.</i> СССР и современные США: две парадигмы тупика общественного развития	№ 7, с. 111
<i>Ким М. Н.</i> Информационное обеспечение процесса управления рекламой	№ 3, с. 94
<i>Ким М. Н., Пак Е. М., Евдокимова Н. Я.</i> «10 вопросов 100 знаменитым людям России» как формат студенческого телевидения	№ 6, с. 111
<i>Колесников В. Н., Шандыбина Н. Д., Эриум С. С.</i> Экология человека: сбережение нации как стратегия успешного развития	№ 2, с. 73
<i>Кугай А. И.</i> Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства	№ 5, с. 152
<i>Кугай А. И., Васильев В. Г.</i> Элементы формирования стратегии гармонизации межнациональных отношений в Северо-Западном федеральном округе	№ 9, с. 94
<i>Кугай А. И., Черкасова Т. Г.</i> Религия и власть как стратегический и тактический механизмы социальной нормализации	№ 10, с. 118
<i>Лапыгин Ю. Н., Тулинова Д. В.</i> Методы разработки стратегий муниципальных образований	№ 1, с. 92
<i>Малинина С. А.</i> К вопросу о динамике процессов взаимодействия «избиратели — СМИ»	№ 4, с. 142

- Пак Е. М.* Использование манипулятивных методов в текстах интернет-изданий № 1, с. 78
- Попов Д. Г., Фокина В. В.* Влияние научно-технического прогресса на трансформацию ресурсов власти и общества № 3, с. 103
- Ронжин А. Л., Железны М.* Цифровизация управленческих процессов в научно-образовательных организациях № 10, с. 109
- Сасаев Н. И.* Развитие крупнотоннажного производства сжиженного природного газа как стратегический приоритет экономико-социально-го развития России № 8, с. 82
- Сергеева О. Е., Лазарева Е. Н.* Комфортная городская среда как определяющий фактор развития мегаполисов № 11, с. 166
- Соснило А. И., Снеткова Д. А.* Роль современной корпоративной культуры в развитии компаний № 6, с. 120
- Сосновская А. М., Михайлов А. В., Орлова О. Ю.* Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга № 2, с. 88
- Сосновская А. М., Мурашев А. В.* Проектная деятельность как требование развития систем в современных условиях № 9, с. 120
- Фельдман М. А., Тимин А. А.* Экологическая политика в Свердловской области: проблема совершенствования инструментов № 10, с. 133
- Цацулин А. Н.* Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки? № 3, с. 84
- Цацулин А. Н.* Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки? (Продолжение) № 4, с. 108

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Александров В. Б.* К проблеме подлинных интересов народа № 9, с. 130
- Гриднев В. П.* Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград № 5, с. 162
- Гриднев В. П.* Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград № 6, с. 130
- Гриднев В. П.* Подвиг ленинградской милиции в обороне города на Неве (1941–1944) № 2, с. 100
- Гриднев В. П., Мурга Н. В.* Деятельность Архитектурно-планировочного управления в битве за Ленинград № 1, с. 105
- Гуркина Н. К.* Представления о капитализме в системе знаний советского школьника № 3, с. 114
- Ежов М. В., Ежова Г. В., Кудряшов В. С.* Политическая оценка Октябрьского переворота 1917 года как начальный этап становления личности Сталина в эпоху пролетарской диктатуры № 2, с. 108
- Колесников Д. Е.* Деятели культурной феномании и их вклад в финское национальное движение № 3, с. 127
- Лушин А. И.* Советское государство и общество: к вопросу эволюции оппозиции в 1960–1970-е годы № 5, с. 172
- Лыткина Л. В.* История российской театральной журналистики XVIII — начала XIX вв. и журнал «Драматический вестник» № 2, с. 114
- Лыткина Л. В.* Национальная модель российской протоглянцевой журнальной периодики XVIII–XIX вв. № 4, с. 156
- Сосновская А. М., Маслеева В. В.* Экономика впечатлений: реконструкция исторических практик культурного наследия Санкт-Петербурга № 4, с. 172

- Филонов В. И.* История взаимоотношений РПЦ и Ватикана в 20-е годы XX века № 4, с. 150
- Храпков Г. Н.* Положение приходских священно- и церковнослужителей в России в 1917–1930 годах № 1, с. 114
- Храпков Г. Н.* Императорская Российская академия в конце XVIII — первой половине XIX веков (к 235-летию учреждения Российской академии) № 6, с. 137
- Чернухин В. А., Щербаков Ю. В.* Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.): о некоторых сторонах деятельности органов военного управления служб артиллерийского вооружения Красной армии № 1, с. 120
- Щербаков Ю. В.* Из истории развития конструкторской мысли и взглядов на боевое применение батальонной артиллерии РККА в 1920–1930-е годы № 7, с. 117

A LINEA

- Бабаев Э. А.* Электронное правительство как элемент цифровой экономики: опыт Республики Азербайджан № 8, с. 137
- Белов Л. П.* Идеологический компонент концепта «сильное государство» № 10, с. 143
- Беляева И. Ю.* Стратегически ориентированная система корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием № 10, с. 153
- Воронков С. С.* Особенности формирования стратегии продовольственного рынка Санкт-Петербурга № 3, с. 146
- Воронков С. С.* Предпосылки формирования стратегии развития рынка продуктов питания в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения (на примере Санкт-Петербурга) № 7, с. 127
- Воронков С. С.* Стратегия развития продовольственного рынка и ее место в структуре целостной национальной стратегии № 9, с. 140
- Заикин А. А.* Особенности политической борьбы в процессе формирования регионального парламентаризма в современной России № 8, с. 116
- Знаменщиков А. О.* Севастополь как камень преткновения «Большого договора» № 11, с. 174
- Иваненко В. С.* Международный опыт патриотического воспитания подрастающего поколения № 10, с. 160
- Корчемный М. К.* Экономические кризисы и их влияние на структуру экономики № 6, с. 144
- Костин А. Э.* К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве № 2, с. 145
- Костин А. Э.* Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики: кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг» № 3, с. 132
- Костин А. Э.* Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры № 7, с. 139
- Кудрявцев А. В.* Роль органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности России через призму противодействия криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций № 5, с. 192
- Кудряшова К. Л.* Стратегические тенденции и приоритеты развития аквакультуры в России № 1, с. 126

- Марушин Д. В.* Роль бизнес-дипломатии во внешнеполитической деятельности России № 8, с. 123
- Марушин Д. В.* Роль цифровых технологий в демократизации взаимодействия государства и общества № 9, с. 152
- Мидов А. З.* Дифференциация регионов России по уровню стратегических конкурентных преимуществ: методологические подходы и стратегический анализ № 7, с. 165
- Михайлова В. В.* Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор активизации политического участия молодежи № 10, с. 169
- Павлов В. В.* Локализация коммуникаций как способ обеспечения информационной безопасности № 7, с. 174
- Палий К. Р.* Нормативно-правовой механизм разработки и реализации политики по сохранению объектов исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга № 7, с. 146
- Палий К. Р.* Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт № 12, с. 142
- Рукавишников Д. С.* Перспективы российского рынка слияний и поглощений в условиях экономической неопределенности № 6, с. 149
- Рукавишников Д. С.* Прогноз динамики численности российских банков до 2025 г. № 8, с. 129
- Румянцева С. Т.* Учет особенностей территорий при проведении региональной политики в сфере социально-экономического развития, культуры и туризма № 9, с. 158
- Рыбкин Р. Ю.* Основные направления российско-китайского сотрудничества: история и современность № 3, с. 140
- Рыбкин Р. Ю.* Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе № 4, с. 182
- Рыбкин Р. Ю.* Влияние российско-американских отношений на Казахстан на современном этапе № 5, с. 177
- Саблина Ю. В.* Евразийский союз: инструменты управления и интеграции № 12, с. 154
- Стафеева Н. П.* Оценка современного состояния и перспективы развития транспортно-логистической системы Российской Федерации в контексте управления рисками № 3, с. 157
- Тедеева А. В.* Выявление глобальных стратегических трендов, определяющих развитие прямых иностранных инвестиций № 6, с. 155
- Тирабян К. К.* К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации) № 2, с. 128
- Тирабян К. К.* Роль религии при формировании армянской диаспоры в РФ № 5, с. 184
- Филиппова Л. А., Хворостяная А. С.* Стратегический брендинг в России: барьеры развития № 9, с. 167
- Хижняк М. В.* Информационная безопасность РФ: в поиске новых партнеров № 2, с. 137
- Хижняк М. В.* Информационное наступление Китая в Африке № 3, с. 166
- Шаклеин К. И.* Мониторинг глобальных и национальных потребительских трендов — важный этап стратегирования (на примере отрасли кролиководства) № 7, с. 154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Карнаух В. К.* Философия стоицизма. Рецензия на книгу М. Пильюччи «Как быть стоиком: античная философия и современная жизнь» № 8, с. 148
- Кашина М. А.* Рецензия на учебное пособие «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» № 6, с. 168
- Кашкин С. Ю.* Противодействие насильственному экстремизму. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» № 11, с. 186
- Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Превентивный военный удар: от воспитания американского патриотизма к угрозам международной безопасности № 2, с. 152
- Межевич Н. М.* Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» № 9, с. 177
- Позняков В. П.* В. Л. Квинт «Вглядываясь в будущее: изыскания пророков, предсказателей, лидеров и стратегов» № 12, с. 161
- Прошина Е. М.* Непокоренные блокадой № 1, с. 132
- Шамахов В. А.* «Ku zrodlom teorii strategii» (Рецензия на книгу В. Л. Квинта) [К истокам теории стратегии] № 7, с. 192
- Шульженко С. И.* К вопросу об особенностях реорганизации Федерального государственного унитарного предприятия «Почта России», основах деятельности акционерного общества «Почта России» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Краткий комментарий к Федеральному закону от 29.06.2018 № 171-ФЗ № 7, с. 183

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты Results (Результаты)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Discussion (Обсуждение)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Ссылки (список литературы)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г.Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В.П., Дронов Р.В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В.А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А.В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2018. № 12(120) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.12.2018.

Подписано к печати 15.12.2018.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 200 экз.

Заказ № 12/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97